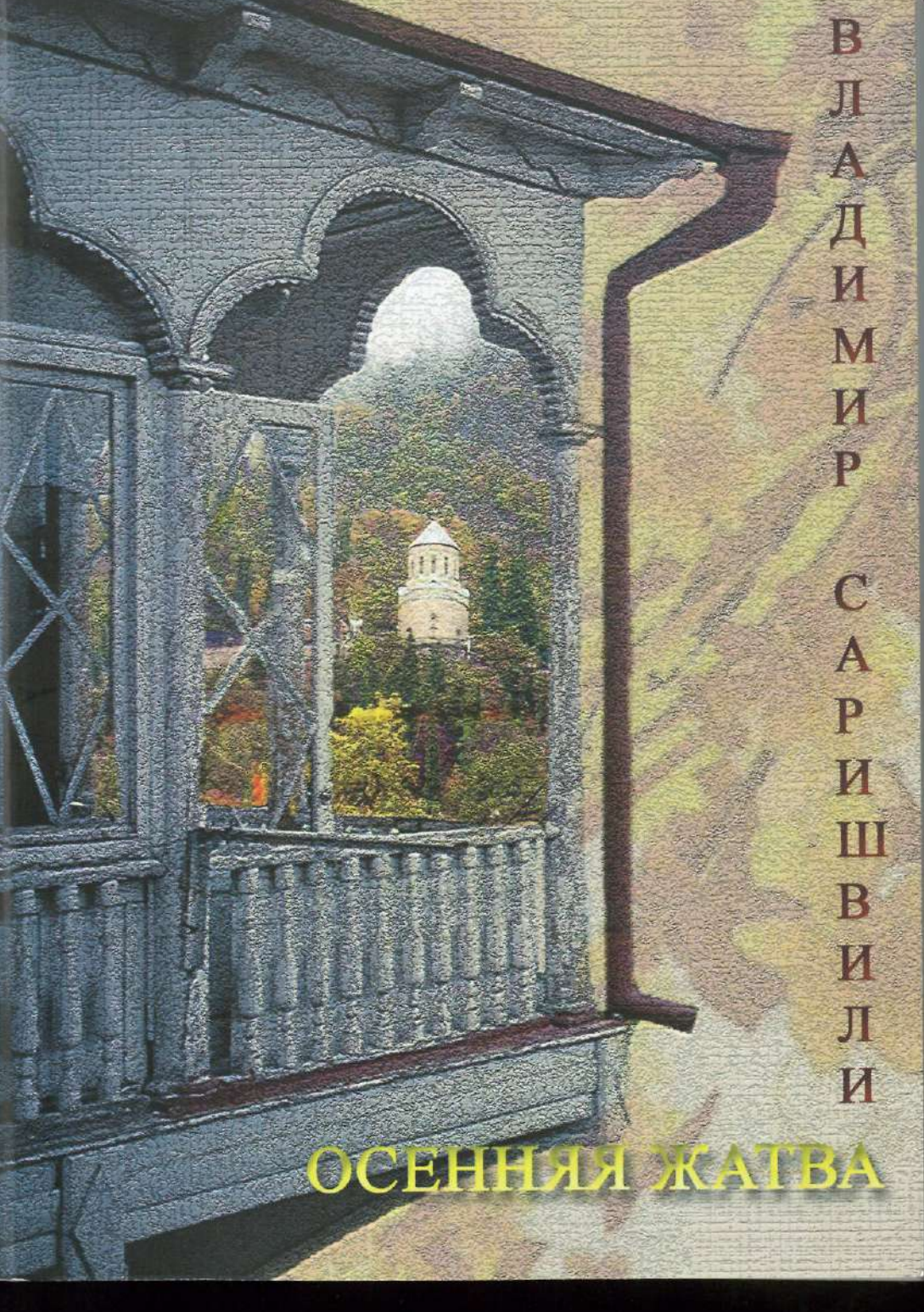

В
Л
А
Д
И
М
И
Р

С
А
Р
И
Ш
В
И
Л
И

ОСЕННЯЯ ЖАТВА

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

ОСЕННЯЯ ЖАТВА

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ
ПРЕЗИДЕНТУ МЕЖДУНАРОДНОГО
КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОГО СОЮЗА
«РУССКИЙ КЛУБ»
НИКОЛАЮ СВЕНТИЦКОМУ
ЗА ПОДДЕРЖКУ В ИЗДАНИИ
ЭТОЙ КНИГИ

Тбилиси
2011

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»**

Издание осуществлено при поддержке
Благотворительного Фонда «КАРТУ»
и Фонда «РУССКИЙ МИР»

Автор книги
ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Слово благодарности

*Индианке сари сшили,
Дед побрел на пасеку,
А Владимир Саришвили
Очень любит классику.*

Эту автоэпиграмму часто цитировал легендарный профессор Тбилисского государственного университета Константин Сергеевич Герасимов и приговаривал при этом, усмехаясь в тонкие усики: «Еще мальчишка, а уже мастер. И откуда ты такой взялся?».

Именно благодаря изумительному поэту, профессору Герасимову, «искра божья», которая, смею предполагать, тлела во мне, получила должный импульс «возгорания». Он оказал мне честь, приняв в ряды избранных учеников и привив неувядаемую любовь к сонету – пожизненно, без права на развод.

Другая легенда ТГУ – профессор Георгий Михайлович Гиголов, не только делился со мной своими «олигархическими» интеллектуальными богатствами, но и настоял на том, чтобы я не сходил со стези научной. А уж «довел до ума» мою диссертационную «одиссею» доктор филологических наук, учитель и друг, Владимир Ильич Чередниченко. Всем им – великим, не побоюсь высокопарности, ибо эпитет соответствует реалиям, всем им – покойным и ныне здравствующим преподавателям кафедры русской литературы ТГУ – Ване Семеновичу Шадури, Соломону Георгиевичу Хуцишвили, Игорю Семеновичу Богомолу, Лине Дмитриевне Хихадзе, Дмитрию Александровичу Тухарели, Нодару Левановичу Поракишвили – низкий поклон.

Благодарю судьбу за то, что родился в музыкальной семье, можно сказать, вырос за кулисами консерваторской оперной студии, где развивался мой художественный вкус. В студии пела моя мама, Элеонора Владимировна, поддержка которой так помогла мне в начале 70-х, в пору первых моих поэтических опытов.

Безумцы, лихоимцы и плуты,
Вернитесь в храмы, Божьи отщепенцы,
Не полно ль вам выделявать коленца
И спариваться, как в хлеву скоты...

Мошенники, убийцы и плуты,
Изменники, ворюги, иждивенцы,
На Божий Свет и милость ополченцы,
Слепые свиньи, сытые коты...

Вы, бросившие Господу перчатки,
Вы, в свитке Мироздания опечатки,
Как много, слишком много стало вас...

Гордится вами вечнозлобный Каин,
Вы — от Москвы до самых до окраин,
Недолго ждать — грядет последний час.

Там, на заре времен. в медвянопряной чаше,
Наевшись гусениц, напившись из ключа,
Век чешую сомкнув. спит карликовый ящер,
В полкаланчи длиной — не вся же каланча...

Набегался, устал, охотился он лихо,
Не грех и отдохнуть — башкою на бугре
Спит ящер карликовый — или ящериха....
Отсель не разобрать — спит на времен заре.

ДОЖДЛИВЫЙ МАЙ

Цветы недоедали солнца,
А травы перепили рос;
Шел май, нахмуренней тевтонца,
В литой кольчуге. Ливень рос,
И ветер был промозгл, капризен,
Земля слюнава, листья – в клей,
На вымокшем насквозь карнизе
Скандалил толстый воробей.
Погода выдавала фишки
На ставки полные – хандре.
В домах горластые мальчишки
Предались старческой игре
В лото. И мне читалось жадно
Про Иудейскую войну.
Но как же все-таки приятно
Глотнуть вина, предаться сну...

ШУТОЧНЫЕ ХОККУ

Готовы ложки,
Да нет окрошки,
Луна в окошке...

Первые листья
Отрываются по первое число
Октября месяца...

Ее прозвали Елочка,
А вообще-то она Верочка.
Просто она никогда не обнажается,
Даже на пляже,
Даже перед зеркалом,
Только разве что стоя под душем,
За пузырящейся занавеской.
Никто не видел голыми хвойных деревьев...

Я разводил когда-то пчел,
Но вот – столицу предпочел.
В круговорот, в водоворот
Направил я свой утлый плот.
А там, на брошенной земле,
На медные похожи пули,
Летают пчелы на заре,
Им не судьба вернуться в ульи...

Писал когда-то я стихи,
Но предпочел людей лихих.
Ушел по горло в кровь и грязь,
И наслаждаясь, и смеясь.
А там, на брошенной земле,
Как выкидыши на помойке,
Добычей хищной землеройки
Лежат стихи в вечерней мгле...

Я отслужил. Я – верный пес.
Облезла шерсть, сточились зубы,
Хозяева со мною грубы,
Вчера прогнали на мороз...

Пора местечко присмотреть
У родника, в сосновой роще.
И умереть. Чего уж проще,
Когда-то ж надо умереть..

В моей коллекции четверо хромых.
И у каждого есть легенда..
Один утверждает, что получил увечье во время охоты на
львов,
Когда он служил в каком-то посольстве в Африке.
Другой доверительно сообщает,
Что попал под атаку моджахедов,
И супруга его до сих пор верит в это.
А третий гордится своими подвигами горновосходителя.
Четвертый спасал детей во время пожара,
И упал с третьего этажа, не выпуская из рук дошкольника.
Я ищу пятого, которому акула прокусила ногу,
Когда он плавал у берегов Тасмании.

ВЕТЕР

Одежды с тощей яблони сорвав,
Взаимности он тщетно добивался.
В монастыре спасался и шатался,
Без покаянных слов, без всяких прав...

Без покаянных слов, без всяких прав,
В лесу гнезвился, штилем притворялся.
Подался в горы, оргии предался
И взвизгивал порой: «Гуд бай, май лав!»

Прости, король, король мой черный,
За то, что я тебя загнал,
За то, что глупо и позорно
Я в плен коням тебя отдал.
За то, что над тобой смеялись
Мои глумливые друзья.
За то, что, грубой злобой скалясь,
Тебя в углу ждала ладья;
Что за твоим движеньем скорбным
Следя с насмешкой озорной.,
Она ждала... полувлюбленно,
Когда мне будет мат ладьей.
Она ждала твоей кончины,
Украдкой глядя на него.
А ты послушно, строго, чинно
Шел до паденья своего.

1978 г.

РОЖДЕНИЕ ТЕОРЕМЫ

Однажды вечером Катет явился в гости к Гипотенузе. Совершенно, между прочим, трезвый. А у Гипотенузы пил чай с баранками другой Катет. И тоже совершенно трезвый, что не помешало им дать друг другу по квадрату. Но Гипотенуза бросила между ними белый платок, все закончилось примирением, и в положенный срок (неизвестно, правда, от кого), родилась Теорема.

ОСЕНЬ-ПОГРАНИЧНИК

Здесь – граница. Ухабы
И поблекло веселье.
И теряются бабы,
Как носки на похмелье.
Здесь – рубеж. Это – осень
Раскоряканной жизни,
Что же, милости просим,
Ставь печати на визе
В беспросветную старость,
В неприютную пропасть...
Лодка – стоп. Откаталась.
Лодка – сломана лопасть.

ЧАЙНАЯ РОЗА

Вы дайте мне, дайте мне несколько грошей на чай,
Эх, водочка, водочка, лодку мою раскачай,
Ах. Ладочка, Ладочка, в мерзлом живу я краю,
Но жаркую, жаркую песню тебе я спою.

Вы пейте да кушайте, будет мне больше на чай.
Эх, водочка, водочка, лодку мою раскачай,

Ах, Ладочка, Ладочка, как ты теперь далеко,
На море, под пальмы увез тебя муж Валико.

Вы дайте мне, дайте мне несколько грошей на чай,
Ах, Ладочка, Ладочка, ты без меня не скучай,
Свои чаевые я скоро, я скоро скоплю.
Приеду и выкраду чайную розу мою!

РОБИНЗОНАДА

Свернуть с автобана в коджорский октябрьский лес,
Плутая по лисьему следу, в лесу затеряться...
И лежа на иглах сосновых, луною топлесс,
Луною-китайной меж облаков любоваться.

В сторожке заброшенной встретить прохладную ночь,
Почуять забытую в сердце охотничью удаль,
Огонь развести. Подмести да кирпич потолок,
Начистить кувшин, сковородку и прочую утварь.

И, снасть обнаружив в углу, до рассвета к реке
Спуститься, в азарте под ветром почти что не ежась,
Какая уха забурлила в моем котелке,
Хоть князю ее предлагай., хоть холеному дожу...

Цветник развести, на закате ходить по грибы,
Под уханье сов засыпать, как под музыку Баха...
Мираж... Снова трасса... несутся упертые лбы,
И город встает впереди, как зубастая плаха...

ПОХОРОНЫ

На станции Навтлуги
Шофер залил бензин,
На похороны друга
Отправился грузин.
Он визу шлепнул сразу
В российский стольный град —
Отдал за срочность баксов
Зеленых — пятьдесят.
А на границах густо
Смеялись усачи:
«Гони-ка стольник шустро
И паспорт получи».
Он ехал — не смеялся,
До шуток ли сейчас?
Он ехал Верхним Ларсом
Вниз, во Владикавказ.
Ему таможня перцу
Задала ни за что.
«Пускаете чеченцев,
А ну, снимай пальто!»
Томился на вокзале,
Опаздывал состав,
Пил пиво, ел хинкали,
Потом вздремнул, устав.
И думал он сквозь дрему,
Средь слякотной зимы:
«Плохое пиво, Сема,
Не то, что пили мы...».
С небес ручьи стекают,
Народ раскрыл зонты.
Грузина поднимают
Нахальные менты.
«Бичо! Разлегся тоже,
Развел, бичо, тоску,

С такую мятой рожей
Чего ты прешь в Москву?»
Грузин в вагон плацкартный
Пристроился бочком.
Там пили, дулись в карты,
Кормили молочком
Капризного младенца,
А старый хрыч спяна
Выделывал коленца
У грязного окна.
В углу он ехал молча
Все двадцать пять часов,
Вот Курский... Путь окончен,
А ветер – будь здоров.
В пальто поднятый ворот
Упрятано лицо.
Москва – запретный город
Для бедного кацо.
Он в дверь звонит устало,
Он говорит слова.
Его едва узнала
Ретивая вдова.
«Ах, здравствуй, видишь, горе...
Но как с тобою быть?
Приехал Витя, Боря,
И где вас уложить?»
«А я перекантуюсь, -
Соврал он, - у друзей».
«Не дуешься?»
«Не дуюсь».
«Иди, хоть чай попей!»
От чая отказался,
Пальто не сбросил он,
У гроба потоптался,
Промолвил: «Эх, Семен!
Я буду завтра утром».

Он вышел. Холод, мрак,
Пороши сыплет пудра,
Шагай, шагай, бедняк.
В ночном кафе каком-то,
Под грохот децибел,
Сидел он, пальцы комкал,
Беляш холодный ел.
Под матерные всхлипы
Обиженных блядей
Он бормотал: «Ты прибыл,
Балдей, бедняк, балдей».
Опутал мысли косо
Бессонницы клубок,
Он квели клюнул носом –
Толкают сзади, в бок.
- Куда пришли, в ночлежку?
Ступали бы домой.
Беляш-то свой доешьте,
Или бери с собой!
В дверях он потоптался,
Свернул куда-то в сквер,
Как подло задержался
Рассвет, тяжел и сер.
А связки-то осипли,
По логике вещей.
А «кипы книг» и «Киплинг»
Рифмуется вообще.
А как мы в Цихисдзири
Сидели у ручья...
Картошечка в мундире,
Ладыя d-5! Ничья!
А время уж под утро,
А времени уж нет,
Проклюнулся как будто
Последний твой рассвет.
Ходил по магазинам,

В пустой забрел музей,
Где сообщил кретинам,
Что в Риме – Колизей.
А ровно в пол-второго
Букет гвоздик купил,
И в дом поднялся снова.
Где старый друг почил.

Шопена марш прервали,
Спустилась вниз вдова.
Один сказал: «Ну, взяли,
С той стороны. Раз-два!»
В четыре опустили,
Зарыли в землю гроб,
По рюмке пропустили,
Могильщик вытер лоб.
Примкнулся на поминках
Он рядом со снохой.
И слышал: «Эх, калинку!
Лукич любил. Запой!»
А тамада дородный
Подбавил гущи в тон:
«Там он теперь свободный,
Ну, будь здоров, Семен!»
Когда ж перемешались
Гитара, тосты, крик.
«Ты че, старик, не шаришь?
Ты че, сдурел, старик?»
По стеночке прокрался
К вдове румяной гость,
Неслышно попрощался,
Скрывая боль и злость...
И – прямиком по снегу,
По бешеной Тверской.
«Куда-нибудь доеду,
Оттуда уж – домой.

Пускай хоть с пересадкой,
Но только бы сейчас,
С финансами досада,
Пора извлечь запас.
Голодным — ради Бога,
Невелика беда,
Храни меня, дорога,
В Тбилиси — навсегда!»

КОВБОЙ В РАЮ

Один ковбой, вступивший в бой
С разлившейся рекой,
Был побежден, был вознесен
В небесный рай ковбой.
Ошеломленный, он стоял
У вожделенных врат.
Апостол Петр ему сказал:
«Войди, любезный брат!
Ты нагрешил, но заслужил
Кончиною своей
Блаженства вечного в раю,
В святых и праведных краю.
Смотри, хоть тут не пей!»
Ковбой пытался рассказать —
Как страшно он погиб.
И как спаслись жена и мать,
И Билл, противный тип.
Но Петр не выслушал ничуть,
Другим он занял был,
Лишь пробурчал: «Доволен будь,
Что утонул не Билл».
Ковбой вошел в Небесный Рай —
Ни звука, ни души.
Ну хоть еще раз умирай!

Что толку в сей глуши?
А где же ангелы и где
Бодрящий щебет птиц?
Ковбой подумал: «Быть беде»
И растянулся ниц.
Он так лежал, услышав звук
Медлительных шагов.
Кто здесь? Давида лучший друг,
А может быть, Иов?
Нет. Убеленный сединой,
Степенно шел старик.
И в умилении ковбой
К руке его преник.
«О Боже! Выслушай меня!
Река, взбрыкнув, как мул,
Сносила все средь бела дня.
Я ночью утонул.
Успел увидеть, как водой
Коровник унесло,
Быков, овец — ах, боже мой,
Несметное число
Неслось по бешеной реке,
Враскидку, кувырком,
Я драпал с Библией в руке,
В трусах и босиком.
Ах, Боже мой, кошмар и жуть,
Утешь меня, Господь!
Какая мука — утонуть,
Поток не обороты!»
Но грозный огонь сверкал в очах,
Старик негодовал,
Сопел старик, траву топча,
И бороду щипал.
«Ты все сказал? Мальчишка, шут,
Смеешься надо мной?
Ты мне рассказываешь, плут,

Что унесло водой?!
Пошел отсюда! Никогда
Ко мне не подходи!
Скажите тоже! Вот беда!
Уйди, дурак, уйди!»
Ковбой, растерянный, пошел,
Куда сказал старик.
Аллея роз... Трава, как шелк,
И солнца мягкий блик.
Так то прихожая была,
А рай начнется здесь?
Очаровала, развлекла
Ковбоя эта весть.
Навстречу ангел: «Дальше в путь
Отправишься со мной.
Печали, горе позабуди,
Блаженствуй здесь, ковбой!»
«Скажи мне, ангел, отчего
Был так сердит старик?
Ведь не обидел я его,
А лишь к руке приник.
И рассказал, как ночью был
Потоком унесен.
Чем я ему не угодил,
Ответь мне, кто же он?»
И молвил ангел: «Друг мой, знай,
И более не ной.
Старик-ворчун у входа в рай —
Тот самый добрый Ной.
Он преотличный человек,
Он мил, душою чист.
Но только вспомнит про ковчег —
Становится ершист.
Когда вы встретитесь опять,
Даю тебе совет,
О наводнениях чесать

Язык – при нем не след.
А в общем, все здесь хорошо.
Могу заверить в том.
Пойдем, дружище. Ты пришел
В свой новый, вечный дом!»

Получу я, получу я
Алычу.
Лютый голод уврачую,
Залечу.
С алычою, с алычою,
С алычой,
Я не чую, я не чою.
Чей я чой.
Я в тебе души не чаю,
Алыча!
Я танцую после чаю
Ча-ча-ча.
Алыча ты, алыча ты,
Алыча,
Край восторгов непочатый,
Непоча...

УТРО ПЕРЕД СРАЖЕНИЕМ

- Мой генерал! Светает. Скоро в бой.
Уж горизонт означился, белея,
Уже встают под знаменами в строй
Полки Мюрата, Ожеро и Нея.

- Мой адъютант! Готов ли завтрак?

- Здесь

Горячий кофе, ветчина и булки.

- Я съем его, пожалуй, сразу весь.
Не будет легкой нынче днем прогулки.

- Мой генерал! Погода так плоха!
Порывист ветер, дождь промозглый сыпет.
- Мой адъютант! Какая чепуха!
Подай сюда ботфорты. Кофе выпит.

Вперед, в атаку, на дунайский мост,
Нас будут помнить здесь в седьмом колене!
Мой адъютант! Скорей займи свой пост,
Клянусь жезлом, мы завтра будем в Вене!

Однажды, когда холодеющий воздух впервые забрался за
шиворот мне
(проездом я был в этом городе постном; трамвай прогремел,
вечерело) В окне
Увидел я полные руки хозяйки, железной прищепкой белье
защевив,
Она мне кивнула с улыбкой всезнайки, понявшей: «Корабль
напоролся на риф».
Меня пробирало волной лихорадки, октябрь под лопатки
вонзал свою дрель.
Но голос, на радости плотские падкий, слышался, как
соловиная трель.
И страннопримница, веса излишек неся, как приятный
подарок судьбы,
Меня обдала ветерком из подмышек, и слюнку слизнула с
вишневой губы.
Мне стопку налили, подали огурчик, нарезали сальца – сама
не пила.
Потом начался неуклюжий амурчик, как вы догадались.
Такие дела...
Я утром уехал, она проводила, я шел по дороге,

набравшийся сил.
Но вот что меня самого удивило — я имени даже ее не
спросил.

Я в карманы старых брюк
Положу себе урюк,
Чтоб, по городу бродя,
И его себе едя,
Вспоминать далекий юг,
Где растет себе урюк.

ИСПОВЕДЬ ЖУРНАЛИСТА

Как неуютно мне, обидно и неловко,
Сейчас я объясню... Наверно, дело в том,
Что жизнь моя прошла под скучным заголовком,
И набрана была неправильным шрифтом.

Какой туманный стиль, какой неясный почерк,
Какой унылый фон, какой фальшивый тон.
Ума не приложу — опубликован очерк?
А может, репортаж? А может, фельетон?

Закончится день суеты, перебранок,
И вечер ступить не успеет на пост,
А ты уезжаешь — вставать спозаранок,
И снова меж нами невидимый мост.

А ты уезжаешь. А мы не успели
Согреться, натешиться, сбросить напруг.

Не спится. Не спится в оковах постели,
Декабрь наступает, чужой, как варяг.

И нет нам приюта, и нет нам ночлега,
Как сеттер нашкодивший, ветер затих,
И осень уснула в объятиях снега,
Так ты бы уснула в объятиях моих.

Не услышу сегодня твоих торопливых шагов,
Опускаются сумерки, дом наполняется тьмою.
Я в компании мелочных, злобных античных богов
Скоротаю часы до зари, оглушен тишиною.
Не пора ли за ужин? Настольную лампу зажечь...
Не войдешь ты сегодня под кров мой, от курева сизый.
Льется в душу мне эллинов ковано-плавная речь,
И ласкают мой взор Парфенона лепные карнизы...

Преграды, беды и соблазны,
Единоборства и пиры,
О, как они многообразны,
Пандоры горькие дары!

Воздух вешний и сер, и тяжел, как свинец,
Катят волны, толкаясь и споря,
И циклон, как циклоп, гонит тучных овец
Вдоль скалистого берега моря.

Это Крым. Это дым из домов-кругляшей,
Крепкий кофе в песочнице сварен.
И бросает торговке пригоршню грошей
Свеклолицый сердитый татарин.

Сморкается в салфетку,
Чихает ветром март,
Хватается за ветку
На грудь принявший бард.
И барду не до марта –
Кайфует в кураже.
И марту не до барда –
Кончается уже.

Где, облезлые, как тигры в нищем цирке,
Бродят судьбы, выживаньем озадачены,
Где недавно сиротливым тощим цифрам
Наплевать на то, что одесятизначены,
Ты лопочешь о любви в кафе с простреленным
И замызганным стеклом, губами мокрыми
Кофе пробуя. В душе моей – расселине
Слепни ползают. Словами новомодными,
Чуть сгущая голос, отвечаю правильной,
Безысходностью больною, жесткой логикой,
Ну куда нам, неумелым, нерентабельным,
Ну зачем нам одурманиваться ложью-то?
Перемолот жерновами безотказными
Колосок мой, укатали сивку круто так,
Ну зачем нам, да со связями опасными,
Ну куда нам – все дороги перепутаны...
Только ты меня давно уже не слушаешь,
Стих читаешь – тот, что написал намердн я.

И прихлебываешь чай с конфетой грушевой,
И бормочешь о любви, весеннелетняя...

ПИСЬМО БЕЗ АДРЕСА

Как живете вы нынче?
Тот — по нраву ли берег?
Как ваш доберман-пинчер,
Все такой же истерик?
Помню, помню прекрасно,
Как чинили мы зонтик
И как мазали масло,
На поджаренный ломтик
Бородинского хлеба,
Привезенного вами
Из-под серого неба...
А теперь вы в Майами...
Как живете вы нынче?
Ни вздохнуть, ни поплакать.
Ест ваш доберман-пинчер
Только свежую мякоть.
Не страшитесь вы снега
И не льнете к печи вы,
Знаменитый коллега —
Не редактор ворчливый,
Вечно чешущий уши,
А везунчик на бирже.
Ветер руки вам сушит,
Пинчер руки вам лижет.
Не течет у вас крыша,
Щеки ваши — цвет маков.
И не шмыгают крысы
Из-за мусорных баков.
Не скачуете возле
Телевизора в кресле.

Вас на ужин отвозят
И качается крестик
Над бандурою «Сони»,
Извергающей хард-рок.
Даже в ритме погони
На дорогах порядок.
Времени я б не занял,
Уж простите за смелость,
Вот, бумагу тараню,
Но узнать захотелось,
Как живете вы нынче,
Где и с кем, и надолго ль,
Как ваш доберман-пинчер?
До свидания, Ольга...

КЛЯЧА

В оскудевшей кормушке овес не покроет и дна.
Ты лысеешь, лошадка, ты к скачкам уже не годна,
И по логике жизни осталась в конюшне одна,
Жеребята твои под жокеями рвутся на финиш.
Ты в опале годов, и крутые когда-то бока
Безобразно отвисли, размякшие ноздри пока
Запах стойла вдыхают. Копыто – подобье крюка
То уложишь в размокшее сено, то, фыркая, вынешь.

Учинили бесшумную давку в щелях потолка,
Умирая, снежинки. Крысята, попив молока,
Обустроились в теплом и мягком гнезде уголка,
Что бесплатно забрали в аренду нахальные крысы.
Снится ей: на лужайке, слегка пригубивши вина,
Офицеры садятся в коляску. Сияет луна,

И везет с ветерком кавалеров смешливых она
По аллее, где полночью летней шуршат кипарисы.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ

Другие планеты с шампанским, танцами, хрусталем,
Автомобилями, запахом тонких духов, огнями вечерними,
Премьерами в опере, ужинами «всем семейством»,
Концертами и предприятиями дочерними,
Футбольными матчами, где на зеленой траве
Вспотевшие звезды великолепно выглядят.

А у меня с похмелья туман в голове.
Что за гадость вчера продавал этот выблядок?

А на других планетах виллы в багровом соку заката,
На побережьях всех океанов дети играют в мячик,
В дельфинариях от восторга захлебываются негритята...

А здесь над тарелкою пшенки без масла хнычет мой
мальчик.

В недостижимой галактике сбрасываются пеньюары,
Нега тел ароматных в роскоши утопает,
Завтракают шоколадом, сравнивают загары,
Парною свиной кормленный, сеттер в саду гуляет.

А здесь, ознобом исколотый, вяло и по обязанности,
Или сугреву ради, живот к животу, аккорд за аккордом,
На простыне качаюсь, не видя разницы в разности
Меж полуживым соитием и соитием полумертвым.
Резь в желудке напоминает — я сорок часов не евши.

На кортах Уимблдона решается проблема левши.
И грима не надо — вот он я, самый пропащий леший.
Наймите, инопланетяне, за сущие хоть гроши,
Или за холодный гамбургер снимусь в вашем «Как-Там-
Пикчерс».

Что за галлюцинации... омерзительную икоту

Водой не унять. Мне хочется человеческой пищи.
Я с соседней планеты тупо смотрю на икону.

Аристотель и Зенон,
Феокрит и Мосх.
Книг вареное зерно
Засевает мозг.
Хватит, сеятель, доколь
Без толку потеть,
Согласится только мошь
Пашней володеть.
На плешиевой полосе
Не взойдут ростки.
Брось ты лучше в печку все
Мятые листки.
Но работает глупец
В холод, дождь и в жар.
Сытый жнец — молодец
Запер свой амбар.

РЫНОЧНАЯ ЗАРИСОВКА

Дневной кураж. Срывает ветер шапки,
В горе отбросов ищут счастья шавки,
Растрепанные женщины у лавки
С заморскими конфетами вопят.
Приценился. Отгавкнули. Избавлен
От муки счета, отошел, подавлен,
Бухгалтер лысый. Фартук окровавлен
У мясника. Старушки шумно льстят
Ему, для кошки выклянчив обрезки.

Говяжьи кости рубятся. И в треске,
Как брызги, сколки в стороны летят
И путаются в чьих-то патлах мерзких.

По черной слизи чавкая подошвой,
Идет торговец вениками. В прошлом
Официант в единственном и пошлом
Ночном (в войну сгоревшем) баре. Чай
В подвальной обжираловке. Хватают
Стаканы, и ладони согревают
Точильщики и, хлюпая, хлебают,
Вдыхая пар и выдыхая чад.
Стоят горбатым веером цыганки,
Подмигивает мальчику на танке
С календаря кумир – калиф на час.
Проклятия. Прощанья. Перебранки.

ИЗ «СОНЕТОВ ПОХМЕЛЬЯ»

IX

Зачем, вино, с улыбкой палача
Каленой медью ты меня пытаешь?
Другого приободришь, обласкаешь,
Утешишь, как церковная свеча.
А тут, от боли головной мыча,
Сидишь. Вчерашний праздник вспоминаешь,
И книгу телефонную читаешь:
«Коровин. Коркин. Котов. Каланча...»

Бесцельно утро – день пройдет без смысла.
Так и живу, зачеркивая числа
На крохотном своем календаре.

И сам я перечеркнут жестом свыше.
Хоть царствую со свитой при дворе.
Пажом – паук. А фрейлинами – мыши.

Х

Украдена и опустошена,
Жизнь кошельком лежит на тротуаре,
Что лучше – капля черного кураре,
Или бочонок черного вина?

Как нервно одевается жена.
Дверь хлопает. Я путаюсь в кошмаре
И пустота дупла в моей гитаре
Глуха, как шлиссельбургская стена.

Где рой червонных пчел – твоих мелодий?
Как змеи, сбросить кожу я б хотел,
Неузнанным пройти по переулку.

Эх, будь я древний римлянин Володий,
Сейчас бы тогу чистую надел,
Позавтракал и вышел на прогулку.

У дамы ближе к сорока
Сегодня гости и веселье.
Ей подарили ожерелье,
Отрез и Попку-дурака.

У дамы ближе к сорока
Трещат подружки, как сороки,
Семейные смакуя склоки
Под ругань Попки-дурака.

Расцеловав: «Пока! Пока!
Я позвоню» - подруг в прихожей,
Захлопнув дверь в подъезд, похожий
На зев беззубый старика,
Она жеманно мнет бока,
Жирок нащупывая лишней.
И пьяной лакомится вишней.
Конец. Последняя строка.

ИСХОД

Разоренные гнезда, обрывки обоев, полы,
Где следов незатертых мозаика спутана частая.
Это брошено все, это вырвано все, как полынь,
Здесь конторы теперь расположены, лавочки частные...
Уповая на случай, семейства бегут за кордон,
Оставляя рояли, любимые книги, бегонии.
Совесьть предков могилы бросать не велит, но – пардон.
Те – уже за чертой, эти ж – только в преддверье агонии.
Сололаки утратил свой высланный мягко акцент,
И погибли веселые ночи на Верэ, Мтацминда...
Здоровяк и обжора, постится Тифлис, как аскет.
Безоружному здесь остается одно лишь – молиться.

Я хожу, озираясь, и словно гвоздем по стеклу,
Незнакомая речь нервы рвет, как листки календарные.
В темный дом возвращаюсь, постель свою молча стелю,
Сплю – и катятся сны, словно обручи, с лязгом, бондарные.
Скоро вместо людей только стаи голодных волков
Будут бегать по улицам. Скоро, уставившись в лужу
После майской грозы, в убегающих нитях кругов,
Словно в зеркале, морду звериную я обнаружу.

НИЩИЕ

Средь некогда домов, теперь под корень скрытых,
Заводится зима все круче, все лютей,
В отбросах шарят здесь обрубки прежде сытых,
Исполненных достоинства людей.
Ученый астроном уже заметил рыбы
Хвосты и головы, но кошки тут как тут,
Ох, ушлые зверьки! И тот – котяра рыжий,
Такие разве кость кому-то отдадут?
Две тени, две сестры – артистки оперетты,
(На ней висит замок в полпуда третий год),
Спокойно ворошат подмокшие газеты –
Терпение и труд, быть может, повезет?
Глаза их так пусты, как раковины мидий,
Распоротых ножом на берегу морском.
Сервиз – на керосин, а бабушкин Овидий –
В уплату мяснику за два кило мозгов.
На мусорный пустырь – ссутулившись, иссохнув,
Найти Чего Пожрать – царица средь идей
И Душу Задержать – король средь философий
Простерли скипетр над обломками людей...

Печать звериной тупости застыла
 В твоих глазах, как студень в погребке,
 Взгляд исподлобья... Разве это было?
 Прогулка летом, в лодке, по реке...
 Сплета венок ромашковый, ты свечи
 Зажгла. И воском капнув на цветы,
 Вплавь огоньки пустила. Этот вечер
 Еще не мертв во мне, еще царит...
 А что потом? Вояка-оборванец,
 Награбив вволю в брошенных домах,
 Купил тебя. И стая злобных пьяниц
 Стреляла — свадьба! В небо — ба-ба-бах!
 Я откажусь, пожалуй, от форели.
 Ты третий год ворованное ешь.
 Твои на стенах тлеют акварели,
 Лимонно-желтый превратился в беж.
 Совру, что мне приятно было с вами,
 Спрошу прощенья, что не пил вино.
 На мраморе порога буквы SALVE.
 Дом итальянцы строили. Давно.

ОРЛЫ И ВОРОБЬИ

Не напрягая крыльев, со скалы
 Они слетают за живой добычей.
 Вам целый мир — поднос для доброй дичи,
 Безмолвные, спокойные орлы.

Прочь, прочь стремглав — от кошки, от метлы —
 Вот, воробьи, таков уж ваш обычай.
 Рабы, воришки в шумной стае птичьей,
 Для гнезд облюбовавшие углы.

Одни в ущелье буйволов бросают,
Другие часто воздух сотрясают,
Ликуя, коль на ужин – червячок.

Тот – властелин, а этот – лишь прислужник.
Тот – настигает, этот – лезет в нужник.
Я – не слуга, не царь. Я – светлячок.

ШУТКИ НА ТЕМУ ВРЕМЕНИ

К этой приходишь ты на ночь, рассказываешь о своем
славном прошлом,
Заедая пиво сарделькой с зеленым горошком,
Но ей нужно не прошлое, а настоящее.

Эту ты присмотрел для женитьбы и морочишь ей голову
славным будущим.
Эдак, месяцев шесть, мол, и станешь магнатом, орудующим
На огромном финансовом поле, как футбола звезда
восходящая,
Но и ей нужно не прошлое, а настоящее.

А где твое настоящее?
Толкотня в метро, голова, поутру гудящая?
Нервные вспышки, проклятья властям,
Недоверье к заморским сладостям?
Выборы новой люстры или президента,
Споры о завтрашнем дне континента?
Славное прошлое и славное будущее –
Вот что всегда с тобой и твоей страной.

Мы выползаем из дверей,
Как тараканы из щелей.

У таракана есть родня,
И у тебя, и у меня.
У таракана есть усы,
А я их сбрил. Зато часы
Я на запястии ношу,
Хоть тиканья не выношу.
Я отличаюсь от него
Тем, что читал роман Прево.
А больше — сколько ни гляжу —
Различия не нахожу.
Проворен так же, так же сыт.
Струей могу быть так же смыт.
Ему опасность — ржавый кран,
А я — у моря таракан.
Он за границу не ходок.
И я здесь свой мотаю срок.
И водкой каждый вечер пьян,
Как дихлофосом — таракан.

Слеза, чем горше ты и солоней.
Тем Господу любезнее, наверно.
Как заливался утром соловей,
Когда я плакал после ночи скверной....

Я каялся, прощая всех и вся,
Но не себя, погрязшего в гордыне,
И хмурились, золу и грязь мяса,
Мои надежды и мои святыни.

Я в ожидании милости твоей
Готовым был на муки и на битву,
Но рядом славил утро соловей.
И слышал Ты одну его молитву.

Ты вся из воздуха, в глазах твоих огонь.
А я восстал из волн, я бронзов от загара.
Мы – чуждая земле, непрощенная пара.
Мне странно целовать покорную ладонь.

Мой шаг тяжел и тверд, пока на грудь волны
Не лягу, уносим отливом в беспределье;
Ты надо мной летишь, как древнее веселье,
Ожившее в душе эоловой струны.

Но я в лучи луны твоей не окунусь,
Тебе же не лежать, в прохладной нежась пене.
И потому, влеком рыбацким грубым пеньем,
Порой на скалы я с надеждой оглянусь.

И вал меня помчит, как крутобокий конь
Обратно, и тебя я увлеку с собою.
И снова на земле блаженство я открою,
Целуя средь олив покорную ладонь.

Со скалы, крутой и рыхлой, камни падали под ветром,
Словно лешие от скуки разыгрались в домино.
Убегала в ночь суббота перед воскресеньем вербным,
Плесень сумерек отечных налипала на окно.
И сопел на плитке чайник, хмуро чваньясь, как начальник,
Я подсчитывал убытки без компьютера, в уме.
Даже водки не хотелось, уж тем более не пелось.
Раз не пилось. А не елось, потому что не имел.
Я мечтал о лососине. Вот бы рядом, на осине,
Закачалась, розовата, чудо-рыба, или хоть
Снизка крохотной чехоньки. Так же можно до чахотки
Довести не душу если, то расхристанную плоть.
Я следил за тараканом на трибуне-шпингалете,

Коротая тусклый вечер, экономя керосин,
Увераясь, что напрасно я мечтал о сытом лете.
Убеждаясь, что на свете чудотворных нет осин...

ПЕСНЯ БРОДЯГИ

Как случается так —
В целом мире ни крова, ни хлеба
Не нашлось для меня —
Даже в гости никто не позвал.
Здравствуй, медный пятак,
Здравствуй, чистое зимнее небо,
Здравствуй, город другой,
И заплеванный автовокзал.

Не боярам в шелках,
Не боярским сынкам в «Лимузинах»,
Не лабазным купцам,
Улещающим златом супруг,
Не министрам в верхах,
Не щенкам их на вате в корзинах —
Я завидую птицам,
Давно улетевшим на юг.

В стае лишнего нет.
Это лишь в человеческом стаде
Могут выбросить прочь
На помойку, на паперть, на снег,
Как бумажки от старых конфет,
Как осеннюю муху в салате
Человека бросает
Такой же, как он, человек.

СЛОНЫ

Шатаюсь, кожей обвислою с боков
Медлительно тряся, деревья обтирая,
Выходит старый слон на капище богов,
На кладбище в горах, поблизости от рая.
Слоненком видел он, как, деда проводив,
Вернулась мать, трубя, что пробил час урочный.
Теперь к нему пришел неотвратимый, точный,
Последний смертный день, безжалостный, как риф.
Могильщиков слонам природа не дала,
Но есть ущелье, где сложили предки бивни.
Хребты их, черепа отмыты добела,
Старательны, щедры тропические ливни.
Облился старый слон озерною водой.
Сюда полвека он водил родное стадо.
Прощайте! Дряхлый вождь все делает как надо —
Он сам уходит на покой.
Уже мутится взор. И сердце медлит бег,
Скорее б донести изношенную тушу,
Из горной пропасти подбросить к небу душу,
Ущелье вздрогнуло. Он рухнул на ночлег.

Это я, Господи!
Накрытый брезентом возле пивного ларька,
На перекошенной Хлебной площади...
Как смерть оказалась легка!
Собирается дождь пойти.
Вместо свечи в изголовье — носок полицейского сапога.
Это я, Господи!
Твой нерадивый слуга,
На перекошенной Хлебной площади,
Втиснутый в задницу «Скорой помощи».
Хлопнула дверца. Оказаны почести,

Жизнь, как букварь, прочитана по слогам.
Стерты фамилия, имя, отчество.
Кончено! Запрягай!

Уеду. Город мой вовек не огорчится
И даже головой вдогонку не кивнет.
Опередит вагон размашистая птица,
И на стекло уронит свой помет.
Уеду не плясать на южных пляжах самбу,
Я юность пропустил, как «бабочку» - вратарь.
И лает сизый в дым, с цепи срываясь, тамбур,
На киноварь листвы, на солнечный янтарь.
Какую мне с небес пришлют по почте участь?
Бессонницы моей, грядущей маеты
Знаменьем кажется зазывный смех попутниц —
- Прокиснет водка, мол, чего там тянешь ты?

Я сам не знаю — сколько лет
Прожил на свете этом.
Я в прошлом веке был поэт,
Но трудно быть поэтом.
Я в новом веке стал купцом,
Стихи забросил напрочь.
Ходил я с каменным лицом.
Смягчающимся на ночь.
Теперь я болен, одинок,
Одышка и отечность.
И знает Бог, один лишь Бог,
Когда уйду я в вечность.

Убывает с повинной душа в небеса.
Запечатал священник багаж прегрешений.
До отхода осталось четыре часа,
Торопись, торопись – от тревог и лишений.
Уж купила родня деревянный билет
На вокзале, где все пассажиры на месте.
Сорок суток дороги – от прежних побед,
От плохих новостей, от хороших известий.
Закрываются наглухо двери купе,
Проводили тебя и вином, и цветами,
И по горсти земли подарили тебе,
Награжденному сном, разлученному с нами...

Сырела природа, и лица серели
У странников, молча жевавших еду.
Автобус выкашливал гроздь сирени,
Которые дарят колдуньям в аду.
И, ежась от ветра, стоял я у дверцы,
А ты за стеклом, словно рыбка, плыла.
И спряталось солнце. И спряталось сердце.
И время ударило в колокола.
Встречал я тебя не по первому чину –
Нажарил картошки, заправил салат.
Приехала. Просто хотела мужчину.
Уехала. К мужу. На север. Назад.
Посуду не вымыла. Мусорный ящик
Оставила полным. Сама саквояж
Нести захотела.

- Какой ты... курящий, -
Сказала в дороге. Закончился наш
От нечего делать – роман. Или слово
Не то – нафталинный пошел запах.

Прощайте. Прощайте, гражданка Козлова
По мужу. Примите на память стишок.

Янки деньги держат в банке,
О себе немало мня.
Я – не янки, значит, в банке
Есть варенье у меня.
Будет с чем откусать чаю,
Чай, и сам не лыком шит.
Телевизор я включаю,
Слышу «бух, и бах», и «ширт».
Ах и ох, май лав, и в сиськи
Лезет пьяная свинья.
Черный киллер выпил виски –
Перестреляна семья.
Я считать убитых взялся,
Но автобус подорвался,
А за ним и самолет
Прямо в море рухнул. Вот.
Трюки, брюки, юбки. Танки
По ухабам катят.
И за что вам только, янки,
Столько денег платят?
Что в чужих карманах шарить
Бедному поэту,
Лучше окорок поджарить,
Только денег нету.

Нет, ни один на свете спонсор
Меня путевкой не снабдит
Послушать песни Билли Бонса,
Когда он пьян был и сердит.
Я дал бы дорого за явку
В те времена, в тот день и час,
Чтоб, сидя в бочке из-под яблок
Услышать Сильвера рассказ.
Привыкнуть к выстрелам и ранам,
Заблудший парусник украсть
И с сумасшедшим Беном Ганном,
Рыча, на золото упасть.
Но мне в удел скучнее шоу,
На этот век — другой билет.
Трактира «Адмирал Бенбоу»
Уже давно на свете нет.
И море, залитое нефтью,
Рвут мастодонты-корабли.
Сокровища таятся в нетях
Нерасколовшейся земли.
В трясине ли болот Гвинеи
Лежат тяжелые гиней,
Или в горах, где плач гиен,
Ответь, удачи джентльмен?
Но ты молчишь на дне геенны,
Горящей, словно Карфаген.

Светилась земля, но утроба гостиной
Во мрак погрузилась в мгновение ока.
Свое отскучав над латинской сестиной,
Внезапно я понял — как мне одиноко.
Испуганным жестом нащупал я спичку,
Фитиль запалил и по стенке стеклянной

Постукал лампаду. И детскую кличку
Напомнил мне плюшевый мишка с дивана.
По свету сливались в единое дробь,
И вновь разбивались, крошились на части.
И только в гостиной, в пустынной утробе —
Ни встреч, ни размовок, ни света, ни счастья.
Вот, как под ножом апельсиновой долькой
Зависла луна над земною картиной,
А я здесь в утробе гостиной — и только,
И только — в пустынной утробе гостиной.

СОН КЕНТАВРОВ

Ливня поступь медвежья
На рассвете слышна.
Амфитеатр побережья
Одолела она.
В чертежах каруселей
Замелькала, как штрих,
Но кентавры не сели
Покружиться на них.
С головою укрыты,
Спят кентавры с тоски,
Натянув на копыта
Шерстяные носки.
Словно вдруг стушевались
Стрелки бодрых часов
И на цыпочках крались
До полдневных басов.
Вот и пробило полдень,

Небо тушей висит.
Ливень выдохся вроде,
Только дождь моросит.
Спать кентавры мечтают,
Сон им не надоест.
Свет им напоминает
Похищение невест.
Опозорены, биты
За азарт половой,
Спят кентавры, укрыты
С головой, с головой...

СТАРОЛОНДОНСКИЕ СОНЕТЫ

Поедем в Лондон, в кукольный уют
Средневековья, без платков и вилок,
Распить в таверне парочку бутылок,
Хватать в кулак бараньи кости с блюд.

Где за окном снует торговый люд,
Где под ноги подбросят нам опилок,
И где на копьях, вставленных в затылок,
Отрубленные головы гниют.

Тяжелый дух от сена на полу,
Куда плюют и мочатся пьянчуги,
Там лучники льют пиво на кольчуги,
Теленок пегий возится в углу.

Прелюбодейкам в тюрьмах жгут соски,
На площади рвут вора на куски.

II

Смотри — телегу тащит вол слепой.
На ней — чумные трупы сизой горкой.
С погонщиком — могильщик за уборкой
Острит: «Хороший нынче, мол, удой».

Сегодня мы обедаем у той
Графини... помнишь наваждение с поркой
Ее конюших? Там блинов с икоркой
Не будет и в помине, дорогой!

Они такой не знают вовсе пищи.
И, будь любезен, не таращь глазищи,
Когда она сморкается в подол,

Или полезет пальцами в подливу,
Или в саду усядется под сливу —
Здесь свой устав, закон и протокол.

III

Постели для себя не жди, дружок,
С тобой другие лягут вперемешку.
Сосед — убил священника за пешку.
Другой сосед — весь серый, как мешок.

Урчат желудки. Слушай, корешок,
Здесь не уснуть. Раздуй-ка головешку.
Сыграем в кости. Хоть в орла и решку.
А может быть, к девицам на лужок?

Сегодня праздник. Водят хоровод.
А вон у той, смотри, растет живот —
Перевязалась туго полотенцем.
Настанет время — в лес пойдет рожать,
Чтоб не пронюхали отец и мать,
И по миру отправится с младенцем.

IV

Редакция! Примите репортаж!
Знать высоко расселась, на помосте.
Пониже — мы, со мною рядом — паж
И рыцари, и дорогие гости.

Гербы на блюдах, ленты... Звук фанфар,
Литавров и пронзительных волюнок
Бодрит сердца. Здесь пьют и млад, и стар —
Отважный воин и смиренный инок.

Жаркого — горы лакомых кусков,
Дымящихся, приправую облитых...
Трещат хребты дубовые столов,
На них локтей немало знаменитых.

Что означает сей лукуллов пир?
Грядет Его Величество — Турнир.

V

Накрытый стол являл собой пейзаж —
Лес из петрушки, редьки и салата,
Пивные реки... дальше репортаж
Вина озера... не могу, ребята.

Оленина — мостом. А замок — из
По-моему, воздушного бисквита.
Вот всадники бумажные зажглись.
Рукоплеща, неистовствует свита.

Секреты механических коней
Весьма просты — внутри — живые кони.
Но зрелище — волшебное. Подлей
Винца мне в кружку, милый сердцу Тони!

Закусывая булкой на меду,
Совсем забыл, что репортаж веду.

VI

Скорее на турнир! Уже парад
Участников – в разгаре. Костоломы
Свершают круг. А рядом – лев, гепард,
Вышагивают, на цепях ведомы.

Бросают клич герольды: «Начинать!»
Бегут шуты спасаться где попало.
«Восток» идет на «Запад». Пять – на пять.
Смолкает все. Опущены забрала.

Вдох – и вперед. Сомненью места нет,
Все надо раньше и учесть, и взвесить.
Изведали все десять вкус побед,
Вернутся ли под кров родной все десять?

Обломки копий. Ржанье. Кончен бой,
Где трое поплатились головой.

VII

Другая схватка? Энтони, старик,
Спасибо, мы уже пойдем, пожалуй.
Я так устал от крови, от интриг,
От Белой розы, и от розы Алой...

Конечно, в нашем веке кавардак,
И с райским садом мы его не свяжем.
Но здесь детей не вешают «за так»,
За яблоко, украденное, скажем.

Не смыть с Земли убийства, грабежи,
Тупые войны, голод и заразу,
Они пропиской вечной в мире лжи
Наделены по высшему приказу.

Мы у себя свой доверстаем век.
Спасибо, Тони, добрый человек!

СТИХИ О ЛЬВИЦЕ ДИАНЕ

Редактор, лихо карандаш жуя
И пребывая в гневе и в запарке,
Вдруг вкрадчиво спросил:

- Душа моя,
Давно ли не бывал ты в зоопарке?
- Что, практикантов нет?! – взорвался я, -
Нашли занятие профессионалу.
Редактор, смачно карандаш жуя,
Ответил:

- Львица там забастовала.
Пойдешь и разберешься. Заодно
Посмотришь, как живут другие звери.
Засим он встал, закупорил окно,
А мне велел закрыть снаружи двери.

Зима медузой дохлой разлеглась
На местности, весьма пересеченной,
Косой и колкий, снег впивался в грязь,
На смесь ее со слизью обреченный.
Администратор угли ворошил
В печи железной, прямо в кабинете.
Он мне инжир (*варенье*) предложил
И чай (все, что имел на этом свете).
- Сегодня умер Сильвио, удав,
Они глотать не могут на морозе.
Носил домой. Но у супруги нрав...
На полном говорю я вам серьезе.
Подумаешь – я крыс ему ловил
И скармливал. Что, не живой он, что ли?
Уж неживой. А как он счастлив был
При виде крысы со щепоткой соли...
Администратор столько разных чувств
Вложил в короткий «Эхх» - на зависть прямо
Заслуженным работникам искусств,

Шампанское свое пьющим в Каннах.
Черяшливостью рифмы согреша,
восьмое сочинил четверостишье
На месте, даже без карандаша),
Я погрузился в общее затишье.
Он чай допил.
- Вы говорили, что
бунтарку-львицу повидать хотите.
Пожалуйста.
Он встал, надел пальто.
- На лестнице темно. За мной идите.
- Гиена! Омерзительная тварь, -
Брезгливо я заметил. В клетке лежа,
Она на жизнь скулила, на январь,
На снег, на ветер, и на клетку тоже.
- Смотрите, челюсть вывернули ей
Клюкой железной пьяные гвардейцы.
И захлестнула жалость. Хоть убей.
Нахлынула, волной накрыла сердце.
- А вот Диана. Лучше подойдем
Через служебный вход. Работник Коля
Открыл замок — и прямо, напролом
К Диане, в клетку. — Сумасшедший, что ли? —
Подумал я.
- Не бойся ты, заходи!
Дианочка... Ей чешет нежно ухо.
- Вот, голодает. Умерщвляет плоть.
И печку ей топлю. Да дело глухо.
Тем временем служительница лет
Студенческих откуда-то явилась.
- Дианочка, красавица... Котлет
Я из дому тебе. Ну, сделай милость,
Ну съешь ты хоть одну. Простите, вы
Войдете в клетку? Или хоть пустите...
И я шагнул по зову трын-травы,
Бунтующей Дианы посетитель.

Поэт не может даме уступить
Путь к хищнику. И я вошел, погладил
Хребет зверюги. «Быть или не быть», -
Подумал, и попятился к ограде.
- Животное гордей иных людей.
Не может в унижение, - молвил Коля.
- Да ты приди в себя. Да не балдей,
Пойдем, глотнем немного алкоголя.
Меня похлопал Коля по плечу,
Когда на свет я вышел из неволи.
В каморке Коли мы зажгли свечу,
И пили мы вино в каморке Коли.
Администратор выбран тамадой.
Он говорил: «Все братьям меньшим – слава!»
С ним, с Колей и служительницей той –
За львицу, за гиену, за удава...

Лорд Мальборо на вилле пил вино.
Дворецкий в ванной тер мозоли пемзой...
Сырой туман, склубившийся над Темзой,
Налип на треугольное окно.

Лорд Мальборо на вилле пил вино.
Гомер, меж ним и вечностью посредник,
Лил на душу бальзам, пока наследник
Ощипывал наследство в казино.
Лорд Мальборо на вилле пил вино.
В ногах собака верная заснула,
А лорд курил, почитывал Катулла,
Поскольку было так заведено.

Лорд Мальборо на вилле пил вино,
Как дед его и пращур – тоже лорды;

Лучи от свеч вытягивались в хорды...
Хоть в пирамиды — лорду все равно.

Лорд Мальборо на вилле пил вино,
В Париже дочь разделась с ленью светской
И спать легла. Темно и пусто в детской,
Поскольку дети взрослые давно.
Да, в детской лорда пусто и темно.

Лорд Мальборо на вилле пил вино.
Он заменил Герода «Мимиамбы»
На Байрона клокочущие ямбы
И хокку затененные панно.

Лорд Мальборо на вилле пил вино.
Похолодало. Он укрыл колени.
Сапфиры на обугленном полене
Рубинами сменялись, как в кино.

Лорд Мальборо на вилле пил вино.
По каплям жизнь отцеживалась в вечность.
Он знал — конец рождает бесконечность,
В чем убедиться людям суждено.
И снова пил червонное вино.

У свечи всю ночь голова в огне,
То замечется, то замрет она,
Оплывает воск на ладони мне,
Ночь кончается; нить замотана.

Что ж, меня вчера провели хитро,
Похищали, позабавились.
Взглядом горожан в поездах метро
Звезды на меня поуоставились.
Шалашей полно, в шалашах вино,
Чисты простыни, взбиты «думочки»,
Кто заметит вас, ночью все темно,
Светел только снег в переулочке.

У свечи всю ночь голова в огне,
То замечется, то замрет она,
Оплывает воск на ладони мне,
Ночь кончается. Нить размотана.

Дождь под вечер выплакался наспех,
Скользкий ствол орешины намок.
Гаснет небо. «Хорошо, где нас нет», -
Говорю, счищая грязь с сапог.

Поворот ключа. Задвижки скрежет.
На дорогу — пять крутых яиц.
Скоро поезд надвое разрежет.
Эту ночь без цели, без границ.

Вот он — красноглазый змей железный.
Кашляешь, глупыш. Накинь платок.
Ты напрасно вышла. Путь мой крестный,
Как и всякий крестный, одинок.

Лампочка-пузатик еле дышит,
Спящий сторож ничего не слышит.
И, чернея шкуркою крота,
Полустанок тает, тает, та...

ШЕКСПИР

Туманный Лондон — как стакан воды.
Он видел бури, поднятые сценой.

Юдоль забот, вместилище вражды,
Обитель горькой памяти бесценной.

Хороший друг! Мой прах не потревожь,
Дай выспаться царю своих видений.
Нет истины. Любая правда — ложь.
Прости цинизм последних наблюдений.

Мой гневный мир, как, впрочем, все миры —
Зачем ты был? — сердца заплыли жиром.
Герои, как бильярдные шары,
Столкнулись в мире, канули над миром.

И отхлебнуть из полной яду склянки
Не суждено изменчивой смуглянке.

Луны полугнилой лимон
Ползет по небу цвета чая,
И, плешью желтою качая,
Змеится искрами средь волн.
Лениво лязгает вагон,
Кренится год на край прохлады,
И листьев первые парады
Проходят строем вдоль окон.
Не разобрать во тьме погон...

СОВЫ

Огромные совы летают над городом,
Тяжелые тучи нависли над совами,
Бреду, одурманенный жаждой и голодом,
Дома по дороге моргают засовами.

За каждым засовом, творятся события,
Все люди давно по событиям рассованы,

Но я вне событий. Я сделал открытие.
Все в мире начерчено. Все нарисовано.

А совы летают, а совы невидимы,
А совы хохочут над миром недвижимым,
Уверены совы, что все мы не вытянем,
Уверены совы, что все мы не выживем.

Не знаю — спасемся ль от позднего холода,
Примчатся ли новые беды за совами,
Но хищные птицы летают над городом,
А город моргает тугими засовами.

СУМЕРКИ

Не верю холодному свету, разлитому скупю;
Серебряно-серый, в орешнике прячется еж.
И мокрое поле, как будто размытый чертеж,
И блеклые в небе гибриды квадрата и куба.
В насупленной кроне сутулого старого дуба
Лениво качаются ветки. Вороний галдеж
Испуганно глохнет — и зябкая, мелкая дрожь
Хватает за горло природу надежно и грубо.

Ты видишь трещинку в хрустальном глобусе?
Я помню женщину с тоскою в голосе.
На этой трещинке, на старой лесенке,
Она эстонские певала песенки.
И грозди черные срывала с лоз она,
Дитя баюкала, в приметы веруя.
Она придумала проклятье ворону —
«Да превратится он в голубку белую».
Она ждала его, давно ушедшего,
В иной обители любовь нашедшего,
Она ждала его, дитя баюкала,
В приметы верила, приметы путала.

ДОМ

Дом — сирота. Разгул блошинный,
Пустые блеклые кувшины,
За нитью нить паук плетет.
Дом, неумыт и непричесан,
На ребятишек смотрит косо,
Что разыгрались у ворот.

Вокруг лоза дика. И грозди
Склевали птицы. Ночью гвозди
Под ветром гнутся в позвонке.
В плену бессонницы давнишней
Живет и знает он, что лишний,
Ржав молоточек на звонке.

Дом утешается. Он стойкий.
И, гордый совестью постройки,
Отшельник с крышею кривой,
Внимает дружеской заботе,

Когда в полночный час приходит
Его проведать домовый.

ОСЕНЬ

Солнце теряет лимонный оттенок.

Ветер, деревья сгорбив,
Взвизгивает — ни дать ни взять — безумец
из дома скорби,
Сад — незадачливый, чем-то расстроенный
старый жонглер,
Яблоки все порассыпал из рук на ковер.

Дождь.

Скалы лоснятся, как стадо моржей,

Дождь,

Миновало немало дождей.

Сыро. Завтра воскреснет солнце.

Как неуютно ходить мимо прошлых домов,
Нервно курить и шаги убыстрять поневоле,
И, вспоминая звонков звуковые пароли,
Слушать раздерганный топот своих башмаков.

Взгляды от окон знакомых спеша отводить,
Гневно решать про себя, что ни в чем неповинен,
И понимать, как недужною фальшью подпилен,
В чем-то поклясться себе и скорей проходить.

Эти дома, как мушкетеры, на мушку берут,
На подоконниках щурятся даже герани,
Совесь на грани, и что-то клокочет в гортани,
Только уже не вернуться туда, где не ждут.

В ту ночь морозную, когда мутнели стекла,
Похожие на пьяные глаза,
И рыбка африканская издохла
В аквариуме, мы подняли за
Нее по рюмке черного бальзама.
Я врал, что ты, как женщины Бальзака,
Мила.

Но ты в ответ ни слова не врала.
Мороз душил родник, как мавр средневековый,
И, сталактитом замерев к утру,
Он равнодушен был к соседскому ведру,
Не шевелясь, в дугу изогнутый, суровый.
Таможня свет не пропускала в мир.
Стирал январь в снегу суконный свой мундир
И пуговицы ветром начищал до блеска.
Повидла вялый вкус, сварливый норов кресла,
Сноп искр от свитера, летящего к нему...
Что нас свело на эту ночь - не знаю,
Что сделало чужими - не пойму.
Я потерял себя. Теперь тебя теряю.

Ты меня разлюбишь не сегодня,
Но маячит рядом этот день.
Золушка! К тебе приедет сводня.
Меховые туфельки надень.

В королевский отправляйся замок,
Веселись, «Spumante» пригубя.
Там, среди красивых, гибких самок
Женщину - он выберет тебя.

Ты не утаишь - ты позабудешь
Рваный фартук, сломанную печь,
Речь прямую медленно остудишь
И освоишь косвенную речь.

Видно, этот принц - хороший парень
(Брызги по углам святой воды).
Я тебе премного благодарен
За терпенье, ласку и труды.

Не уверяй напрасно ты,
Что, может, завтра, может, к лету
Жизнь из крошечной темноты
Внезапно устремится к свету.

Я в сказки верить перестал.
Я избран. Изгнан. Опозорен.
Поэзию — на пьедестал,
Одну, с кем я еще не в ссоре.

Уходит ночь за облака.
Я оставляю в оправданье
Стихи. Иное мирозданье
Меня не приняло пока.

Всем хорошо - и неграм, и татарам,
В круизах обнимающимся парам,
И клеркам в банках весело кружить;
Крутить педали велосипедистам,
Гроссмейстерам хитрить, и петь баптистам,
И ворожеям лепо ворожить.

А я лежу на простыне измятой,
Бегущей жизни тихий соглядатай,
Создатель строк, не нужных никому.
В какой стране живу - не знаю точно,
Но люди здесь ленивы и порочны
И счастливы, бесспорно, потому.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ НА ТБИСИ

Жук был бирюзовым, изумрудным,
Молодым, упругим и беспутным.
Жук имел прекрасные рога.
Жизнь ему казалась дорогою,
И была воистину такою –
Жизнь на самом деле дорога.

Жук ворвался в рябь недавней глади
Озера, где мы забавы ради
Порыбачить собрались с утра,
Но мальки приманкою зажрались,
И к полудню мы не сомневались,
Что сегодня к ним судьба щедра.

Жук тонул. У нас была закуска.
Иностранец: «Говорить по-руска?» –
У меня застенчиво спросил.
Я ответил, выпив: «Мала-мала»,
И подумал: «Если б у причала
Я тонул и Господа просил:

“Господи, услышь меня, Всевышний,
Неужели я на свете лишний,

И во цвете лет пришел черед
Мне расстаться с этим солнцем, небом,
Садом невозделанным, и хлебом,
За который проливаю пот?»

Я подумал: «Для жука сегодня
Я могу быть милостью Господней,
Радостью Вселенской озарить,
Большею, чем Данте Vita Nova,
Ну а что вернусь я без улова,
Так не всем же в выигрыше быть».
Жук работал лапками, боролся,
О крючок упавший укололся,
Отнесло теченьем поплавок.
Ну, лови последний шанс. И жук мой
Перед самой рыбьей пастью жуткой
Зацепился, взмыл - и на песок.

Жук подсох, очухался. Не веря,
Что ему открылись жизни двери,
Лапками песчинки потолок,
Вполз на ветку, прыгнул, слился с высью.
Господи, в часы прощанья с жизнью
Брось и мне Небесный поплавок!

Осенний лист, усталый стайер,
Беги, твой финиш недалек.
На ветер жизнь свою поставив,
Ты проиграл, но точно в срок.

Напряжены твои прожилки.
Бугор. Взметнись – перевернись.
Должно быть, весело пожил ты
Среди зеленых, желтый лист.

Теперь пора, черты достигнув
И не заботясь о другой,

Перенестись через долину,
И там рассыпаться трухой.

Ее копытом втопчет ослик
У прошлогодних лисьих нор.
Нигде. Никем. Теперь и после
Не повторится твой узор.

НАКАНУНЕ

Усталой крови постыли вены,
Сомкнулись стены чернее ваксы.
А в мыслях образ старинной Вены,
А в сердце польки, мазурки, вальсы.
Как я допрыгнул до спелой груши,
Испачкав соком манжет опрятный...
С годами скрипки тускней и глуше,
В шкафу пылится мундир парадный.
В летящем танце звенело платье,
И были струны, как меда струи...
Мои объятия, твои объятия,
И поцелуи, и поцелуи.
Как странно вспомнить о вашей свадьбе
Средь этих мисок и зерен прелых,
В забытой Богом пустой усадьбе,
В приюте темном для престарелых.
И где теперь вы, полвека с лишним
Спусти - быть может, в последнем доме?
Как странно вспомнить цветенье вишни,
И кроме вишни, и вальсов кроме.

ПЕЙЗАЖ ДЛЯ ДВОИХ

Смеркалось. Над ро́щей костлявой
Летел запоздалый вальдшнеп.
И озеро пахло отравой,
Разлитой, по трубом сошед,
Из онкологических башен,
Раскинувшихся по холмам.
Как бежевый отсвет их страшен.
И что мы посеяли там,
Где смерть, веселясь, по несжатой
Гуляет косою траве,
Где ветер придирчив и шаток,
Как пьяницы возле таверн.
Уйдем - в близком городе ужин,
И смех, и тепло, и уют,
И звоны дождя - что жемчужин
Отскок от серебряных блюд.
Несметные искры в искусствах
Пылают в агонии дня.
Ты, вся в комариных укусах,
Ложишься, смеясь, под меня.
И листьев иссохшие сети
Летят на пейзаж для двоих.
Луна. Крепость медленной смерти
И ранки на бедрах твоих.

Когда сползает ночь по этим горным склонам,
Хлестая листопад чешуйчатым хвостом,
Хвастливый город мой во тьму с покорным стоном
Уходит на покой, измученный постом.

Свисая со скалы, как черные кораллы,
По дну шершавому разбросаны дома,

От мутных коньяков рожденные кошмары
Лишают город мой последнего ума.

И тяжело плывет откуда-то из бездны
Ненужный никому и сам себе рассвет,
И просыпаюсь я, смешной и бесполезный,
Озлобленный, беспомощный поэт.

Со скрипом открывается окно,
И время мне становится послушным.
Старинное испанское вино
Закапало парчовую подушку.
«Прощайте, дон Алонсо. Серенад
Не петь вам больше на аллее лунной.
Как беспощаден этот серый яд,
Крупица, еле видная под лупой...
Прощайте, дон Алонсо. Сколько шпаг
Повергли вы без видимых усилий...
Остался вам до цели только шаг,
И все же, все же вас опередили.
Опасно бегать золотым ослом,
Тайком ночные вылазки свершая...
Теперь мой брат отправится послом
Под своды вам сулимого Версаля...
Прощайте».
Ночь. На тонком полотне,
Впервые возле дамы неподвижен,
Лежит Алонсо головой к стене.
Что блеск дворцов ему, что скудость хижин?
Когда же это было? Все равно
Не вспомнить в лабиринте суесловья.
И с любопытством я смотрю в окно,
Распахнутое в ночь средневековья.

Гармония тонов на краешке заката
Беспечности рассветной лишена.
В соцветье сумерек от смертных Бог запрятал
Смысл сущего - и только Тишина,
Надежный страж необоримой истины,
Владеет Откровения ключом.
Он повернется скоро под единственным,
Последним солнечным лучом.

Появился некстати
И уйду невпопад.
Ночи белое платье,
За окном — снегопад.

Было сразу же ясно,
Со вчерашнего дня,
Что на праздник напрасно
Вы позвали меня.

Я, забившийся в угол,
Никому ни к чему, —
Этих пляшущих кукол
Не люблю, не пойму.

Постук скачущих ножек
Отражается вдруг
Отголоском бомбежек,
Угнездившимся в слух.

И, сужаясь, пространство
Зажимает в тиски.
И ни баба, ни пьянство
Не спасут от тоски.

В полутемной прихожей
Я пальто отыскал.
Был бы чуть помоложе —
Не поддался б тискам.

Извините. Прощайте.
И не ждите назад.
Ночи белое платье,
За окном - снегопад.

Неведомый доселе алфавит
Лес начертал, в безветрии застывший,
И кроны-буквы складывались в вирши.
Что это Бог стихами говорит?

Человечек мой ласковый,
Я вчера перепил,
Руки-ноги колбасками
Я тебе прилепил.

И уродцем коричневым
Ты стоишь на столе,
Нет фигурки комичнее
На кровавой земле.

Человечек мой, греющий
Мира мерзлую суть,
Я твой бог, не умеющий
Душу в тельце вдохнуть.

От бессильного отчества
Ждать не стоит добра.

На твое одиночество
Евы нет из ребра.

Человечек мой, слепленный
Сикось-накось, в канун
Воскресения светлого,
В звоне ангельских струн,

На фольге и закончится
Бренной жизни тропа.
Но бессмертно сотворчество
Божества и раба.

Когда я вам понравлюсь (*первый снег*
Так мил, пока не станет гололедом),
Проглатывая буквы – с Новым годом –
Произнесете вы, стесняясь всех.

Когда до света согласимся мы
Компанию кипящую покинуть,
Я вас спасу, я вам не дам погибнуть,
Не подарю ключей моей тюрьмы.

Я знаю, вам так хочется шагнуть
Ко мне во мрак, под своды подземелья,
Где ритмы, как отравленные зелья,
Где книги - как сочащаяся ртуть.

Но эту дверь минуем мы. Сюда
Не приглашу ни словам вас, ни жестом
И не замечу в любопытстве женском
Намека, плохо прячущего «да».

Когда я вам понравлюсь (*вишни вкус*
Приятен только без году неделю),

Вас провожу до дома. И с метелью
В пути обратном крепко обнимусь...

МОЛИТВА ЗАРОДЫША

Оставь меня, горошинку, в тепле,
Взрасти, взлелей меня в уюте лона.
Мне страшно возвращаться в мир теней,
Блуждающих безвольно и бессонно.

Спаси меня, не трогай эту дверь...
Железный крюк, оскалившись, как зверь,
Мой слабый корень вырвет из укрытья...
Еще не поздно повернуть события,
Я твой залог бессмертия, поверь...

Дай улыбнуться Ангелу в ночи,
Причмокивая, молока напиться,
Даруй и мне от Вечности ключи.
Беги! Беги! Я так хочу родиться!
Беги! Беги! Не бойся нищеты,
Ведь за добро сторицей воздается.
Неужто в целом мире Красоты
Мне и кусочка хлеба не найдется,

И солнышка весенние лучи —
Одной тебе, а мне пути закрыты.
Стой! Эту дверь не трогай, не входи ты,
Даруй и мне от Вечности ключи...

ПОЛКОВОДЕЦ И БАБОЧКИ

Туча бабочек вспорхнула. Я спугнул их ненароком.
Кое-где видны остатки римских тщательных работ.
Здесь прошли войска Помпея. Сам Помпей в плаще
широком,
Сидя ночью на привале, слушал сальный анекдот.

Сам Помпей в плаще широком (*или что там было в моде*)
Поутру поход продолжил, о возлюбленной грустя,
И не знал великий воин о филологе Володе,
Тучу бабочек спугнувшем пару тысяч лет спустя.

Зной палил макушку Гнея, под которою роились
Планы будущих сражений и злокозненных интриг,
Дружно топали солдаты, ели, пили и рубились,
Но нашла коса на камень - Юлий Цезарь не шутник.

Впрочем, это к нашей теме не имеет отношенья.
Вот останки той дороги. Осыпь - труд солдатских рук.
А над ней порхает туча новогодних украшений —
Конфетти, гирлянды, бусы в хоровод сплелись вокруг.

ИНФАНТА

В потертых джинсах рыжая инфанта...
Король-отец скончался от инфаркта.
Мать-королева в замке под Женовой
То правой ножкой мячик пнет, то левой,
И никакой надежды у врачей
Лишить ее возлюбленных мячей.

В душистой ванне рыжая инфанта
Бурчит: «Ни принца не найдешь, ни фарта

С наследственностью мерзкою такой.
Не мог отец жениться на другой!»

Инфанта капли стряхивает с кудрей,
Вздыхая: «Жизнь, куда еще паскудней.
Поди, древнейшей в мире крови мы,
А все равно бегут, как от чумы!

Ну хоть бы звякнул этот лысый Клаус...
Да ну его! Погряз в пучине кляуз,
И не самой же в гости дурня звать.
К тому же недолюбливает знать...»

На львиной шкуре рыжая инфанта.
Горит камин, шипит в бокале фанта.
(Король-отец до своего инфаркта
Корил ее за приземленный вкус).
Она по залу без толку маячит,
Сафьяновый отпихивает мячик,
Сама с собой беседует и плачет,
Расчесывая мошки злой укус.

У Франца Шуберта урок.
Он сел за клавесин.
На крышке рыжий кот прилег
По кличке Апельсин.
Сейчас войдет девица лет
Одиннадцати в зал.
Он передвинул табурет
И «черт возьми» сказал.
За сырость музыкальных фраз
Обязан допекать
Дочь графа Эстерхази Франц,
Которого нанять

Решились тут за стол и кров,
За кровный гонорар,
Служи, служи без лишних слов
У будапештских бар.
«Мария, грация плена» —
Мелодия щемит,
Из толстых губ вознесена
В Небесный храм, в зенит.
Но начинается урок,
И Франц уверен - ей
На блюде сахарный угод
Нужнее и важней.
Она с ладами не в ладах.
Он сдержан, терпелив.
Лишь бакенбарды иногда
Щипками теребит.
Когда же вызреет луна —
Поужинать и спать.
«Мария, грация плена» —
Молитву прошептать...
В чужие воплотившись сны
О славе мировой
И в пополнение казны
Для малых с головой
Через пространства, времена
Дух ангельский летит.
«Мария, грация плена,
Мария...» Шуберт спит.

ГАМЛЕТ

Коммунисты? Я их не люблю. Я их боюсь.
(Из телефонного разговора автора с Эрнстом Неизвестным)

На четвертой странице, где раздавлена мошка,
Между строк иностранца в переводе плохом,
Мысли сжаты, как мышцы, и щербаты, как ложка,
Коей черпают море – много проку ли в том?

Вселенная существует, ибо создана Всевышним,
Или Бог существует, ибо он создал Мирозданье?
Может, я в этом мире единственный лишний,
Как понятие «стол» в справочном издании?
С приветом из древней... С приветом из Дании.

На десятой странице, где пирожного крошка
Прокатилась, собою завершив диалог,
Мысли ставятся жестко, как инсайду - подножка,
И ползут, несуразны, как змея домино.

Стройным хором лягушек, бальной праздностью лилий,
Успокоенной рябью пруд встречает меня,
Ты уже за чертою всевозможных усилий,
Мягкой плавностью линий и улыбкой маня,
Как русалка, под эту прозрачную воду,
Но такую свободу не могу предпочесть;
Говорил же француз мне, что в такую погоду
И топиться противно – это надо учесть.

Дочитаю до сцены, где настанет возмездье
И убийце, и бляди, после пышных речей...
Но... звонок телефонный... «Здрасьте! Папа в отъезде,
Да, один. Нет, не вместе. Мы не вместе вообще».

Нищий в двери стучится. Ну и мода поперла.
На вот яблок. У принца наличными нет.
Толай, братец, не видишь – дел сегодня по горло,
В государстве воруют. Плохо с экспортом нерп.

Как слова надоели, как наскучили ноты,
Как приелись оттенки, опостылели сны...
Скоро призраки влезут, обутые в боты,
Гимнастерки вонючи, и знамена красны...

Что зависть Париса, что боль Менелая,
Что ложе из листьев и мхов?
Я бренные ласки охотно сменяю
На вечные ритмы стихов.

Но плоть похитрее прожженного лиса,
В любви – начинанье корней.
И боль Менелая, и зависть Париса
Поэзии высшей сильней.

Когда, поколесив по миру,
(*То перелет, то переезд*),
Захлопнешь дверь в свою квартиру,
И эхо сотрясет подъезд,
Никто тебе горячий ужин
Не приготовит, и в постель
Не поманит. Ты им не нужен,
Ты здесь один. Ты здесь отдель-
но от семьи, бежавшей
От рюмок, от статей, поэм,
Тебя спокойно провожавшей,
Тебя не встретившей совсем.

Что ж, разогрею сковородку
И сам поджарю колбасу,
И вето наложу на водку,
И утро доброе спасу.

И утром, обнаружив кофе,
И бодро становясь под душ,
Увижу в зеркале свой профиль —
Ни дать ни взять - ахейский муж.

Я пил античное вино,
Ручная мельница скрипела,
И и ней кофейное зерно
Мельчало, прыгало, хрипело.
Меня смешил Аристофан,
Учил Сократ, Сапфо губила.
«Неужто Хлоя так любила?» —
Подумал я, устав от ран,
И вдруг почувствовал, что пьян.

ЛЮБОВЬ

В ученой пустоте обители
Обосновался тихий бражник.
С ним — книги, мертвые сожители,
И тощий кожаный бумажник,

В углу — постель, всегда измятая,
Подушка, втиснутая в стену...
А на столе — настойка мятная,
Табак в умеренную цену.

Весь день по зданиям, где, свитые,
Ютятся гнездышки приличий,

Его слепили щеки бритые
И раздражали байки птичьи.

Среди призывов (для чего и чьих?)
В одной из сумрачных редакций
Заметил он в глазах чиновничьих
Клочки своих погибших акций.

Как вдруг под сквозняком взметнувшимся
Цветок пластмассовый качнулся,

И, вслед за боссом обернувшимся,
Он поневоле обернулся.

Взлетела, хлопая, мохнатая
Коричневая занавеска.
Среда. Столетие двадцатое.
Вошла воскресшая Франческа.

Фата-моргана? Наваждение?
В ушах гремит каменоломня.
«Паденье Трои... Да, падение...» —
Подумал он, себя не помня.

И, не владея жестом сдержанным,
Как недобитая лысуха,
Рванулся он движеньем бешеным
И попрощался слишком сухо.

А ночью, в обществе мыслителей,
С покойниками разругавшись,
В чернильной пустоте обители
Курил табак, в постель забравшись.

Был сон молитвою очищен, как
Печаль - церковными свечами,

А ночь ссутулившейся нищенкой
Брела с луною за плечами.

Проходишь походкой медвежьей
По набережной вечером,
И юности прожитой, прежней
Уж не различаешь ни в ком.

Тебе непонятны и странны
Сомлевшие пары в кафе,
Фальшивые струны гитары,
И солнца аутодафе.

Усталость пятнистым питоном
В могучие кольца берет.
За ужином поздним, законным
Пользительный скушаешь мед.

И сон увлекает сознание,
И шепчутся где-то в глуши
Счастливые воспоминанья —
Священные рощи души.

РУБАИ

Я прожил под луной уже немало лет.
Цель в жизни есть и смысл. Покоя только нет.
На свете том покой нам обещал Всевышний.
Но где там смысл и цель? Молчание в ответ.

Цветет июнь. И юная И-юнь
 Выходит в сад. В траве поют цикады.
 В пруду резвится красноперый вьюн,
 Хвостом чертя из Бо-цзюй-и цитаты.

Сегодня небывалая жара,
 Любезная лишь ящерицам юрким,
 И одиноко облачко с утра
 Томится в легкой белоснежной юбке.

Она идет в бамбуковую тень,
 Потом под мост, к обрыву, к водопаду.
 Цветет июнь. Ленивый, зреет день.
 И-юнь гуляет по родному саду.

В такую марь не хочется и есть,
 Вот разве что взяла с собой печенье...
 Пора, пора уж солнцу знать и честь,
 Плыви к закату, на покой вечерний.

Усталым, непружинистым шажком
 Бредет И-юнь среди цветочных арок.
 А вот и весть по возвращеньи в дом —
 Пришел от бонзы свадебный подарок.

ЗВЕЗДНОЕ НЕБО

Логос дня превращается в ночи затейливый миф,
 Плачут новорожденные звезды в огне распашонок,
 Судомойка — Медведица, желтый поднос отскоблив,
 Озирается, глухо ворча: «Где же мой медвежонок?»

Полнолуние нынче. Уже предвкушая барыш,
 У заставы Экватор коней запрягает Возничий,

Украшение Волос Вероники, комета, как стриж,
Рокоча и пыля, заплетается в кудри девичьи.

И преследуют Зайца поджарые Гончие Псы,
И на Жертвенник падает Голубь, Стрелую пронизан,
И никчемные стрелки пытаются сдвинуть Часы,
Но Творенье - вне времени, разве закон вам не писан?

Райской Птице вольготно гнеститься на Чаше Весов,
И Орфеевой Лире внимают вакханки покорно.
Волоокая Дева спешит из туманных лесов
К Волопасу, хлыстом отогнавшему Гидру с Драконом.

Ворон спрятался в черной дыре и укрылся крылом,
А Лисичка и Муха себя развлекают беседой
На Столовой Горе, у Креста, где стоит со Щитом
В вечной славе Персей с вожденной своей Андромедой.

Я смотрю в Телескоп, я читаю Небесный устав,
Словно в калейдоскопе картина сменяет картину —
И Павлин, распускающий хвост, и сапфирный Жираф,
И Летучая Рыба, и Лев, выгибающий спину.

И в минуту прощанья с Землею, трясущей мощной,
И хрипящей в дыму, и пропитанной ядом возмездий,
Возликует душа, уносима бессмертья волной
В эту музыку Космоса, в эту пучину созвездий.

ПОЭЗИИ

Проснуясь. Понять, что потеряна. Взвзвять.
Пуститься по улицам в поисках следа
С навязчивой мыслью — найти до обеда,
Забыть про обед, и про службу забыть.

Казаться прохожим не местным, чужим,
Отпущенным из сумасшедшего дома,
На грани истомы, на грани излома
Усесться под зонтиком с кофе плохим.

Толкнуть — извиниться — кого-то плечом,
Угрюмо бродить в вечереющем парке
И что-то выпрашивать, словно подарки,
У арки, оскалившейся кирпичом.

И выбрести в поле, к осенним стогам,
И душу представить гнездом разоренным.
Послушай, не ты ль возвращаешься к сонным,
Покинутым белых страниц берегам...

Не хочу
Ни богатства, ни славы,
Не хочу
Ни империй, ни царств.
А чтоб пахли
Осенние травы
В смертный час мой
Вот так, как сейчас.
И чтоб смерть
Предо мною предстала
Не на взлете,
Стремленья губя,
А чтоб старцем
Ушел я усталым,
На прощанье
Целуя тебя.

ХАЙКУ

Входит ночной вор.
Вмиг умолкают сверчки –
Будят хозяев.

Свидетель волшебства последнего заката,
Над морем дух летит, уже земле не мил,
И ждет его в ночи, накинув плащ, Геката,
А может быть, Плутон, а может, Азраил.

Не суть ли все одно: над миром смерть витает.
А имя ей - возьми любое из имен.
Под мелким снегом плоть, как мелкий снег, растает,
А племени чьего? – любого из племен.

Да, смерть – Сизиф, она, усталости не зная,
И ныне, и вовек печальный катит груз,
И если ты в раю – чего бояться рая,
А если ты в аду – чего бояться муз?

КОЛХИДЕЦ В РИМЕ

I

Катону мой привет. Вот кровь колхидских лоз.
В опилках бережно я амфору довел
Через Эвксинский Понт, минуя Византию.
В Эгейском море штиль неделю нас томил,
А в Ионийском шторм едва не потопил,
Но, милостив Нептун, я одолел стихию!
Во имя всех богов, во имя всех святынь,
Дай пыль пути стряхнуть, скорей зови рабынь,
Горячие струи омоют пилигрима.
Письмо тебе, Катон. Все завтра, в свете дня,
Теперь же – отдыхать. Как утомил меня
Последний переход от Капуи до Рима.

II

Слава ларам и пенатам дома претора Катона,
Чтоб недугам и утратам не найти сюда тропы...
Панорамой Палатина мы любуемся с балкона,
И готовят паланкины нам проворные рабы.
В путь отправившись далекий по велению Ээта,
Прибыл я, посланник горной, непонятной вам страны.
Так решили царедворцы - отрядить к тебе поэта,
Потому что царедворцы справедливы и умны.
Побеседуем в дороге. Не начать ли нам торговлю?
От Фасиса к Трапезунду – сам подумай – два шага.
А какие апельсины! Я, Катон, не сквернословлю.
Апельсины - это фрукты. А лимоны? Курага?
Много вод у нас целебных. Все от внутренних болезней.
Предлагаем с чистым сердцем. И недорого возьмем.
Ты считаешь, для беседы темы есть поинтересней?
Как угодно, но запомни, что богаты мы вином.

III

Мимо театра Помпея, термы минуя Нерона,
Выедем в Марсово поле. Дальше - Лукулла сады.
Месяц уже наслаждаюсь гостеприимством Катона.
В доме из водопровода можно напиться воды!
Вечером ходим на Форум. Слушаем там стихотворцев.
Редкие есть дарованья. Великолепен Катулл.
В цирке дают представления. Парни умеют бороться.
К радости вящей Катона, мой гладиатор продул.
Женщины тут вольнодумны. Ходят в свободных туниках.
Римлянка Туллия стала верной подругою мне.
Варваром все величает. Вас не хватало, мол, диких.
С мужем в разводе. Такое в этой возможно стране.
Хитро порой усмехнется: «Все-таки низко я пала,
Если б не стих о Велабре - близко бы не подошла».
Были в торговых рядах мы. Там ей понравилась палла.
Ясно — не стал я скупиться. Очень уж ей подошла.

IV

Через Капенские ворота
Мой путь на юг. Прощай, Катон!
Поклон мой Риму. И поклон
Тебе за ласку и заботу.
А что ни ты, ни твой сенат
К сотрудничеству не готовы —
Так это все для нас не ново.
Не будем огорчаться, брат.
Я видел Рим. Пора домой,
В мои скалистые долины,
Где пахнут радостью давяльни
Осенней щедрою порой.
И вечером, у очага,
Любуясь отблесками в чаше,
Катон, пиры я вспомню наши
На Тибра дальних берегах.

Воспоминаний вьется нить,
И вдруг блеснет в цепи событий,
Как Туллию перед отплытьем
Я не решился разбудить.

Понимаете ли, обыватели
Не опаснее, чем предатели,
Не подлее бандюг в ночь темную
Обыватели тихие, скромные.
Обыватели - исполнители,
Обыватели — работодатели.
Обыватели дети, родители,
Даже внуки порой обыватели.
Но опасней, чем наветов предателей,
Но страшней приговора гонителей
Слепота, глухота обывателей,
Немота обывателей-зрителей.

Белая ночь раскрошилась, как мел,
Вечность ослепла, и я онемел.
Вечность искала дрожащей клюкой
Дверь, за которой помогут слепой.
Я онемел. И молил Небеса
Дать ей глаза.

В черный день я купил золотого вина
И позволил, бокал осушая до дна,
Погулять залетевшей в окошко пчеле
На моем угреватом, на узком челе.
Черный день, черный год, сколько черных годов!
Я не занят ничем, ни к чему не готов,

Покружи, покружи, золотая пчела,
У чела моего, покружи у чела.

ПУТЬ

Долго ль мне гулять на свете?
А.Пушкин

Ездил в душных электричках
То поутру, то в ночи,
Я у черта на куличках
Лопал чертовы харчи.

И мелькали-мельтешили
Мимо мирные дома.
Где капусту в борщ крошили
Да, позевывая, шили,
Да читали А.Дюма.

Все бегут, бегут поселки,
Провода бегут, столбы.
По дорогам бродят телки,
Тащут граждане кошелки,
Да потеют густо лбы.

Зуб болел, нуждался в спичках,
Тыша верст, две тыщи лье,
Я у черта на куличках
Спал на чертовом белье.

Сигаретой неминуей
Небо чистое внутри
Затемнил, как ветер – тучей,
Влажной, грузной и вонючей
Затемняет – посмотри!

Позапутан в разных кличках
(Было даже Бельмондо),
Я у черта на куличках
Пропил ватное пальто.

И пошел пешком по шпалам,
И пошел куда-нибудь,
Кот голодный хочет сала,
Смертник - нового начала,
Я — закончить этот путь.

Слеза, чем горше ты и солоней?
Тем Господу любезнее, наверно?
Как заливался утром соловей,
Когда я плакал после ночи скверной.

Я каялся, прощая всех и вся,
Но не себя, погрязшего в гордыне,
И хмурились, золу и грязь меня,
Мои надежды и мои святыни.

Я в ожидание милости Твоей
Готовым был на муки и на битву,
Но рядом славил утро соловей,
И слышал Ты одну его молитву.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ

Брызгами огненных соплей
Сморкались троллейбусы.
Вороны писали глазурным пометом
Любовные гимны на бюсте Пушкина,
И все должно было кончиться яйцом.
Я заходил в ювелирную лавку
И требовал показать драгоценные перстни
С рубинами, похожими на залитые кровью
Лица мальчиков, гибнущих на войне.
А сам я себе показался счастливой приметой,
Какой-нибудь ниткой, пришитой к бикини
Уродливой девочки, мучимой диким эго
Немолодой уже матери-одиночки.
Было четыре часа летаргии.
Пили цыганки на кладбище одеколон.
Падали звезды в гудящую потную очередь
За сборником сказок Андерсена.
Осень, глубокая, как Марианская впадина,
И неопрятный старик с малиновой шишкою на затылке.
Кто подарил ему четверть домашнего торта,
Этому старику?
Чья-то невеста проснулась вопить в колыбели,
Нынешним вечером пить я не стану вина —
Слишком боюсь умереть, а чудес не бывает.

Чего добился я, старатель и кочевник?
Ни крошки на столе, в печи погас огонь,
А на дворе зима. Двухтысячный сочельник,
И бодрые басы из радужных окон...

А я не жду гостей и сам не еду в гости...
Я рад, что ты ушла - так легче на душе.
Теперь ты за столом, где путается в тосте
Взволнованный шутник - военный атташе.

Ума не приложу - откуда весть благая
Могла бы мой порог сейчас переступить.
Здесь нищета царит - костлявая, нагая,
И выпить бы не грех, да не на что мне пить.

А на дворе зима. Двухтысячный сочельник.
И кажется - когда часов раздастся бой,
Ко мне войдут Иов и векфильдский священник
И осенят крестом, и скажут: «Бог с тобой!»

За баночкой голландской сельди,
Под волны сумерек в окне,
Совсем не хочется о смерти
Ни говорить, ни думать мне.
Как жизнелюбию ни трафи,
Но взглядом по стене скользнешь —
И с обрамленных фотографий
Смеются предки что умрешь,
И так же на стене повиснет
Изображение твое,
А дождь сухую землю сбрызнет,
Как перед глажкой белье.

Атака кончена. Отбитое село,
Отбитое село лежит, как отбивная,
И мальчишки, куда девать не зная
Тупое время, горько пьют и зло.

И пятится, и прячется слеза,
Когда поймают взгляд их после пьянки
Остекленевшие зеленые глаза
Шальною пулею прошитой мусульманки.

В приданое за девушкой хромой
Я деньги взял и домик с крепкой кровлей.

Пирушки бросил, занялся торговлей,
Велик доход, барыш обилен мой.

В субботний день, вчера, я встретил их,
Друзей по прежним пьяным похождениям:
«Подкинь нам, брат, отметим день рожденья
Твоей невесты бывшей. На троих.
Они стояли, словно наважденье,
Грехов былых распахнутый триптих.

Какой-то сальный ватник был на ней,
И щеки в шрамах, сизых от коросты,
Подумал я: «Какие будут тосты!»,
Спесивости не устыдясь своей.
Я, улыбаясь, вынул мелочь в горсти:
«На, с днем рожденья. На здоровье пей».

Они исчезли - мой укор и страх,
Ушли добычу праздновать в подвале.

Тот миг навеки в памяти оставил
Дыру на фиолетовых чулках.

Над этой женщиной на паперти
Беспечно птичьи крылья реют.
В углах ее усталой памяти
Молитвы детства плесневеют.
Прошли гаданья на Крещение
В родном селе. Приметы лгали.
Теперь мечта об отпущении
Не прегрешений, а печали.

Вот мраком, замшевым на ощупь,
Мой взгляд побаловал январь.
И в чай — расплавленный янтарь —
Слетает сахарная осыпь.
Не червь, не Бог, не раб, не царь,
Из завязи я выплыл остью —

Так было впредь, так будет встарь.
Я жизнь приветствую, как гостью,
Я прах земной, я Божья тварь.

За то, что руки я не опустил,
Что не поверил хитрым звездочетам
И не продлил погоню за почетом,
Благодарю, блаженный Августин!

ПИСЬМО К ИИСУСУ

Неоднократно проклятый и битый,
Провозглашаю истину – не ложь.
Чем легче забываешь ты обиды,
Тем дольше ты на свете проживешь.

Но память, неизменная покуда,
Вергилий мой, зовет на путь иной;
Я ничего вовеки не забуду,
Но все прощу, как велено Тобой.

Случайно заведенный разговор
Некстати оказался интересным.
Водитель сыт. Готов к труду мотор.
Как жаль, как жаль, простите, я проездом.

Я снова с торопящейся толпой.
Не лучше ль было здесь искать спасенья
От грустного владения собой
Без отдыха, включая воскресенья?

Я б облачился в новое во все
И кругом опоясался надежным,
Где кофе пьют, толкуя о Басе,
И кормятся познанием подножным.

Глощает муравьед-автовокзал
Нагруженных людишек вереницы.
Я ваши изумрудные глаза
Уже не вспомню в порохе столицы.

ФЛЕЙТИСТКА

*(на картину неизвестного фламандского
художника XVI века)*

Девушка смотрит в нотную тетрадь.
Грудь в трещинах — паучья сеть столетий.
Гладка прическа, как в письмо в конверте,
Которого уже не прочесть.

Мандолинистка сзади подыграть
Старается, и ничего на свете
Не важно так, как черненькие эти
Значки, и взор по ним стремится вспять.

И снова тремоло. И снова крах,
В изгибе мягком изнывают пальцы,
Меж тем бегут последние часы

Пред свадьбою. Жених подстриг усы,
И скоро пересядешь ты за пядицы,
Но с флейтою останешься в веках.

Увидеть, нет, прозреть, поняв,
Нет. выпытать, переиначив,
Нет, вымолить, ничком упав,
В созвучьях сбивчивых, горячих,
В конвульсиях тяжелых строк,
Зачеркнутых, тупых, нескладных,
Любовь, простую, как лубок,
В цветах наглядно-ненаглядных.

Распластаны, как мокрые вороны,
Над черепами горожан зонты,
И с ветром, дело знающим, на «ты»
Деревья, растранившие кроны.

Осенние свои верша законы,
Крупье стрижет нарядные кусты,
И улетаю листья за мосты,
Реке извечно бьющие поклоны.

Дождливо. Доживу ли я? Дождусь?
Молчит природы блеклое убранство,
Как нищенка, потупилась ветла.
Быть может, сам себе всю жизнь я снюсь?
В объятьях безвоздушного пространства
Беззвучные дрожат колокола...

Тащись, моя бричка, скрипи да кряхти,
Как лошади кличка — не помню...
Доеду до дому — вином не ахти
Каким свою чашу наполню.

Тащись, моя бричка, старушка, тряси
Своею облезлою гривой,
Ах, Отче наш, иже на неби еси,
Пошли мне дороги счастливой.

Закат выливает кипящую медь
В широкое горло равнины.
Тащись, моя бричка, недолго скрипеть —
До зарослей дикой малины.

Бревенчатый домик с дубовым крыльцом,
Сутулый колодец – продашь...
Ах, сколько же ехать к закату лицом –
Неделю ли, месяц, полгода ль?

Все дальше и дальше. А дальше – мираж.
Тропинка, пролесок, опушка...
Ах, Отче небесный, заступниче наш,
Неужто не сдюжит старушка?

Тащись, моя бричка, кряхти да скрипи,
Не верит колесам дорога.
Закат, всполохни, озари, ослепи,
Доедем ли к ночи до Бога?

ТРИОЛЕТЫ

Золотые шары на рождественной елке
Еле слышно звенят, еле слышно звенят.
И, пушистые, шепчутся в дебрях иголки.
Золотые шары на рождественной елке,
Не звените вразлад, не звените вразлад.
Ожиданья всегда неуютны и долги...
Золотые шары на рождественной елке
Еле слышно звенят, еле слышно звенят..

Просить ночлега у чужих окон
И обсушиться у огня чужого,
Смеяться в такт, вести беседу в тон,
Просить ночлега у чужих окон,
Когда к тебе судьба давно сурова,
Когда в своих не стекла, а картон –

Просить ночлега у чужих окон
И обсушиться у огня чужого.

Все невзгоды с лихвой окупятся
Через годы, а может, месяцы.
Мне пророчество счастья чудится
В зимней спячке Большой Медведицы.

Просыпайся скорей, Медведица,
Ты пробудишься – счастье сбудется.
Сколько времени в это верится,
Сколько времени это чудится.

Ты так и завяла в своем полосатом халатике,
За жаркою рыбы, за веником, стиркою, глажкой,
За чтением вечерним суровой латинской грамматики,
За розовой, лижущей мягко межножье бумажкою.

Ты так и завяла в халате своем полотенчатом,
И крови твоей половодье взыграло – отхлынуло,
Что ж, судьбы людские подвержены четам и нечетам,
Тебя не покинули, ты никого не покинула.

Как спицы мелькают в руках, постепенно грубеющих...
Кому предназначены эти ажурные петельки?
Старушке-соседке, за стенкою честно говяжущей,
Племяннице Оленьке или племяннику Петеньке?

Ты так и завяла в своем неказистом пристанище,
Спеленуты окна ремнями настойчивых сумерек.
Заснешь ты под полночь. Пробудишься: инеем жалящий
И с запахом черного кофе смешавшийся утренник.

В пепельнице луны сигара кометы потушена.
Холодно кофе пить. Раскромсанный снежный наст.
Автомобилей сигналы крикают полузадушенно.
Бар на углу дрожит, как держащий «угол» гимнаст.

В очередях стоят — за мясом — пустые желудки,
За Кристи — пустые головы, за пивом — пустые дни...
В томлении откровенном ждут номерные маршрутки
Люди устали очень и хмуро молчат они.

«Я постою», «Нельзя!» — нервный окрик водителя.
Ладно, дождусь другой, рано еще к тебе.
Гони меня в шею, девочка, никчемного посетителя.
Сама залатала течь в водопроводной трубе?

Запах еды младенца, раскиданные игрушки.
Красный горшок пластмассовый действует, как на быка.
Ты, как всегда, озабочена делами своей подружки.
Я улыбаюсь все еще. Не уйду пока.

В кухне курить позволено было. Теперь не велено.
Маленький закапризничал. И — ни в какую спать.

Спальня наша просторная наполовину застелена.
Ссорой сорить не будем. Кончено. Как не понять.

Через порог не надо. Впрочем, что нам поверья!
Дверь закрыл осторожно — не защемить бы плащ...
Вот вам загадка детская: Что осталось за дверью?
Может, вздох облегчения. Может, короткий плач...

ФИЛИНУ БУБО, В ДРЕМУЧИЙ ЛЕС.
АДРЕС ОБРАТНЫЙ - БЕЗ.

Приветствую, филин Бубо! Прости, что совенком в клетку
Тебя запихнул я грубо. Куда ему мол, летать...
Исполнилось мне лишь двадцать. Не надо на малолетку,
Нахохлясь в дупле дубовом, старинное зло держать.

Как много сгорело солнца с тех пор, дорогой мой Бубо,
Когда под брезент палатки тебя я принес, смеясь.
Солдаты рыгали после обеда. Отведать супа
Ты не пожелал, надменный, как маленький птичий князь.

Когда же мы на поверку вечернюю строем вышли,
С тоскою смотря, как гонит в овраге пастух телят,
Ты вылетел из палатки с проворством сержантской мысли,
Раздвинув крыльями прутья, подогнанные тяп-ляп.

Ты филином статным вырос, лесной пожирая люмпен.
Теперь ты, отшельник старый, стал выше земных страстей.
А мы вот все пьем да курим, да самок пушистых любим,
И ходим исправно в гости, и ждем у себя гостей.

Еще мы стреляем, Бубо, в живые мишени лихо,
В своих же стреляем братьев, дома понемногу жжем.
В желудках темно и пусто. В мозгах все пусто и тихо.
Вчера вот мне не хватило полтинника на боржом.

Мне было приятно, Бубо, черкнуть тебе пару строчек,
Хотелось подробней, Бубо, но больше нет новостей.
Конверт запечатан. С почтою выслан тебе сорочьей.
Доставят сие посланье на черно-белом хвосте.

БАЛЛАДА О БЕЛЫХ ЛОШАДЯХ

Во сне ли, наяву ли
Или наоборот,
Я садом брел, где в ульи
Таскали пчелы мед,
Потом ручьем, петляя
По берегу за ним.
Вдруг — темнота ночная,
Иссиня-черный грим.

Кругом цвело и пело,
И я гулял и пел.
И как стемнеть успело?
И как я не успел?
Однако же, прохладно,
А было так тепло.
Я заблудился. Ладно,
Пойду сыщу дупло.

Пыхтя на косогоре,
Я зренье напрягал,
Как стражник на дозоре,
Пространство озирал;
Но сдуру остуился,
Заслышавши сову,
И кувырком скатился
В намокшую траву.

Лежал ничком недолго,
Потом искал очки.
Найдутся — не иголка,
Помогут светлячки.
Ах, вот они. Цепляю,
Кругом — ни деревца,
Равнина все без краю,

Ни звезд. Ни зги. Ни звука.
Я здесь, как шахиншах:
Зеленый бархат луга,
Цветы лежат в ногах.
Слились земля и небо,
Или наоборот.
Туманно и нелепо.
Когда же рассветет?

А, вот уже белеет
Полоска вдалеке,
Душа моя хмелеет,
И сердце налегке...
Но что там? Гривы реют,
Вовсю глаза блестят.
Сметут — не пожалеют,
Не скачут, а летят.

Я приложил ладони
К испуганным глазам.
Растопчут в кашу кони,
Задаром жизнь отдам...
Я в пяди был от рая
Или наоборот;
Стоит табун, взрывая
Траву, и тихо ржет.

Спустился всадник бледный
С холодного коня.
Сказал: «Дружище бедный,
Ты не узнал меня?
Ты списывать диктанты
Когда-то мне давал.
А нынче не узнал ты?»
«Нет, - говорю, - узнал».

«В песках Афганистана,
Когда умолк огонь,
Явился из тумана
Ко мне крылатый конь.
И поскакал по дюнам
И не касался дюн,
И так, седым и юным,
Ворвался я в табун».

«Меня волна слизала
Упругим языком —
Так девушка сказала
С коралловым венком, —
А ты сидел под кровом,
Стихи свои кропал,
Забыл меня в лиловом
И в белом не узнал.

Бамбуковые своды
У моря помнишь ли?
Навряд ли. Все же годы
С тех пор уже прошли.
Лукавить мне негоже
И смысла — ни на грош.
Добрее и пригоже
Ты больше не найдешь».

И фыркнул белопенный
Ее лихой скакун,
И рысью неизменной
Ушел в туман, в табун.
Я следом потянулся,
Да конь опередил,
Я быстро извернулся,
Он путь загородил.

Смотрю – плечистый всадник
Мне помахал рукой,
Кудряв, как виноградник
Сентябрьской порой.

«А я вот, право слово,
Ловкач – средь бела дня
Коня сменил стального
На белого коня».

«Да, помню, все сбежались –
Кто с йодом, кто с водой,
И долго сокрушались –
Какой ты молодой...»

Но тут призывный возглас
Над полем прозвенел.
Сырой угрюмый воздух
Как будто просветлел.
На травах засверкала
Рассветная роса,
И лошадь вдруг заржала,
Рванувшись в небеса.

За ней другая. Следом –
Еще. Летят вперед
Навстречу новым бедам,
Или наоборот.
Здесь леший потешался?
Со мной шутил колдун?
Куда же подевался,
Куда исчез табун?

Клочки тумана, змейки
Плывут передо мной.
Уже видны аллейки
В просвете меж листвою.
Ну, здесь не заплутаю –

Подстрижены кусты.
Иду себе, читаю
Фанерные листы.

А где-то за пределом,
У звездных родников,
Табун несется белый,
Без седел, без подков.
Воздушное убранство
Сопровождает рысь,
И музыка пространства
Зовет скитальцев ввысь.

АВТОПОРТРЕТ

Один мазок до сходства, до сродства,
Но свет иссяк, и вечер вполз на стекла.
Последняя декабрьская листва,
Растоптанная в месиво, промокла.

И виноградник буйный облетел
Под Рождество — а я и не заметил,
Он так был щедр, так беспощадно светел,
Что вечностью, казалось, овладел.

Один мазок... Душа моя, прости,
Темно... Я не успел тебя спасти...

Когда мне последняя шлюха не даст,
Когда подзаборный со мною не выпьет,
Куплю себе вечер, короткий, как выпад,
И черного карла, который предаст.

Лесные деревья в букет увяжу,
Цветочную вазу слеплю из обрыва,
На ласковый столик морского прилива
Поставлю луну и светить прикажу.

Эй, карлик, скорее с высот собери
Налитые соками звездные гроздья,
Ты знаешь — какая пожелует гостя —
Почтителен будь с ней. И сопли утри.

Негромкая женщина, как хорошо,
Что с музыкой нет ни предела, ни сладу.
Нам карлик подсыпал надежного яду.
Бокалы искрятся. Предатель ушел.

Как блеклая цветная фотография
Из аппарата неба вышел вечер.
Дремота над бульваром пронеслась.
Дрожание прибрежной теплой арфы я
Остановил, обняв ее за плечи,
И музыка уже не раздалась.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ СТИХ О СМЕРТИ

Трясина лет... Мы вязнем понемногу.
На помощь звать? Но вязнут все вокруг.
Пройдут года — я выйду на дорогу
И сед, как лунь, и замкнут, словно круг.
В чередованьи свадеб и поминок
Жизнь промелькнет — крепись или болей.
Придя домой, я сяду у камина,
К огню подставив ноги — так теплей.
Полувздремну — и складок паутина

Растянется, как будто с рыбой сеть.
Войдет и скажет строгий гость старинный:
«Позвольте Вам представиться. Я – Смерть».
Я посмотрю с трусливым любопытством.
«Который час?» – глазами спросит гость. .
Тот самый час, когда душа боится,
Что ей всего постичь не удалось.
Мы выйдем в сад, пройдем тропинкой узкой
До мрачноватой каменной стены.
Я вспомню, что колотится под блузкой
В груди одрябшей сердце пра-жены.
И как теперь румяны наши внуки,
Как в мирной детской спорится игра...
Тут я скажу, сложив худые руки:
«Позвольте мне преставиться. Пора.»

ДУЭЛЬ

Друзья наполнили вином
Торжественные кубки
И громко выпили за то,
Чтоб завтра выжил я.
Бараньи кости псам швырнув,
Мы выкурили трубки,
И я немедленно ушел
Из теплого жилья.

Я шел по улице сырой,
Потом по бездорожью,
Туман был компасом моим,
Катился желтый лист.
Я встретил их в восьмом часу
У горного подножья,
Когда подумал: «Как сейчас
Рассветный воздух чист...»

Я описал овал и ромб
Своей потертой шляпой,
Прошел навстречу три шага —
(Традиция веков),
Но что я там поделатъ мог
Старинный ржавой шпагой,
Когда вокруг полным-полно
Отточенных клинков.

Защита — смерть, атака — смерть,
Погибель — выжиданье;
Недолгий звон искусных шпаг,
Кровавый фейерверк...
Как хорошо, что я не шел
Покорно на закланье,
Как хорошо, что этот свет
В глазах моих померк...

Друзья наполнили вином
Безрадостные кубки,
И осушили молча их,
До самого до дна,
Набили трубки табаком
И выкурили трубки,
И каждый думал про себя,
Что жизнь у нас одна.

КОРОЛЬ БУ-БУ

Король Бу-Бу — король бубновых карт,
Бурлесков, бус, бугров, медведей бурых.
Бумага! Будь предвестницею бури,
Бушуй на воле, бесноватый март!

Король Бу-Бу. собьем сосульки с крыш,
Пойдем ко мне бургундского отведасть!
Зажарим лед. Сейчас придет обедать
Ганс Гаммелин, гроза голодных крыс.

Играй же, Ганс, на дудочке своей,
К нам, Ни-Гу-Гу, жена Бу-Бу, скорее,
Гудит камин. Супруг твой руки греет,
Садись — и голой ночи платье шей!
К нам, Ни-Гу-Гу, гулящая, гаси
Свою сигару в нашем
пенном гроге, Топи в густом ковре босые ноги,
И никогда о счастье не проси!..

НОЧЬ ВАН ГОГА (Боринаж)

Кофейник медный.
Ночь — золы черней.
Под крышей кошки возятся и стонут,
Чтобы кормить котятками червей.
Большие птицы в поднебесье тонут.

Я — углекоп. Но я — не углекоп.
Берите все. Мне зябко. Мне — не зябко.
Заботливая, щупает мой лоб
Летучей мыши мерзостная лапка.

Я чувствую, что это – не предел.
Горячка... Бред... Оскалившийся профиль..
Сгинь, сатана!
Кофейник закипел.
Шкворчит вода. И – ни крупинки кофе.

Здравствуй, долгожданная свобода,
Ты вошла, избранница святых,
С волосами цвета капель йода,
На живую рану пролитых.

Ты вошла с рассеянной улыбкой
Дамы треп на карточном столе.
Ожиданье хрустнуло улиткой,
Каблуком придавленной к земле.

Я хотел бы уметь ездить на диких лошадях,
Которых уже, наверное, не осталось...
И еще – разлюбить тебя.

Совиными когтями вонзался дождь в меня,
Поеживаясь, звезды закутывались в тучи.
Над неостывшим трупом законченного дня
Рыдал осенний вечер, как друг над другом лучшим.

И шел ко мне навстречу задумчивый актер,
И мы, задев друг друга, взаимно извинились.

Я трезвый, как сомнение, – он трезвый, как позор,
А пить мы в этом мире еще не разучились.

Последняя пружина сломалась под землей,
И мы, как две газеты, обмякли в черном ливне.
«А я в любовь не верю». «А я не жду другой».
И каждый, усмехнувшись, подумал: «Он погибнет».

Как кровь по гильотине, стекал холодный дождь
По кромке тротуара в решетчатые люки,
Но знал я, что с картины, повешенной на гвоздь,
Мне женщина протянет слабеющие руки.

Ветер вывернул челюсти
В необузданной ярости,
Он устал от неверности,
Он устал от неяркости.
Тучи на небо выбросил,
Точно грешниц – на исповедь,
Землю ливнями вымостил,
Этим ливням не выгореть.
Тучи лица царапали
Кандалами покорности,
Тучи ныли и плакали
Без зазрения совести.
Но под вечер простуженно
Ветер шарфом укутался
И, ругаясь разнузданно,
В теплых тучах запутался.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спокойной ночи, малыши,
Камины в моде.
У тети — дядя для души,
У дяди — тетя.
Спокойной ночи, малыши,
Усните с верой,
В изящной вазе — камыши,
Полны фужеры.
Спокойной ночи, малыши,
Спокойной ночи.
Глаза у дяди полны лжи,
У тети — очи.

Сломал хвостом твою виолончель
Веселый неуклюжий древний ящер,
И ты впервые плачем настоящим
Измяла белоснежную постель.

Виолончель лежала на полу,
В последней муке выгнувшись горбато,
Огромный ящер, стоя виновато,
Узор царапал когтем по стеклу.

МОТЫЛЕК

Порою поздней я следил за бурым мотыльком —
Как он узоры выводил, кружась над ночником.
Вторую ночь не знал я сна, платил стихам оброк.
И прошептал мне, подлетев, мохнатый мотылек:
«Смотри, сейчас я превращусь в подобье челнока...
Ложись — и вознесемся ввысь, в ночные облака,

Три звездных царства посетим, понравится — живи,
Нужды не зная ни в деньгах, ни в славе, ни в любви».
В тумане Черного кольца и Ведьмовской метлы
Гнездились на вершинах гор надменные орлы,
Во мне признали вожака; почтительно склоняясь,
Проклекотали: «Мы с тобой, вежи, Орлиный князь!»
И я призвал могучих птиц на самый край скалы,
И, рассекая облака, низринулись орлы,
Когтями рвали белых коз, я с ними пировал,
И хищной радости мороз все круче лютовал.
Охота, пища, отдых и — опять охота, пир.
Орлиный князь, я был кумир, но разве в этот мир
Затем забрел я погостить, чтобы других гостей
Убить, сожрать, запить, забыть — толстей, орел, толстей...
И на заре взмолился я: «О, милосердный Бог,
Пусть поскорее прилетит мой верный мотылек!»
И вот я вновь несусь стремглав в пушистом челноке
В галактику Свободных трав — она невдалеке...
Я стал травой, сочно жил, меня любил цветок,
Но нити цепкие корней я оборвать не мог.
И я взмолился: «Боже мой, неужто мне судьба
Клониться по ветру всегда с покорностью раба...»
И снова прочь умчал меня проворный мотылек,
Прощай, цветок, и плоть моя — пожухлый стебелек...
Созвездие сапфирных бус блеснуло, ослепив,
Я вырыл клад, я стал богат, капризен и спесив,
В саду своем я поселил павлинов и макак,
Я пил нектар, и я курил отборнейший табак.
Никто таких не ел конфет, такой рахат-лукум,
И мне завидовал сосед по имени Лукулл...
Но как-то раз я объезжал владения свои,
Прилег под деревом вздремнуть — вдруг язычок змеи
Пронзил мне руку... Страшный яд... От смерти лекарь спас,
Но целый год я не смыкал от боли ночью глаз...
И снова Богу я вознес горячую мольбу:
«Взгляни, заступник мой, Христос, последнему рабу

Сегодня слаще жизнь... Исход даруй мне, — не исток»...
И прилетел на зов и сел у ложа мотылек.
В мгновенье ока перенес на Землю, к ночнику,
И стал вокруг него кружить, и больше — ни гу-гу...

ПОСТОЯЛЕЦ

Ноябрь нанимает квартиру у Бога
На месяц. С деревьев смахнувши листву.
Ее выметает, как мусор с порога.
Он скоро запрется. Двенадцать без двух.

Он болен бессмертием и хладнокровьем.
Он вяло мешает золу кочергой.
И вихрем гордится, как в средневековые
Гордился бы князь расторопным слугой.

Спускает с цепи он дожди, как овчарок.
И росчерк тумана ложится на ночь.
Звезды догорает последний огарок,
И музыка стынет — без звуков, без нот.

Спокойно его одиночество, крепок
Засов на дверях — он не любит гостей.
И так, замерев, точно глиняный слепок,
Живет он без женщины, без новостей.

И Бог в нетерпенье — когда постоялец
Его неприятный в снегах декабря
Оставит ключи. И Рождественский танец,
И елки, свечами, огнями горя.
Восславят явленье Спасителя-Сына.

Ноябрь мешает золу кочергой.
Слегка загустела в болоте трясина,

Последний косяк журавлей за чертой
Растаял, как будто в замедленной съемке.
Осмелился лед проклеваться у кромки,
Гривастой, обрывистой кромки речной...

Уходит ноябрь, степенный и хмурый,
И стелется сброшенный плащ его бурый
Из мокрой листвы по плешивым полям.
И туча его провожает с одышкой,
Карабкаясь по небу вздутой кубышкой,
Хромая и поздние слезы тая...

МОРОЖЕНЩИЦА КАТО

Бессмысленно, словно овца,
Кричит по дворам и с порожним
Лотком отправляется прочь.
И пот отирает с лица.
«Маррожни! Маррожни! Маррожни!»
На отдых отводится ночь.

А что заработано? Что
В кармане? На хлеб да картофель.
И сколько детишек в трусах
Без денег... Старуха Като
Всех помнит - в анфас или профиль,
Замурзанных, хилых, в слезах...

Бывало, зовут из окна,
И свой на колесах треножник
Оставив, с одышкой плетясь
По лестницам, тащит она
Маррожни, маррожни, маррожни.
Ей каждый купивший — что князь.

А годы — хоть их заморозь —
Растают когда-нибудь точно,
Как всякий на блюде пломбир.
И спросит старуху Христос:
«Като, пробил час твой урочный.
И с чем ты покинула мир?»

Ответит: «Одежду — портной.
Ботинки да туфли — сапожник.
А я не скопила добра.
И доброй не стала женой.
Маррожни. Маррожни. маррожни
Таскала по старым дворам.»

Не стучите в двери Тишины.
Тишина на стук не отворяет.
Даже если свечка оплывает —
Тишина тебе не отвечает.
Недостойн ты ее страны.

Даже замирание струны
Тишину тревожит и пугает.
Даже если снег едва подтает —
Тишина под небо отлетает.
Льды вершин беззвучны и сильны.

В штиле писк зародыша волны,
Шевеленье слепня в саркофаге,
Бег пера бесплотный по бумаге,
И крючок, замученный в коряге,
Недоступны тайне Тишины.

С Тишиною слиться не вольны
Звезды сосчитавшие бродяги,

С присвистом уснувшие в овраге,
Юноши, сомлевшие от браги —
Только души к ней приглашены.

На свиданье к ней приглашены
Души, что на смрадном карнавале
Всех земных страстей оттанцевали,
Им теперь на временном привале
Отдыхать в гостях у Тишины.

ВЕСЕЛАЯ ЭЛЕГИЯ ПО ШЕВЕЛЮРЕ

Прощайте, волосы! Вот я чешу макушку,
И падаете вы на белый лист.
Не плачу. И чеснок не мажу. И петрушку
Пучками я не ем, как за стеной артист.

Артиста плешь страшит. Ромео роль он хочет.
Я ж к лысине готов, как некогда Шекспир.
Еще один упал. И век мой стал короче.
Зато понятнее и добродушней мир.

Мне даже так идет, уж коли знать хотите.
Прощайте, волосы! Последнею бедой
Пусть будет ваш уход. И все-таки простите,
Что я сдуваю вас с листа перед собой.

МОЛИТВА

О Господи, спаси и сохрани!
В душе моей смердят озера гноя.
Неужто ты сулишь стезю изгоя
На все мои оставшиеся дни?

О Господи, заступник, загляни
В глаза мои. лишённые покоя,
Не дай сойти с ума в объятьях зноя.
Верни любовь, спокойствие верни.

Подай мне хлеб насущный за труды
И освежи уста глотком воды.
Освободи от гнета бесов душу...

Избавь меня от страхов и скорбей,
Достоин буду милости твоей,
О, снизойди... Я клятвы не нарушу!

Не для того душа пробилась в плоть,
Единственную отыскав дорогу,
Чтобы презреть благодаренье Богу
И клясть судьбу за нищенский ломоть.

Я здесь, чтобы лишенья обороть,
В духовном свете растворить тревогу.
И верю, и верной службой слогу
Путь оправдать, что даровал Господь.

Пусть логик мне елеино шепчет:
«Где ж
Ты видишь выход? Лучше нить
разрежь,
И мир покинь, разломанный на части».

Но в радость мне под дланью января
Увидеть в мертвом свете фонаря
Львов каменных заснеженные пасти.

Ночь умерла мгновенно и легко.
Такую смерть и мне не помешало б.
Ворвись, душа, в густое молоко
Небес, кипящих от напрасных жалоб.

Лети, душа, ни дома, ни гроша
Не оставляешь ты в земной юдоли.
Испей воды из звездного ковша,
Исполни навсегда свободой воли.

Твоих сокровищ горы расточив,
Я в дальний путь тебя отправил нищей,
Но не обрел блаженства, опочив
На чаяний остывшем пепелище.

Ступает день на землю без меня,
И ничего не меркнет в свете дня.

На пляже дай, на пляже на...
Хватает ласково и слабо
Пенистолобая волна
Пружиноногого араба.

На пляже please, на пляже si,
Но мы с тобою не на пляже.
Мы покупаем керосин,
Который есть еще в продаже.

На пляже пиво, барбекю,
Оркестры, бары и отели,
Песеты, доллары, экю,
И в теле все, и все при деле.

А мы в пыли, а мы вдали.
Обогащенный кофемолкой,
Тащусь я на краю земли
С картошкой полною кошелкой.

Иду я, сам себе не рад,
В объятья греческой богини,
С намерениями благими
Дорогой, вымощенной в ад.

Меж объявлением «Снимаю порчей сглаз»
И объявлением «Снимаю сглазом порчу»,
Я важный выбор делаю сейчас,
Гримасу снисходительную корча.

Целительница, то бишь ведьма, без
Лицензии, меня усадит в кресло.
За стенкою храпит бездельник-бас,
Нужны на жизнь (то бишь на водку) средства.

Она очертит грязным мелом круг,
Пошепчет что-то, плюнет вправо-влево.
«Кто вы по гороскопу?» – спросит вдруг.
Отвечу: «Лев, переходящий в Деву».

Она сгребет бумажку в кулачок,
Заверит, что теперь я чист надолго.

Ну, с Богом, на чужом шестке сверчок,
Спасибо, ведьма, и на слове добром.

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Под небом, чистым, как пеленка,
Вечерний звон, вечерний звон,
И гонят женщину с ребенком
Из хлебной очереди вон.

И крысы шмыгают по кучам,
Еды себе не находя.
Вечерний звон плывет по тучам —
Воздушным клавишам дождя.

Все так изменчиво в природе —
То дождь, то ведро, то война.

Лишь смерть — в мужском и женском роде
И днем, и вечером — одна.

ЗАНИМАТЕЛЬНЫЙ СИНТАКСИС

От бездарных управлений, от случайных примыканий
Образуются одни лишь только знаки пререканий.
Предложения, однако, восклицательные даже
Принимают к рассмотренью по пути согласований.

СОТВОРЕНИЕ МИРА

Венок сонетов

I
В сплетении безжизненных пустот
Небытие крошечное тонуло.
Бог создал космос. Вечностью дохнуло.
Бог создал землю — вечности живот.

Над пропастью, разинувшею рот,
Царила тьма, земля в нее нырнула,
И вспять река забвенья повернула,
И Божий неся дух над лоном вод.

Но в хаосе терялись линий связи.
Рассеян в галактическом алмазе,
Непрочный луч безвидность озарил.

И тьма была отторгнута от света;
В день первый Бог все это сотворил,
Замкнула круг рожденная планета.

II

Замкнула круг рожденная планета,
И твердь была воздвигнута над ней
Во второй день семи бездонных дней
Первейшего великого обета.

Язык ручья - подземного аскета
Уже касался жаждущих корней;
Трясины набухали меж камней
И видел Бог: во благо жизни это.

Извергло небо ливень в зевы гор,
Пробило в кряжах лунки первых нор,
Мягчала почва, влагою согрета.

Вошли моря в границы берегов,
И стук созревших ягод и плодов
Раздался в час туманного рассвета.

III

Раздался в час туманного рассвета
Господень глас: «Да будут в Небесах

Овалы сторожами на часах:
Звезда, и астероид, и комета.

Для смены дней, годов, зимы и лета,
И для знамений на судеб весах,
И листопада в девственных лесах
Сиянье их - опора и помета».

Великое и малое светило
Господня воля в небе поместила,
Луны и солнца вычислен восход.

День третий убывал. Рождался новый,
С собой принесший первый цвет вишневый,
Пчелиный хор над белым воском сот.

IV

Пчелиный хор над белым воском сот
Вершил свои медовые обряды,
В пучинах пучеглазых чудищ взгляды
Неспешно облюбовывали грот.

Подземною дорогой рыскал крот,
Кипя, клубились гнилостные смрады,
И не страшили молнии и грады
Гигантов, окунувшихся в полет.

Прищур голодный ящера был страшен,
Когда он, кровью пролитой окрашен,
Добычу рвал и пожирал взаглот;

И, заросли топча ничейных лавров,
Бродили стаи тучных динозавров...
Так пятый день склонился на исход.

V

Так пятый день склонился на исход.
Бог длань простер над тварями над всеми,
Благословив на размноженье семя,
И семенем рожденный всякий плод.

И жизни закружил водоворот,
И миг любви стал сладостным, и бремя,
И умножалось, и плодилось племя,
Овеянное милостью щедрот.

Господь увидел: созданное им
Зело прекрасно. «Ныне сотворим,
Дабы деянье Наше без ответа

Не оставалось — человеческий дух
Явим в сознание, зрение и слух,
В живую плоть на остовах скелета».

VI

В живую плоть на остовах скелета
Проник отцовский, материнский луч,
И был он ярок и равно могуч
И ведал тайну жизни первоцвета.

И заповедал Бог: «Не знай запрета,
Бей птицу, коз на тропах горных круч;
Она твоя — от почвы и до туч,
Земля, что в зелень буйную одета».

Седьмого ж дня был отдыхом удел.
Почил Господь от совершенных дел
В кругу безмерном звездного браслета.

По пробужденыи ту земную плоть
Душой бессмертной оделил Господь,
Вдохнув блаженный, вечный дар Поэта.

VII

Вдохнув блаженный, вечный дар Поэта,
Он поместил свое создание в рай,
И так судил: «Отныне нарекай
Словами суть и твари, и предмета.

Страшись, Адам, послушаться завета:
С познания древа плода не срывай,
Возделывай свой сад, и верь, и знай —
Не дам тебе судьбы анахорета».

И крепкий сон сморил венец творенья.
Извлек ребро Адамово под сенью
Вечнозеленых крон Господь, и вот

Уже предстала взятая из чрева
Адамова, прекрасна видом, дева.
Господь ей повелел: «Не знай забот».

VIII

Господь ей повелел: «Не знай забот».
Да не коснется вас ни боль, ни злоба,
В саду Едемском наслаждайтесь оба
Цветеньем нескончаемых суббот.

Для вас одних зажжен небесный свод,
И птицами усеяна чащоба,
Возрадуйтесь! Недуг и призрак гроба
Вас обойдут, как время обойдет».

«Кость от костей моих и плоть от плоти,-
Сказал Адам, - взята от мужа ты,
Отныне назову тебя женою».

Блаженствовали души их в полете,
И не стыдились дети наготы,
И радовались радостью одною.

IX
И радовались радостью одною.
Но в черный день (числа им ныне несть)
Решился сетью искуса оплесть
Сердца их змей полдневною порою.

Скользкий луч ласкал лесную хвою,
Змей прошептал жене: «Я слышал весть,
Что Бог плоды вам запрещает есть.
Я изумлен. И этого не скрою...»

«Не все плоды, – ответила жена, –
Но есть поодаль яблоня одна –
Там, посреди блистающего рая.

Те яблоки погибельны для нас...
Господь сказал : «Умрете, их вкушая,
Избранники блаженства»...
Пробил час.

X
Избранники блаженства! Пробил час.
«Вы не умрете, – молвил искушитель.
Дарована вам райская обитель,
Но истина упрятана от вас.

Пойдем туда... Один лишь только раз
Вкуси, отведай плод... Он как целитель.

Сорви его — не будь я райский житель —
Глаза твои откроются тотчас.

Смелее же! И станете как боги,
Добра и зла изведавшие суть.
Вам к истине откроются дороги,
К познанию необратимый путь.»

Жена коснулась яблони рукою,
И змей в траве укрылся с головою.

XI

И змей в траве укрылся с головою;
Жена сказала: «Мне внемли, Адам!
Вот, яблоко тебе я в пищу дам,
И радость нашу райскую удвою.

Смотри, как вожделенен над тобою
Румяный плод... Всем прочим деревьям
С ним не сравниться... Ах, великий срам!
Мы наги... Опояшемся листвою...

Адам! Адам! Телами травы смяты.
О, яблоня, прекрасна ты трикраты.
Как ублажаешь сердце, душу, глаз...»

«Жена! Растет и множится тревога,
Не оскорбим ли наготово Бога?!»
Одежды сшили люди, устыдясь.

XII

Одежды сшили люди, устыдясь.
Гонимы неосознанным испугом,
Они бежали в рощу райским лугом,
И распахнул им ветви старый вяз.

В листве, от света дневного таясь,
В молчаньи, изумленные друг другом,
Они легли... И явлен был супругам,
Как гром небесный, гневный Божий глас.

«Где ты, Адам?» «Я прячусь, ибо наг».
«О, неразумный! Недостойный благ!
Ценой великою за это знание

Заплатишь ты, предавший мой завет.
Пред вами отверзаю бездну бед —
За прегрешенье — Божье наказание.»

XIII

За прегрешенье — Божье наказание.
«Змей, вечно есть ты будешь прах земной,
На чреве ползая в пыли степной,
И яд копя, презренное создание.

Жена! Вот муж, царь и владыка твой.
Рожай детей в болезнях и страданье.
Пока не рухнет в бездну мирозданье,
Проклятья будет слать вам род людской.

Адам! За то, что ты и слаб, и слеп
Тебе в удел - политый потом хлеб,
Жестокая борьба за пропитанье,

Доколе в прах не обратишься вновь,
Тащи свой плуг, сдирая пальцы в кровь.
Ждет вас печаль и труд, и смерть в изгнание.»

XIV

Ждет вас печаль, и труд, и смерть в изгнание -
Так заповедал первым людям Бог,

И Евою Адам жену нарек,
И с нею прочь отправился, в скитанья.

И был расцвет, и было увяданье,
И жизни был отпущен краткий срок...
И грозен озаряющий восток
Меч херувима — молнии сверканье.

Доныне древа жизни не найдут
Адамовы колена. Скорбь и труд
Влачат они. Бессмертья дивный плод

За облаками ангел сторожит.
Земля ж вокруг оси своей кружит
В сплетении безжизненных пустот.

Магистрал

В сплетении безжизненных пустот
Замкнула круг рожденная планета.
Раздался в час туманного рассвета
Пчелиный хор над белым воском сот.

Так пятый день склонился на исход,
В живую плоть на остоле скелета
Вдохнув блаженный, вечный дар Поэта,
Господь ей повелел: «Не знай забот».

И радовались радостью одною
Избранники блаженства. Пробил час,
И змей в траве укрылся с головою.

Одежды сшили люди, устыдась.
За прегрешенье — Божье наказание.
Ждет вас печаль и труд, и смерть в изгнание.

Я мастерил ошейник для луны.
Холодный город пил туман из блюда;
Я ждал, когда ворота распахнутся
Казны восторгов, нищенской казны.

Луна скулит, пространства ей тесны,
И скучны тропы, где не разминуться.
А звездам песни звездные поются.
Носы планет от белого красны.

Выгуливаю нервную луну:
Ушла за тучи, в темный переулок.
Мой легкий фрак не годен для прогулок;

Вернусь домой. И, проходя, шепну,
Поверю я любовь царице вестниц —
Дубовой львице на перилах лестниц.

РЕПОРТАЖ ИЗ ТБИЛИСИ 1992 Г.

Толпа сужается в хвосте и, прилепившись, как пиявка, к окошку хлебному, с прилавка сосет буханки. На кресте распятый раб стонал, наверно, как этот старец, весь в парше, которого погнал взашей владелец угловой таверны, приюта местных алкашей. Палят гвардейцы, отгоняя толпу голодных от ворот; меж тем трактирщик хлеб сует в мешок, и прочь, свинья такая. Хлоп — выстрел. Карапузы — в слезы. В толпе бессильные угрозы; идет старушка на стволы, хватает их, себя не помня. А голубок — курлы, курлы... Он сиз. Он — ничего не понял. Рывок — в бою добытый хлеб. Еще рывок — и я свободен. Домой — в сухой и шумный sklep, к семье, я нынче ей угоден. А там — бузи да сквернословье, на прозябанье обреченный. О, этот хлеб непропеченный, о, эта нищая любовь!

ИОНА

Поэма

I

Ущелье, где вслух размышляет река,
И белки, как свечи в ветвях кипариса,
Покинув, бегу я под небо Фарсиса,
Испуг мой безмерен, и скорбь велика.
Я Господа слышал веление днесь:
«Иди в Ниневию, не медли, Иона,
Сей город забыл назиданья Закона,
Царят в нем бесчинства и злобная спесь».
На пристани кормчему я заплатил,
И вспенили весла соленую воду,
И робкому, гулкому сердцу в улогу
Я взор свой от Господа отворотил.

II

Нубийский раб, подошвами босыми
И крепкими, как дерево, стуча,
Пронес вино, и взглядами косыми
Обласкан был купцами сгоряча.
Купцы барыш подсчитывали верный,
Играли в кости, жаждали девиц.
Душа моя! Ты пропиталась скверной.
Душа моя! Ты распростерлась ниц.
Я улыбался невпопад и криво,
Когда меня журили: пей до дна!
А на закате, растрепавши гривы,
Взбрыкнули волны разом - как одна.

III

Как зайчонок, затерявшись в табуне,
Наш летел корабль — то кланяясь луне,
То подпрыгивая, тонко вереща,

То заваливаясь, веслами треща.
А купцы бросали кладь свою за борт —
Облегчить скольжение? Смилоствить норд?
И молились — каждый Богу своему,
И цеплялись, завывая, за корму.
Но ни страха, ни сомненья нет во мне.
Я прощанье прошептал глухой луне,
Корабельным душным чревом поглощен,
Равнодушен, и угрюм, и не прощен.

IV
Дышалось мне с трудом в тумане полусна,
И плесени со стен мои вобрали пряди;
Не видеть берегов - ни холмика, ни пяди,
В крошечной темноте, в углу сырого дна
О смерти лишь прошу - единственной награде.

Но чей светильник здесь ползет, качаясь, вниз?
Хозяин корабля зовет: „Очнись, несчастный!
И Богу твоему с усердьем помолись,
Безумный! Что ты спишь? Очнись, скорей очнись,
Ищи спасенья - мы молились понапрасну.

О, за кого беда постигла ныне нас?
Не жребий ли бросать, дабы узнать тотчас?»

V
Иона!
Твой вытащен жребий, так вот за кого нам погибнуть велят
Небеса! Иона!
Ответствуй нам, кто ты и где твой народ обитает, Иона?
Мы лона
Земли не коснемся, покуда свой грех не искупишь, и смерти
коса
Для нас уж наточена, кто ты, ответствуй, Иона! —
Чту Господа Бога небес, сотворившего сушу, моря,

Закону праотцев покорен, но, так говоря,
Лукавлю, ведь я от Лица Его ныне скрываюсь...
Иону-Еврея в живых вы оставили зря,
Я должен быть жертвой, я пред неизбежным склоняюсь.

VI

— Земля! Земля! Попробуем причалить!
Уж близок берег! Мы не палачи;
Что до скончания дни свои печалить
Невинной кровью! Море, замолчи!
Гребцы, мощней! Неужто мы не сдюжим,
О небо, ветер смиренью научи!

Но нет, вокруг да около все кружим,
Господней волей мы принуждены
Пожертвовать Ионой, грешным мужем.

Прости же нас, упав на грудь волны,
Твоею казнью Небесам мы служим.
Прощай! Утихла буря. Спасены!

VII

Пришло искупленье...
Волна пеленает меня,
Я снова младенец, и Бог у моей колыбели...
Прости меня, Боже...
Наказ я на смерть променял,
И тает в ресницах зари силуэт корабельный...

Но иглы сверкнули,
Пещерой распахнута пасть,
Я схвачен теченьем, и в мягкую пропасть затянут,
Кому безвозвратней
Назначено Господом пасть?
Бесследней и звезды погасшие в мире не канут.

VIII

Из глубин преисподней я к тебе возопил,
Господи, слышишь!
Нет раба неугодной, отринут, лежу я без сил,
Господи, видишь!
И обвили главу мою в бездне морские цветы,
Господи, видишь!
И объяли меня Твои воды до самой души,
И до гор основания нисшел я в утробной тиши,
Но увижу я святой Твой храм, изнемогши от мук,
Изведешь мою душу из ада на солнечный луг,
Обещанье исполню — рассея ненавистную мглу,
Возносить не устану Тебе, милосердный, хвалу.

IX

Я — выблевок вонючего кита.
Скрывается пловучая темница...
Кишечной жижей кожа облита,
В лучах закатных жжется и лоснится.
Не милость это — милостыня мне.
Благодарю, упавши на колени,
Я выплюнут. В морской омоюсь пене.
День умирает в медленном огне.
Смирен, как голубь, и, подобно змию,
Теперь я мудр, и вновь я слышу Твой
Наказ: „Восстань, Иона, в Ниневию
Иди и проповедуй. Бог с тобой».

X

Город огромный, на три дня ходьбы,
В землю осядешь ты мертвою пылью.
Станут слова мои страшною былью.
Ты не спасешься от черной судьбы.
В день сороковый стенанья и плач
Будут недолги. Покуда не поздно,
Люди, покайтесь, сердечно и слезно —

Праведник, грешник, невеста, палач!
От суеты отрешитесь, и плоть
Вретищем грубым покройте, и козни
И злодеянья забудьте, и, грозный,
Может быть, нас не накажет Господь!

XI

Что пророчество без муки? Расписных словес бряцанье.
Помню чрево исполина, корабельную корму.
Голос мой грехом изломан и настоян на страданье,
Ниневия, Ниневия, ты поверила ему!
Но зачем же Ты, Всевышний, заставлял меня насильно
Проповедовать? Ведь знал я - многомилостив и благ,
Не разрушишь Ниневию, не погубишь изобильный
Этот город, оттого я и бежал, испуган, наг...
А теперь пошли мне смерти. Ухожу, устрою кущу
На пригорке на бугристом, где восточная стена.
Я не вижу смысла в жизни, дай мне смерти, Всемогуший.
Ниневия! Ниневия! Ниневия спасена!

XII

Господь ответил мне тенистым деревцом.
Я наслаждался им, как властелин — дворцом,
К полудню же листва пожухла и иссохла.
И снова смерти я у Господа просил,
И зной палил главу, и я лежал без сил,
Вокруг меня лилась расплавленная охра...

И мне сказал Господь: «О древе плачешь ты,
Что не растил в трудах и не давал воды,
А мне ль не пожалеть детей Своих желанных?»
И понял я, что был досель слепым щенком,
А ныне лишь прозрел, и, осенен венком
Из высохшей листвы, спою Тебе осанну!

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

Венок сонетов

*9-я партия матча Морфи —
Андерсен
Париж, 1858*

I

Среди глубоких колдовских зеркал,
В которых отражаются события,
Одно — дитя полета и наитья
Мудрец во время Оно отыскал.

И, не жалея сил, полировал
В глухой тиши домашнего укрытья;
Целебный яд высокого открытья
По черно-белым клеткам разливал.

И микрокосм предстал ему, сверкая, —
Рать короля: бесстрашных пешек стая,
Ладья — тяжелый, гибельный таран;

И мощный ферзь, и хитроумцы — кони,
И быстрый слон, готовящий аркан,
И сам король — на плахе ли, на троне.

II

И сам король — на плахе ли, на троне —
Сейчас решится. Сделан первый ход.
Какую он защиту изберет?
Так Филидор играл. А так — Бенони.

Эф-5? Гм, гм... Неписано в законе.
Нет, чернопольный с места не сойдет —

Так пусть себя он в жертву принесет,
Как тот, у англичанина... В Вероне...

Данайский слон? Ну, что ж, возьму слона...
На шах? Должна бы выдержать стена,
Король эф-7? Король в открытой зоне...

Бери ладью. А я возьму коня,
Куда ему деваться от меня?
Ему конец в углу, слепцу и соне.

III

Ему конец в углу, слепцу и соне.
Прервался вдох. Я выиграл. Но как?
Гармония дала мне тайный знак,
Как лилия в болотистом затоне.

Пускай кружится голова в погоне,
Моя поэма создана. Итак,
Когда последний шах рассеет мрак,
Я посвящу бессмертный стих мадонне.

Не Беатриче, не Лауре, нет,
Любовь моя! Есть у тебя поэт,
Язык его не каждому понятен.

Осушим ли мы свадебный бокал?
На солнце мысли много черных пятен.
Соперник мой! Я света лишь алкал.

IV

Соперник мой! Я света лишь алкал.
Вступает ферзь. Его продлится соло.
Когда же он достигнет ореола,
Монарха захлестнет девятый вал.

Э, нет, отнюдь король мой не пропал,
Но что-то слишком пасмурно и голо.
Куда пойти? Какого кони пола?
Шутить не время... Конь эф-6. Сыграл...

Взлетает слон. Таясь на це-4,
Он слова ждет на этом щедром пире;
Причудливой позиции коралл

В глубинах мысли красками блистает;
Конь де-4. Что ж, атака тает?
Ход ослепил величественный бал.

V

Ход ослепил величественный бал.
Король, ты держишь душу в черном теле.
Спаси тебя от смерти не успели.
Моя вина – ты храбро воевал.

Маэстро! Ты защиту угадал,
Но ход – за мной. И верный слон при деле.
Здесь рифы, там – невидимые мели,
Конь бьет эф-6. Шах. Близится финал.

На помощь звать, с надеждой оглянуться,
Ни юркнуть в щель, ни даже шевельнуться
Король не в силах. Но еще пока...

Он помышляет о моем уроне.
Хохочет ферзь, хватаясь за бока;
Слышны пэаны в погребальном звоне.

VI

Слышны пэаны в погребальном звоне.
Он трет виски; насупленно молчит,

Сигарой дурно пахнущей дымит;
И мне в лицо вся прелесть благовоний.

Я постою немного на балконе,
Пока куется бесполезный щит.
Какой тяжелый воздух здесь разлит,
Напоминающий о Стаунтоне.

Сыграть бы с ним. Вот то была б игра.
Как хочет он — хоть с ночи, хоть с утра,
Где хочет он — хоть в Мельбурне, хоть в Бонне.

Да не судьба. Не стану разбирать —
Бойтся, не желает ли играть,
Король бунтует лет своих на склоне.

VII

Король бунтует лет своих на склоне.
Но чем ему поможет этот бунт?
Ведь новый шах вам не изюму фунт.
Король же-б? Да, ход в минорном тоне.

Теперь пора мучительных агоний.
Готов принять сырой могильный грунт.
Den Konig'a Herr Andersen'a, und
Его войска. Погас бриллиант в короне.

Зачем я так? Ведь он — герой, не тень.
То Кизирицкий знает, и Дюфрень,
Но жребий брошен. Жертва неизбежна.

Такая битва шла у древних скал.
Хоть другу возражал Роланд мятежно,
Но Олифант протяжно зазвучал.

VIII

Но Олифант протяжно зазвучал.
Мир не бескровен в каждом проявлении.
Охотники багрят пути оленьи,
И даже цвет восхода солнца ал.

И в этот мир, что с виду прост и мал
Пойдет за поколеньем поколение.
Чем выше взлет, тем горестней крушение.
Америк, впрочем, кто не открывал?

В Нью-Орлеане все давно заснуло.
Ползет, змеясь, и падает со стула
Твой черный пояс. Спит болонка Линк.

Заснул и папа, наигравшись в «кинг».
И мама спит. Ей снится бакалея.
Эф-е. Раскол. Отличная идея!

IX

Эф-е. Раскол. Отличная идея.
И как я этот выпад пропустил?
Он бы меня без пешки задушил,
И я бы рухнул, возроптать не смея.

Вот так Геракл победил Антея,
Когда, подняв над головой, лишил
Его земли – истока страшных сил –
Так он погиб, в объятиях слабей.

Ему сдаваться. Конь бьет на це-2.
Король е-2. Хватает сил едва
Вложить ладонь в протянутую руку.

Кудесника рука потна, пухла.
Я жму ее на вечную разлуку
Над шахматными клетками стола.

X

Над шахматными клетками стола
Еще звенит сраженья отголосок.
А может, это скрип дубовых досок
Кто там? Ах, подметальщица ушла.

Здесь, в темноте угрюмого угла
От репортерских спасся я присосок.
Последний ход был точен и небросок.
Я челюсти сжимал. Зудит скула...

Чесночный быт. Визиты, служба, мухи...
Что ждет на родине? Насмешки, слухи...
Дай нежности. Не нужен мне восторг.

Но дрожь меня пробила. Холодея,
Молю тебя: забудь извечный торг,
Из мрамора восстала Галатя.

XI

Из мрамора восстала Галатя.
Он прочен был. Был неприступен он.
Небытие поверг Пигмалион,
Дыханьем мысли мертвый камень грея...

Но сколько лицемерного еля
Вокруг разлито. Глуп, суров закон.
Я – шахматист. Ты – дочь таких персон,
Что наш союз не вижу и во сне я.

Но ты — моя. Ты создана во мне,
В моей победе и в моей вине,
В моем прозрении и в моем прощании.

В замысловатом, четком сочетании
Фигур и пешек дева ожила,
Но скульптора достойным не сочла.

XII

Но скульптора достойным не сочла.
Ты рассмотрела правильные ходы.
Я заключен пожизненно. Свободы
Моей темницы ты не приняла.

И поступить иначе не могла...
Дитя расчета, вековой моды.
Я бы фигуры жертвовал, ты — годы,
Руби же, коль не развязать узла.

Игрок в погоне за насущным хлебом,
Его стезя — между землей и небом,
Как между Сциллой и Харибдой путь.

Не обойти. Не бросить. Не свернуть.
Но есть игра (ты не поверишь в это),
Исполненная разума и света.

XIII

Исполненная разума и света.
Игра скрывает истину от нас.
Часы хрипят. Четвертый пробил час.
Застыла ночь. Недолго ждать рассвета.

Встречать зарю — хорошая примета.
Но я устал. Туман у самых глаз,

Да, я устал. Дороже, чем алмаз
Сухой картон обратного билета...

Себе позволит автор под конец
Спросить тебя, таинственный мудрец,
Чье имя никогда не выдаст Лета,

Не лучше ль было спрятать от людей
Триумфы и трагедии идей?
Жестока в безразличии планета.

XIV

Жестока в безразличии планета,
И путь к победе труден и тернист.
Спрошу в ответ – хорош ли белый лист,
В покое не дождавшийся поэта?

И хороша ли живопись без цвета,
Без голоса, без мимики артист,
Хорош ли без органа органист,
И без колес, без лошадей карета?

И я решился. Дар я преподнес
Для торжества, для радости, для слез,
Раскрыв пределы мысли четкой, стройной.

Предвидел я. Предчувствовал и знал,
Что детям Шахмат жизни нет спокойной
Среди глубоких колдовских зеркал.

Магистрал

Среди глубоких колдовских зеркал
И сам король – на плахе ли, на троне –
Ему конец в углу, слепцу и соне,
Соперник мой! Я света лишь алкал.

Ход ослепил величественный бал,
Слышны пэаны в погребальном звоне;
Король бунтует лет своих на склоне,
Но Олифант протяжно зазвучал.

Эф-е. Раскол. Отличная идея.
Над шахматными клетками стола
Из мрамора восстала Галатея...

Но скульптора достойным не сочла.
Исполненная разума и света,
Жестока в безразличии планета.

ГАЛАКТИОН ТАБИДЗЕ (1891-1959)

СИНИЕ КОНИ

Призраками марева в предзакатном зареве
Виден берег замерший, в вечности сверкающий,
Ожиданья заперты в неподвижной заледи,
В бесприютной заверти в тишине пугающей.
В тишине пугающей, в стуже обжигающей,
Среди скал сверкающих скорбь нашла пристанище.
Мертвенно взирающий, ты в гробу нетающем,
В тишине, печальную душу разрывающей.
Рощами-скелетами, незнакомы с бедами,
И живым неведомы, мчатся дни бессчетные,
На конях на преданных, синих грезах все они
Отдохнут со мной, забыв гонки сумасбродные.
Вдаль бегут мгновения. Что мне их течение,
Кто оплачет бдение вечно без движения...
Гаснет муки рвение, словно сновидение,
Как души волнение в знойный миг моления.
Кони мчатся с грохотом, как судьба, что с хохотом
Цвет надежды крохотной давит под копытами.
Вянут сны умильные и покой, бессильный, ты
Ныне под могильными обретаешь плитами.
Все забудь - черты свои, имя и мечты свои,
Хоть до сипоты зови - в лабиринтах сказочных
Не раздастся друга глас, подлый послух не предаст,
Только поколеблет наст храп химер загадочных.
Но солнцестояния гибели дыханию
Не достичь. Сияние среди цифири пустоши.
Рощами-скелетами дни бегут бесцветные
И в краю неведомом в преисподню рушатся.
В вечности сверкающей - будь в гробу нетающем
Иль на льдах мерцающих - проклят и бессилен ты.

Кони - моря рокотом, кони - рока хохотом,
Быстрым громом-грохотом мчатся кони синие...

С АНГЛИЙСКОГО

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ (1792-1822)

ОЗИМАНДИЯ ЕГИПЕТСКИЙ

Из прошлого Земля я встретил пришлеца.
Он молвил: «Вдалеке разбитая твердыня —
Угрюмый взгляд, щербины властного лица
Засыпала песком бессмертная пустыня.
На сморщенных губах — улыбка гордеца,
Ваятель зоркий ведал тонкости искусства,
И он сумел вдохнуть в безжизненный гранит
С насмешкою своею смешанные чувства.
И надписью такой украшен пьедестал:
«Я — Озимандия, я — тот, кто лишь велит,
Я — царь царей, пред взором суетным предстал
В могуществе трудов своих и скорби вечной».
Где ж блеск его былой? Вокруг песок блистал,
В бесстрастии своем бессчетно-бесконечный...

ЭДГАР ПО (1809-1849)

ВОРОН (1-й вариант)

Било полночь мерным боем надо мною, над изгоем,
С книгой странной я затеял никому не нужный спор,
И безмолвно препирался... Вдруг негромкий стук раздался.
Это поздний гость стучался стуком тихим, как укор.
Гость — и только. Гость — и только. Стук, негромкий, как укор.
Гость — не друг, не враг, не вор...

Память все запечатлела — за окном метель ревела,
Полыхали угли, точно адский свадебный убор.
Я желал, чтоб ночь минула, и заря вдали блеснула,
Ветром утренним задуло пламя скорби по Линор.
В мудрых книгах нет ответа — где теперь искать Линор,
Чей погас навеки взор...

Шелест шелковой портьеры взволновал меня без меры,
И ударил в сердце ужас, как по ясеню топор...
Сердце гулко сотрясилось, в нем, как эхо, повторялось,
Как в зеркале отражалось — это гость пришел на двор...
Ко двору придется, верно, а пока пришел на двор
Гость — не друг, не враг, не вор....

Укрепившись в этой вере, бормотал я, идя к двери:
«Бога ради, извините слух мой, леди или с"ор,
Оправляясь от печали, не расслышал я вначале,
Так легонько вы стучали» — распахнул я дверь на двор.
Вечным холодом окован занесенный снегом двор...
Темен, пуст ночной простор...

И стоял я на пороге, изумленный, одинокий,
Не отваживался смертный грезить так до этих пор.
Вопрошал я тьму напрасно с непонятным постоянством,
Ход гармонии пространства нарушал мой стон: «Линор...»
И с небес кудрявый ангел мне в ответ шепнул: «Линор», будто
выстелил в упор.

Ветер взвыл и чуть не лопнул, двери я в сердцах захлопнул,
Но, к несчастью, вновь услышал звука прежнего повтор.
«Успокойся, друг мой давний, сердце, не желай вреда мне,
Это со скрипучей ставней ветер начал разговор,
Только ставня неприступна, бесполезен разговор»,
Тут взметнулись волны штор...

И без жеста, и без знака Ворон выступил из мрака
Так величественно, точно светский щеголь и позер.
Это гость – не друг, не вор он, а всего лишь древний Ворон,
Сеет смуту, сеет мор он, жнет разлуку и раздор.
Он вспорхнул на бюст Паллады, сел там, черен, как раздор,
Мой незванный визитер.

Встрепенулся дух и разум, но испуг развеять разом
Удалось надменной птице, прилетевшей из-под гор,
Из-под гор, где с века Оно, во владениях Плутона,
Кроме мрака, нет закона, где бушует мрачный бор,
Что же значит имя «Ворон» в тех краях, где мрачный бор,
Молвил Ворон: «Nevermore».

Что же, сей ответ прекрасен, хоть, увы, не очень ясен.
Так на сцене отвечает незадачливый партнер.
Страшен в час туманной грусти, тихой, точно Коцит в устье
На холодном белом бюсте духов злых парламентар.
Вечный Ворон, из-под гор он духов злых парламентар
По прозванью «Nevermore».

Он сидит на изваянье, всем надеждам, всем желаньям
Хриплым окриком готовый дать решительный отпор.
Что ж, побудь со мной, дружище, все покинули жилище,
Вот и ты уйдешь, как тыщи уходили до сих пор.
Улетишь ты, как надежды улетали до сих пор.
Молвил Ворон: «Nevermore».

Верно, ты ответил верно, но испуга ток по нервам
Пробежал. Какой хозяин, обреченный на затвор,
Подсказал тебе, поведай, этот смутный возглас бреда?
Может быть, со смертью это похоронный договор?
Может, с нею обреченный заключает договор
Безнадежным «Nevermore»?

Ложь светилась в хищных глазках, и видений свистопляска
Пронеслась в больном сознание табуном во весь опор,
И сидел мой гость злорадный, неуклюжий и нескладный,
И, как видно, в путь обратный не собрался до сих пор.
Я сидел, гадая тщетно, и гадаю до сих пор,
Что же значит «Nevermore»?

Взора дьявольская сила грудь мою насквозь пронзила,
И с души сорвала грубо дней былых воздушный флер,
Я вздохнул, укрылся пледом, разморенный слабым светом,
Предоставив новым бедам надо мною слиться в хор,
Ей, в раю, вовек не слышать этот сумеречный хор,
Не услышать - «Nevermore».

И внезапно все застыло — лишь незримый дым кадила
Предо мною плыл, сплетаясь в удивительный узор.
То Небесный Вседержитель, душ измученных спаситель
Посылал в мою обитель чашу скорби по Линор.
Осушить бы эту чашу и забыть навек Линор...
Молвил Ворон: «Nevermore».

О, надменный адский житель, кто ты — демон-искуситель,
Глас грядущего, иль просто бестолковый горлодер,
Над любовью ты не властен, я отвергнут, я несчастен,
Дай испытать бальзам от страсти по утраченной Линор,
Нареченной в райских кущах серафимами «Линор»...
Молвил Ворон: «Nevermore».

Будь ты злобный адский житель, будь ты демон-искуситель,
Но над нами Божья воля, вечный голубой шатер,
Я молю тебя ответить — суждено ль когда-то встретить
Мне на том, на лучшем свете, лучезарную Линор,
Заключу ли я в объятия лучезарную Линор?
Молвил Ворон: «Nevermore».

Ты жесток и беспощаден, будь же проклят, будь неладен,
Улетай в края Плутона, где бушует мрачный бор,
Черный холод оперенья, что лежит на шторах тенью,
Пусть исчезнет по веленью моему с угрюмых штор,
Вынь кровавый клюв из сердца, улетай в ночной простор,
Молвил Ворон: «Nevermore».

За окном уже светает, он сидит – не улетает,
День декабрьский растает, снова ночь придет на двор,
Ворон бюста не покинет, верный мраморной Афине,
Тень, холодная, как иней, ниспадает на ковер.
Ворон, черный победитель, неподвижный дирижер,
Вечный Ворон - «Nevermore»!

ВОРОН (2-й вариант)

В час, когда настала полночь, ни во чью не веря помощь,
В полудреме одинокой, средь забытых старых книг,
Я искал ответа тщетно, слышу – стук, едва приметный,
То, наверно, путник бедный ко двери моей приник.
Жуткой полночью бедняга ко двери моей приник
И стучится в этот миг.

Я запомнил все навечно. Мрак декабрьский бесконечный,
Тень отбрасывали угли, и огонь в камине сник,
Я в напрасном нетерпеньи ждал – когда рассвета гений
Из-за снежных туч сомнений ниспошлет мне первый блик.
Лик блаженный, лик Линоры освети, рассветный блик,
Безымянный ныне лик.

Занавесок шелк лиловый, шелест мягкий и суровый
Задержал биенье сердца, в душу трепетом проник,
Вслух я молвил: «Нет здесь чуда, это позднего приюта
Просит путник ниоткуда, и к двери моей приник,

Просит позднего приюта, и к двери моей приник,
Мрак ночной его настиг».

И, воспрянув духом, встал я, шел к дверям и бормотал я:
«Задремавшего простите, грех мой вовсе невелик,
Вьюги за окном кружили, стук ваш легкий заглушили,
А меня заморозили тайны старых мудрых книг».
Дверь открыл я: «Встрепенулись кипы древних мудрых книг.
Никого — лишь ветер, дик.

И в минуту промедленья мне пригрезились виденья,
Смертный разум тех видений никогда бы не постиг.
Ночь молчанье хранила, на моих устах застыло
Имя. Эхо возвратило зов «Линора» в тот же миг.
Эхо мне в ответ шепнуло зов «Линора», в тот же миг
Растопив души ледник.

Словно кем-то расколдован, возвратясь, я сел, взволнован,
Но отчетливей раздался стука прежнего двойник.
Взор встревоженно блуждает, сердце, что тебя пугает,
Разум быстро разгадает, что сокрыл в себе тайник.
Бродит ветер, бьется в ставни — право, вот и весь тайник —
Бьется в окна ветер, дик.

Ставней скрип во мраке канул. Я взгляделся и отпрянул.
Предо мною допотопный Ворон медленно возник,
Величавый и сердитый, словно отпрыск родовитый,
С подоконника летит он без поклона, напрямик.
К бюсту белому Паллады подлетает напрямик
И на шлем садится вмиг.

Замер я, обескуражен — так его был вид отважен.
«Твой вихор смешон,- я молвил,- точно съехавший парик.
Странник, как тебя прозвали в непроглядной вечной дали,
Где раскинулся печали необъятный материк,

В царстве ночи, где Плутона распростерся материк?»
«Нет веки!» - слышу крик.

Неожиданность какая! Может, шутка чья-то злая...
Признаюсь, я столь нелепых кличек слышать не привык,
Да и вряд ли кто воочью видел, чтобы поздней ночью
Ворон, мрака средоточье, без запинок, закавык,
С бюста белого Паллады без запинок, закавык
«Нет веки!» - исторгнул крик.

Ворон четко и сурово повторял лишь это слово,
Словно в нем таился некий вдохновляющий родник.
Полный сумрачным значением, неподвижным опереньем
Он блистал. И я с волнением произнес: «Чудной старик!
Как друзья и как надежды, завтра ты уйдешь, старик!»
«Нет веки!» - слышу крик.

Я встревожился — еще бы! — столько было тайной злобы
В ясном выкрике. Сказал я: «О, прилежный ученик!
Твой хозяин, несомненно, был отторгнут миром бранным
И, страдая неизменно, боль свербящую постиг.
Это траурное слово ты запомнил и постиг —
«Нет веки», скорбный крик».

Но эбеновая птица с видом лживого провидца
На меня в упор глядела с бюста над собранием книг.
Угловатое создание, ты мутишь мое сознание,
Что за темное преданье произносит твой язык?
Я придвинул кресло ближе. Что вещал его язык?—
«Нет веки», странный крик.

Нить раздумия теряя, в кресле я сидел, гадая,
Жгучий взор пронзал мне сердце, сдержанно светил ночник,
Я подумал: «Неужели на лиловый шелк постели
Здесь, под хриплый вой метели не склонится нежный лик,

В мягком свете на подушки не склонится нежный лик? –
Нет вовеки, ни на миг!»

Мне почудилось движение, невесомое скольжение,
Дым небесных благовоний в лоно комнаты проник.
«Пей забвенье по Линоре,- прочитал я в горнем взоре,-
Пей – твое развеет горе панацея в тот же миг,
Лучезарный облик девы ты забудешь в тот же миг».
«Нет вовеки!» - слышу крик.

«Птица ль ты, зловещий странник, или дьявольский осланник,
С берегов пустынных Ночи смерти ль верный проводник,
В доме, скованном кошмаром, появился ты не даром,
Взор твой пышет адским жаром, я предела мук достиг.
Дай забвенье от разлуки, я предела мук достиг».
«Нет вовеки!» - слышу крик.

«Птица ль ты, зловещий странник, или дьявольский осланник,
Заклинаю Божьим духом, что небесный свод воздвиг,
Отвечай, в дали туманной, на земле обетованной,
Среди райских кущ желанный суждено ль узреть мне лик,
В сонме ангельском желанный суждено ль узреть мне лик?»

«Нет вовеки!» - слышу крик.

Полный гнева, я поднялся. «Лучше б ты не появлялся!
Прочь! У всякого терпенья есть последний, высший пик.
Клюв, пронзивший сердце, вынь ты, навсегда меня покинь
ты,
Улетай в ночную синь ты, на подземный материк,
Возвращайся в царство Ночи, на Плутонов материк!»
«Нет вовеки!» - слышу крик.

И сидит еще доныне он на гипсовой богине,
В гущу мерзких адских торжищ резкий взор его проник,
Лампы тусклой свет мерцает, очертанья оттеняет

Черной птицы, что венчает бюст, стоящий среди книг,
И душа моя из тени, распростертой среди книг,
Не восстанет — ни на миг!

С ФРАНЦУЗСКОГО

АРТЮР РЕМБО

ПЬЯНЫЙ КОРАБЛЬ (1859-1891)

Матросов растеряв средь рек непроходимых,
Я помощи не ждал, когда дикарских стрел
Смертельный рой жужжал и, пригвоздив казнимых,
Индейцы бросили под солнцем груды тел.

И на цветных столбах оставили томиться,
Но что за дело мне до прочих кораблей,
Английский хлопок их, фламандская пшеница,
Погрузки суета — что может быть скучней!

Я вышел на простор, к отливам и приливам.
Как мозг младенца, глух. Прошедшею зимой
Я миновал их гнев и миновал счастливо
Все полуострова, довольные собой.

Тогда, взрепевших вод приняв благословенье,
Я дрему отогнал. И пробкой по волнам
Пустился танцевать над жертвами крушений,
Плыл, не жалея глаз, навстречу маякам.

Вода в сосновый трюм ворвалась слаще яблок,
Что любят малыши. От пятен синих вин,
От рвоты моряков навек избавлен я был.
Поток швырнул и руль, и якорь в тьму глубин.

Морское лоно вдруг разверзлось, как поэма,
Молочных звезд настой крепчал вокруг меня,
Утопленник проплыл с улыбкой цвета тлена
И мягко лег на дно, задумчивость храня.

И в голубую высь вцепились гнева клещи
И, медленно кружа, в полдневный светлый час,
Звучнее наших лир и алкоголя хлеще,
Горчащая любовь по водам разлилась.

Я видел небосвод, что молнией раскроен,
Я помню взвизги бурь и сумерек прибой,
Воркующей зари восторги, и такое,
Чего не разглядеть толпе людей слепой.

И видел я закат в багрово-мрачных сгустках,
И влажные тела несущихся валов,
Подобных мастерам актерского искусства,
Поэтам древних пьес и позабытых слов.

Я грезил о снегах, о фосфоре поющем,
О зелени живой, разбросанной в ночах,
Коловращенье вод, спасение несущем,
О ласке, тонущей в уставших ждать очах.

Волн, буйных буйволов, - кипящих и разбитых,
Я видел оргию у твердолобых скал
И не мечтал, что Матерь Божья усмирит их,
В улыбку обратив рыл бешеный оскал.

Я повстречал пантер с нежнейшей белой кожей
У берегов Флорид; и взгляда не отвел,
Звенели радуги натянутые вожжи,
Неслись под горизонт стада рычащих волн.

В трясирах мертвенных, забытый в крепких вершах,
Левиафан прогнил, продавлен в камыши,
Там мертвый штиль царил, подобный потной плеши,
А дальше – водопад ревел и все крушил.

О, сполохи небес! О, перламутр течений!
О, солнца серебро! О, снега изумруд!
Заливов гиблых дно, где в черной вони черви
Змеиные тела деревьев жадно жрут!

Как детям показать рыбешек быстрых стаю,
Что золотом блестят в голубизне морской?
Я лучше за борт все игрушки побросаю.
Зачем они? Зефир, наполни парус мой!

Порой, остолбнев в сети меридианов,
Я слушал моря плач, и корпус мой трещал,
И тени желтые разбуженных тюльпанов,
Пав на колени, я, как женщина, встречал.

Раскачивался я на водяных качелях,
Лег на борта помет лучистоглазых птиц.
Я видел вечный сон в подводных темных кельях
Покорных мертвецов недвижных верениц.

В безжизненный эфир меня ветра швыряли,
Пучки липучих трав я рвал с усталых глаз,
Пойди же я на дно, вовек бы не подняли
Линейные суда погибший мой каркас.

Дымились сумерки, был вечер фиолетов,
Я мацой облака, как семечки, лущил,
И, как изысканные сласти для поэтов,
Мох солнечный и сопли воздуха тащил.

На палубе дрожали лунных токов пятна,
И в жар воронок, в шумный их ультрамарин
Июль морских коньков заталкивал обратно
Ударами свинцом окованных дубин.

В Мальстреме слышал я, как в пору течи ныли
Гиппопотамы – стон покрыл десятки миль.
Но клочья парусов Европы не забыли,
И тосковал по ней обшарпанный мой киль.

Я земли повидал, где бредит звезд мерцанье,
Где для бродяг врата небес отворены,
Где мощь грядущая средь райских птиц в изгнанье
Ночами долгими спокойно видит сны.

Довольно было слез! Мне душу леденили
И горечь солнца, и луны мертвящий свет,
И острием любви пробило бреши в киле,
Любовь на дно влечет. Плыть дальше силы нет.

Европа мне мила, где в черных и холодных
Канавках малыши, в тени цветущих верб,
Пускают лодочки, как мотыльков свободных,
Когда закатный шар клонится на ущерб.

Во мне иссякло все – изнеможенье полнит
Извне и изнутри – хочу стереть следы
Грузивших хлопок, и о знаменах не помнить,
Чужих не видеть мачт, торчащих из воды...

ТИРЗА

Трагедия в 2-х действиях

Действующие лица (*В трагедии использованы фрагменты дневников Д.Г.Н.Байрона*)

Эстебаш, португалец, приятель лорда Байрона, около 30 лет

Айли Метью, военный моряк, друг лорда Байрона, 25 лет

Лорд Байрон, английский поэт, около 22 лет

Мехмед Ганифа-заде, торговец музыкальными инструментами

Юсуф Ганифа-заде, его брат, работоторговец

Тирза, девочка-грузинка, 13 лет

Саидахмад, купец, 60 лет

Питер, дворецкий английского консула, около 45 лет

Смирнэ, английский консул в Турции, 35 лет

Маргарита Коньи, жена венецианского пекаря, 22-х лет

Миссис Хаббл, теща английского консула, 55 лет

Маццола, итальянский художник, 40 лет

Флетчер, ирландский купец, около 50 лет

Бахтияр, немой евнух, слуга Флетчера

Синьора Сегати, супруга итальянского консула в Турции, около 30 лет

Товий, купец

Хусаин, базарный грузчик

Джордж Дрендоут, агент Байрона на Кавказе, 35 лет

Секретарь Али Паши

Али паша, 60 лет, один из могущественных правителей Оттоманской империи

Махмут, троюродный брат Али Паши, 25 лет

Отец Исидор, критский священник. Стражники, базарный люд, слуги

Действие происходит в 1809-1811 гг. в Малой
в Тбилиси, на острове Крит.

Азии,

Автор использует фрагменты из дневников Д.Г.Н. Байрона
Действие 1 Фолмут, 22 июня 1809 г. Голос за кадром: Дорогая матушка! Мы с моим верным морским волком Айли Метью отплываем в среду, вероятно, раньше, чем до Вас дойдет это письмо. Вы будете получать вести из всех портов, где мы будем останавливаться, но вы не должны тревожиться, если письма не дойдут. На континенте дела хороши, что и говорить: в Париже восстание, австрийцы бьют Бонапарта, тирольцы тоже поднялись...

Передо мною весь мир, я покидаю Англию без сожалений и не желал бы даже ничего повидать на прощание, кроме Вас и Вашего нового жилища. Быть может, мне посчастливится найти в Малой Азии следы гомеровской Трои... Всегда искренне Ваш Байрон

Сцена 1. Рассвет. Завершается пирушка на террасе дома в турецкой Александрии. Рынок готовится к началу дня. Раскладываются товары, сооружаются навесы, надсмотрщики расставляют «живой товар» - рабов и рабынь. Байрон, Метью и Эстебаш завершают ночную пирушку.

Эстебаш (*заметно пьян*). Нет, нет, нет, дорогой мой лорд Байрон! Когда вы сказали, что вы женоненавистник, я усмехнулся! Да, да, я отошел к бегониям и усмехнулся. Ну, в самом деле, может ли человек поглощать мясо фунтами и при этом утверждать, что он вегетарианец!

Метью. А может, он ест это мясо из чувства ненависти ко всякого рода скотине. Чтоб способствовать ее ... уничтожению. Байрон. Вот это вправду лихо! До такого и мне не одуматься.

Метью. Не скромничайте, Байрон. Вы просто выпили сущ... действительно... существенно меньше нас.

Байрон. Мой милый, Эстебаш, заслуживают ли эротические фобии или симпатии столь пристального внимания? Сегодня я женоненавистник, завтра женолоб, не вольны ли мы управлять своими настроениями! И уже одним лишь этим мы счастливее тех бедолаг, которых выставили на продажу - видите, вон там, рядом с мулами. Им нельзя ни плакать, ни смеяться, ни пить, ни есть, когда вздумается... Им надлежит

лишь выполнять команды. А ведь это люди, Эстебаш... Это люди, Метью, и у них есть бессмертная душа.

Метью. Я вообще избегаю смотреть в ту сторону. Как вы живете тут, Эстебаш? Под вопли и стоны несчастных, которых продают, как цыплят, но, в отличие от цыплят, они понимают, что их продают.

Эстебаш. Не слышал я тут никаких воплей. Наоборот, военнопленные, например, довольны, что им сохранили жизнь.

Метью. А женщины?

Эстебаш. А женщин продают хозяину. Одному, заметьте, Метью, одному хозяину. Странно, вы ведь не содрогаетесь, проходя мимо борделей, где у женщины в день по несколько хозяев, и все с разным норовом.

Байрон. Я даже думаю, что наш Метью в нередкую минуту душевного благорасположения растворялся в свете красного фонаря...

Эстебаш (*все больше пьянея*). Нет, как я благодарен Господу, что родился мужчиной. Только представить себе... Не ты... А тебя... (*с нарастающим ужасом*). Не ты... А тебя.

Байрон. Мой милый Эстебаш, отвлечемся от столь прискорбных предощущений. Всего лишь месяца два назад я покинул вашу родину, но признаюсь - и верьте мне, что деревенька Цинтра в Эстремадуре - прекраснейшее из всех мест в мире. Вы согласны со мной, Метью?

Метью. По крайней мере, ни вы ни я ничего прекраснее не видели.

Байрон. А какие незатейливые нравы! Слабые формы недовольства я выражал раскатистым «Carracho!» - черт возьми. Стоило мне на кого-нибудь рассердиться, я говорил «ambra di merdo» - ты воняешь дерьмом. Эти две фразы создали мне там славу знатной особы и знатока языков. Нигде не удавалось добиться признания с такой легкостью.

Выпьем за Цинтру, видение рая!

Эстебаш (*растроганно*). Благодарю вас за то, что я благодарю вас за Португалию. Я пью этот тост еще с XVIII столетия

прошлого века!

Метью. Байрон, вы забыли третью фразу - «avra bouro!»

Байрон. Ах, да! Это значит «достаньте осла!»

Эстебаш. Мне не нужен перевод. Я ведь португалец.

Метью. Эстебаш, а знаете ли, как мы его достали в одном горном монастыре?

Байрон. Мой осел объелся какой-то травы и подох. Я оставлял этим чернорясочникам цену вдвое большую, чем стоит лучший из любимцев Санчо. Ну не так уж плоха моя латынь, чтобы не суметь объяснить им, кого и за сколько я собираюсь купить.

Метью. А они ни в какую. И при этом во дворе обители стоит целый табун ослов. И вот тогда наш друг предлагает пари.

Байрон. Я сказал: если хоть один из братьев даст правительственный ответ на единственный вопрос из Библии, я жертвую деньги на монастырь высокообразованных слуг Господних, если же нет, я покупаю у них осла.

Эстебаш. И что же? Байрон. Я написал вопрос на... (*Метью, сколько их там было?*) Да. 19. На 19 листках бумаги и предложил им приписать ответ внизу.

Эстебаш. И какой же вы задали вопрос?

Байрон. Из чего была сотворена первая женщина? Все написали - из ребра Адамова.

Эстебаш. И правильно. А из чего же еще?

Байрон. Да будет известно и вам, мой милый Эстебаш, что первая женщина была сотворена из первой девушки.

Столь простой вывод помог мне победить стоическое упрямство монахов и приобрести вожделенное животное.

Однако пора и честь знать. Представляю возбуждение леди Маргариты в предвкушении встречи со мною. До скорого свидания, Эстебаш.

Метью. Благодарим за гостеприимство. Очередь теперь за нами.

Сцена II. Байрон и Метью выходят на Базарную площадь

Байрон. В сердце моем робость нашкодившего подкаблучника. Ну скажите, Метью, доколе мне терпеть эту вздорную

венецианку в своей столовой, кабинете и, что признаться, гораздо приятнее, в спальне!

Метью. Не из венецианского стекла эта ваша венецианка. Что мешает вам оттащить ее за шкуру в порт и отправить в родную Венецию? Право, эта базарная баба ничего иного не достойна. Она и мне как кость в горле - когда ни зайдешь к вам в гости, непременно либо услышишь жалобы на вашу неверность, либо полюбуешься сценой ревности.

Байрон. Либо и то, и другое...

Метью. Что чаще всего...

Байрон. Что делать, Метью. Вы же знаете, я с детства заболел видением образа

колхидской волшебницы. Расплывчатые контуры губ Медеи, ее жестов, ее черных, как тартар, очей, изгибы бровей, всего ее лика, преследовали меня, пока я не встретил в Венеции Маргариту Коньи. Я убежден - Медея выглядела именно так.

Метью. Надеюсь, она была не столь сварлива и глупа.

Байрон. Я даже не думаю о склочном характере Коньи, когда утром, встав намеренно пораньше, пробираюсь в ее спальню посмотреть, какова она в сонном молчании, в утренних лучах солнца. Или когда гарцую на ней, как на вольной кобылице. Мне кажется, Медея в постели была такой же неистовой. К тому же она не рожала, а это крайне желательно в жарком климате, где женщины после родов расползаются как тесто. А это сочетание наивности и клоунского юмора? И наконец, она очень набожна, непременно крестится при звоне церковных колоколов, даже когда занимается при этом не совсем подходящим делом.

Как же мне самому отвести это сокровище за шкуру в порт и отправить в Венецию?

Метью. Если желаете, за вас это могу сделать я. Не понимаю, как можно жить с женщиной, с которой у вас нет никаких точек соприкосновения.

Байрон. Во-первых, общие точки есть. Увы, не более того. А во-вторых, не забывайте, Метью... Чуть ли не первое, что я написал в жизни - это перевод фрагмента из «Медеи»

Еврипида. О, если бы в Маргарите была хоть тень античного величия... Она бы стала моей женой. Только такая женщина как Медея могла бы стать моей женой. Другие будут со мной несчастны.

Мехмед Ганифа-заде. Благородные господа! Без сомнения, я вижу перед собой глубоких ценителей и блестящих знатоков музыки. Я не мог предложить столь драгоценный товар первому встречному (*заговорщически приглашает Байрона и Метью ближе к прилавку*). У меня есть инструмент работы Антонио Страдивари. И вас приятно удивит цена.

Метью. Ну что ж, покажите вашу скрипку.

Мехмед Ганифа-заде. О нет, это не скрипка...

Метью. А что же, альт? Байрон, Страдивари работал с альтами?

Мехмед Ганифа-заде. Нет, нет, не альт. Лучше (*выволакивает красивый барабан*). Всего лишь 200 пиастров.

Метью и Байрон (*сдерживают смех*).

О нет, мы не играем на барабане.

Мехмед Ганифа-заде. Но это же Страдивари... Вы можете подарить его своим друзьям. Не упускайте случая...

Метью. Нас интересуют барабаны Гварнери.

Торговец. Гварнери! У Мехмеда Ганифа-заде барабана Гварнери нет. Но Гварнери есть у его брата, Юсуфа Ганифа-заде. Пожалуйте, благородные господа! Всего несколько шагов, и мы у цели.

Байрон. Метью, я скажу вам на латыни. Надо же было вам ляпнуть. Теперь не отвяжется.

Торговец подводит Метью к своему брату, перед которым разные товары и, в том числе, несколько рабов. На минуту оставшегося одного Байрона привлекает тихо плачущая девочка.

Байрон. Ты говоришь по-английски?

Девочка (*испуганно вскакивает*). Немного говорю, господин.

Байрон. Вытри слезы. Как тебя зовут?

Девочка. Цисо, господин.

Байрон. Тизо... Тирза (*подходит Метью*).

Метью. Байрон, позвольте и мне на латыни. За свою опрометчивость я наказан кларнетом Амати (*демонстрирует пастушескую дудку*). Всего за пятьдесят пиастров.

Байрон и Тирза смотрят друг на друга как замороженные.

Юсуф Ганифа-заде. Благородному господину понравилась эта печальная девица. Не знаю, что ее сегодня так огорчило, обычно она всегда бодра и весела.

Мехмед Ганифа-заде. Как пташка на рассвете.

Байрон. Я хочу поговорить с нею наедине.

Юсуф Ганифа-заде. Это в вашей воле, благородный господин (*отходят*).

Байрон. Откуда ты?

Тирза. Я христианка. Я грузинка. Я из города Тбилиси. Я из Грузии.

Байрон. Грузия? Georgia... Метью, вы помните мою сатиру «Английские барды и шотландские обозреватели»?

Метью. Это была достойная месть Бруму. Каков недоносок - заявить, что в Англии 9 образованных юношей пишут как Байрон, а 10-й лучше.

Байрон (*отмахиваясь*). Не будем надругаться над падшими. Я говорю о том отрывке, помните:

Хочу я посетить родной край красоты,

Где скала Кавкасион увенчана.

Великим белым безмолвием...

Эта девочка оттуда, Метью. Она из отчего края Красоты. Она родилась на земле Медеи (Тирзе): Как ты здесь оказалась?

Тирза. Я княжеского рода. Мой отец богат, очень богат. Однажды я играла (не может найти слов, показывает жестами).

Байрон. На лугу с овечками?

Тирза. О, да. На лугу моего отца. И меня (опять показывает жестами).

Байрон. Тебя похитили злые люди?

Тирза. О, да. *(переходит на французский)*. Добрый господин, вы говорите по французски?

Байрон. Говорю, Тирза.

Тирза. О, тогда мне будет легче. Я единственная дочь, отец мой уже стар. Добрый господин, за один мой взгляд он отдаст все свое имущество.

Подходит купец, любуясь Тирзой сначала издали, потом все ближе и ближе. Берет ее за подбородок. Тирза жмется к Байрону.

Юсуф. Простите, благородный господин, покупатель имеет право осмотреть товар. Тем более, когда покупатель - почтенный Саидахмад, которого знает всякий правоверный от Самарканда до Истамбула.

Добро пожаловать, почтенный Саидахмад. Ягодок у меня немного, зато товар штучный.

Саидахмад. Слезы портят эту девицу. Глаза у нее красны, как у крольчонка.

Юсуф. Но оказавшись в твоём саду, почтенный Саидахмад, она защебечет райской птицей.

Саидахмад. Что просишь за девицу? Похоже, она недурно разомнет мои изнуренные трудами праведные кости *(густо смеется)*.

Юсуф *(подобострастно хихикает)*. Всего лишь триста пиастров...

Саидахмад *(в тон)*. Всего лишь триста пиастров? И только *(продолжая смеяться вместе с Юсуфом)*. Должно быть, ты уже долго стоишь под солнцем, не в меру алчный торговец, и начинаешь верить в миражи. Я дам тебе ровно половину - этого за глаза довольно.

Юсуф. Почтенный Саидахмад любит и умеет шутить - об этом знает весь правоверный мир. Но, Аллах свидетель, я купил девицу за 220 пиастров, причем с первых рук, и прошу у тебя справедливую цену. Не забудь, что из 80 пиастров моей

прибыли надо платить налоги в казну, и за право торговли, и на постройку дворца визиря....

Саидахмад. Ты недоволен строительством дворца моего друга, первого визиря Закиржона Искандар-оглы, который внял просьбе любимой жены, достойнейшей Нурджахан-ханум...

Юсуф. *(испуганно)*. Нет, нет. Я внял просьбам любимой жены Нурджахан-ханум. Прости, почтенный Саидахмад, но разве я говорил, что дворцовый налог обременителен для меня? Я лишь сказал, что прибыль ничтожна, а ты хочешь вдвое сбить и без того невысокую цену.

Байрон. Если почтенный Саидахмад считает цену завышенной, я готов заплатить за девушку 300 пиастров.

Саидахмад. А тебя никто не спрашивал, чужеземец. Когда Саидахмад ведет торг, от Самарканда до Истамбула каждый правоверный знает, что вмешиваться ... чревато потерями *(показывает ниже пояса)*.

Байрон. Я из гяуров, почтенный Саидахмад. И девушка тоже из гяуров. А потому смиренно прошу тебя: дай подобному примкнуть к подобному.

Саидахмад. Она мне нужна самому. Плачу триста.

Байрон. Могу ли я по здешнему закону назначить цену выше номинала?

Саидахмад. Ах ты наглый бродяга...

Метью. Полегче, торгоши! Перед вами особа королевской крови.

Саидахмад. Лорд Байрон! Я читал о вашем прибытии. Вы, кажется, надеетесь найти у нас следы древней Трои. Как видите, турецкие *(метнув в сторону Метью гневный взгляд)* торгоши интересуются не только пиастрами.

Байрон. Вы не ошиблись. Я бы хотел найти ключ к разгадке тайны Трои. Он должен быть где-то здесь.

Саидахмад. Тогда вам не следует столь беспечно транжирить средства. Не лучше ли нанять побольше выносливых рабочих для раскопок исторической важности...

Байрон. Я учту ваш совет. Но, буду откровенен, к этой девушке

у меня личная симпатия. Прошу вас по-дружески, уступите ее мне.

Саидахмад. Ц-ц-ц... Какое совпадение. Представьте, у меня тоже к ней личная симпатия. И я тоже прошу вас по-дружески уступить мне ее.

Юсуф. Почтеннейшие из почтенных! Разговор зашел о возможности аукционной торговли. Это разрешено законом...

Байрон. Плачу 320.

Саидахмад. В конце концов, это становится делом принципа. Даю 350.

Байрон. 370.

(Вокруг торгующихся собираются зеваки, торговцы и т.д.).

Саидахмад. Не наживай себе врага, чужеземец. Я плачу 400 и забываю о твоем существовании.

Байрон. 420.

Саидахмад. От Самарканда до Истамбула каждый правоверный знает, что Саидахмад щедр, хоть и не любит бросать деньги на ветер. Но еще страшнее для Саидахмада проиграть. Тем более гяуру. Плачу 450.

Байрон. 470.

Метью. Байрон, остановитесь. Этот азарт разорит вас...

Байрон. Не вмешивайтесь, Метью.

Саидахмад. 500 пиастров!

Байрон *(после паузы)*. Тысяча.

Немая сцена. Метью хватается за голову. Юсуф сладострастно зажмуривается, Саидахмад стоит, выпучив глаза. Толпа застывает в разных позах. Первым приходит в себя Саидахмад.

Саидахмад. Тысяча? Я не ослышался? Ты сказал тысяча? Я победил, чужеземец. Я оставил тебя в дураках. Сейчас ты выложишь тысячу пиастров за эту тощую курочку- голошейку, возьмешь ее подмышку и пойдешь домой. Через два часа к тебе придет похмелье, ты будешь биться головой и другими частями тела обо все, что встретится на пути. А ее захочешь зарезать, но спасет эту голошейку твоя же собственная

глупость и заплаченная за нее цена.

Жаль, что я всего этого не увижу.

Прощай, юноша! Да поможет Аллах тебе сохранить такую же горячую кровь и доброе сердце во славу нашей казны! (Саидахмаду) А за дворцовым налогом к тебе придут до заката солнца. (оглядываясь на Тирзу) И что я в ней нашел? Ни кожи, ни рожи (уходит).

Тирза, обессилив, падает на руки Байрона. Метью подзывает повозку. Байрон помогает Тирзе разместиться. Напротив садится Метью.

Байрон (Юсуфу) У меня наличными четыреста. Остальные получите в банке (выписывает) по этому векселю. Юсуф. Благодарю вас, милорд.

Повозка трогается.

Байрон. Метью, как легко жить на востоке, если у вас есть деньги! Всего за полчаса и всего за тысячу пиастров из просто благородного господина я превратился в милорда.

Метью. Мне не до шуток, когда подумаю о встрече вашей новой подруги с миледи Коньи.

Байрон. Да еще после ночного променада. Вы правы, Метью, если почтеннейшая Коньи покажет свое мастерство во всем виртуозном блеске, боюсь, что после пережитого сегодня девочку может хватить кондрашка. Что вы предлагаете?

Метью. Устроим ее пока в нашем консульстве.

Байрон. У вас светлая голова, Метью. Да, когда вы начнете учиться играть на кларнете Амати?

Сцена III (перемена декораций)

Гибралтар, 11 августа 1809 г.

Голос за кадром:

Сударыня!

Это моя вторая остановка и второе, как и было обещано, письмо. Мы отплыли из Фолмута 2 июля и через четверо с половиной суток очень благоприятного путешествия достигли Лиссабона.

Багаж я отправил морским путем в Гибралтар, а сам проехал верхом до Севильи.

Давно уже сознавал я, а теперь убедился в том, что тот, кто видел только свою родину, никогда не может судить о людях с более свободной или общей точки зрения, потому что учатся из опыта, а не из книг, нет ничего более поучительного как осязаемое, чувственное восприятие изучаемого предмета.

Севилья - прекрасный город; улицы там узки, но чисты. Мы остановились в доме двух незамужних испанок. Это женщины с характером; старшая очень величественна, младшая - хорошенькая, но фигурой уступает донне Хозефе. Старшая удостоила вашего недостойного сына особым вниманием, на прощание очень нежно его поцеловала, срезала прядь его волос и преподнесла свою длиной около 3 футов.

Должен заметить, что любовные интриги составляют здесь главное занятие в жизни; выйдя замуж, женщина отбрасывает всякое стеснение, но до брака они, видимо, достаточно целомудренны. Если вы здесь делаете предложение, за которое в Англии самая кроткая девица дает пощечину, испанка благодарит вас за оказанную честь и отвечает: «Подождите моего замужества, и я с превеликим удовольствием». Говорю вам истинную правду.

Вы сообщаете, что лорд Грей де Рутин женится на крестьянке. Отлично! Если я вздумаю жениться, то привезу султаншу и возьму за ней в приданое шесть городов, и вам придется примириться с восточной невесткой и бочонком жемчужин не крупнее страусовых яиц, но не меньше, чем лесной орех. Надеюсь, что мое письмо застанет вас в добром здравии. Всегда искренне Ваш Байрон.

Английское консульство. Байрон, Метью и Тирза выходят из повозки. Метью звонит в колокольчик. *Появляется дворецкий.*

Метью. Доброе утро, Питер. Простите, что мы в неурочный и столь ранний час. Доложите Его Превосходительству, что лорд Байрон и Айли Метью хотят его видеть по важному делу. Дворецкий. Доброе утро, лорд Байрон! Доброе утро, сэр Метью. Я только что пожелал Его Превосходительству спокойной ночи.

Байрон. Питер, дело действительно срочное. Быть может, он еще не успел заснуть - видите, на какую я готов пойти бестактность.

Дворецкий. Я попробую, лорд Байрон. Но если Его Превосходительство обратит недовольный взгляд в сторону трости с набалдашником из слоновой кости, я мгновенно выдам вас.

Байрон. Разумеется, Питер, вы просто обязаны сделать это.

Дворецкий. Пожалуйте в дом. Располагайтесь и соблаговолите подождать.

Байрон и Метью входят, поддерживая под руки Тирзу. Метью погружается в дрему.

Байрон (Тирзе). Успокойся, Тирза. Ты среди друзей. Здесь тебя никто не обидит. Сколько тебе лет?»

Тирза. На корабле исполнилось 13. В этот день я получила плетью по ногам за то, что чуть заспалась. Приснился праздник, который отец обещал устроить в день моего рождения на обоих берегах Куры.

Байрон. Это река?

Тирза. Она делит наш город пополам. Кура полна крови.

Байрон. У вас идет война? (слышен странный шум).

Тирза. У нас всегда война со всеми, кто приходит на нашу землю прибрать ее к рукам и искоренить православную веру. Разве много на земле мест, где можно лежать у теплого моря, любясь вечными снегами?

Мне говорил отец: чем прекраснее земля, тем больше у нее врагов, но Грузия - удел Богоматери, и под Ее Небесным Покровительством никогда не будет побеждена... Добрый господин, я даже не поблагодарила вас за спасение... И - такой ценой.

(снова слышен странный шум)

Байрон. Нашу встречу не измерить пиастрами, Тирза. Но... ты сказала, что Грузия - удел Богоматери. Что это значит?

Тирза. По Вознесении Христовом Апостолы и Святая Мария решали по жребию - кому в каком краю проповедовать Слово Божие. Богоматери выпала уделом Грузия.

Но Господь повелел Ей оставаться в Иерусалиме и обещал, что жребий Ее просветится в последующие времена. Богородица призвала Апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита и вручила им свой нерукотворный образ для благословения Грузии. Апостолы Андрей и Симон первыми принесли на нашу землю Слово Христово. Уже в V веке Грузия стала христианской страной, а с VII века все, кому это не нравится терзают, ее и рвут на части.

Байрон. Твой французский хорош. К тому же ты образованна. Ты жила за границей? *(снова слышен странный шум и пыхтение)*.

Тирза. Нет, добрый господин, отец выписал мне учителей из Парижа.

Байрон. Почему похитители не потребовали у твоего отца выкупа? Ведь они выручили бы больше, чем просто от продажи рабыни?

Тирза. Не знаю, господин. Меня похитили пришлые люди, они говорили на незнакомом языке. Кажется, они не поверили, что я княжеская дочь, ведь одежда на мне была простая. А может быть, испугались оповещать отца - он мог их найти. Тогда даже мои слезы не сохранили бы им жизни.

Байрон. Ты собиралась слезно просить за своих мучителей?

Тирза. Не знаю. Теперь, наверное, нет. Но дома, в объятиях отца, я бы простила всех.

Байрон. Ты - не твой отец.

Тирза. Нет. Он бы не простил.

Байрон. Надо ли говорить, что твой отец лучше знает жизнь, и надо ли говорить, что он прав? Ты простишь своего похитителя, вы умильно обольетесь слезами очищения, а ровно через сутки такая же жертва как ты, в вонючем трюме, среди вонючих рабов, будет проливать уже другие слезы. И знаешь, что станет ей приговором? Твое прощение.

Тирза в ужасе вскрикивает.

Метью (*просыпаясь*). Байрон, вы с ума сошли! Она сейчас потеряет сознание.

Байрон. Прости меня. Как я эгоистичен, Мэтью. Это же ребенок, столько переживший. Ей надо отдохнуть, а я ринулся в лобовую атаку (*подставляет подушку под голову Тирзы*) Подремли немного...

Вбегает запыхавшийся дворецкий.

Метью. Питер, где вы пропадали?

Дворецкий. Я помогал... Его Превосходительству... провести комплекс утренних... физических упражнений... Он продолжал выполнять их, несмотря на неоднократные ссылки на ваши имена. Мне кажется, он осуществил полный цикл, включая бег по пересеченной лестницами местности, метание трости и прочих предметов. Я был вынужден с помощью обходного маневра заманить Его Превосходительство в бассейн. Оказавшись там, он мгновенно обрел ясность мысли и обещал выйти к вам через десять минут.

Байрон (*выписывает чек*). Питер, немедленно пошлите рассыльного в магазин на Площадь Трех Тюрбанов - туда с неделю как привезли кукол из Парижа. Одну из них доставят вашей внучке. Как зовут вашу внучку?

Дворецкий (*расплываясь в улыбке*). Мэри, сэр.

Байрон. И всегда пребывайте в состоянии бодрости духа и

тела, Питер. Это приносит пользу, не так ли?

Дворецкий. Именно так, сэр (*с поклоном принимает вексель и удаляется*).

Метью. Она заснула.

Байрон. Немудрено. Ей нужен врач, у нее что-то вроде грогги.

Метью. Даже хуже. А тут еще вы со своей проповедью справедливого возмездия.

Байрон. Mea culpa, Метью, моя вина (*бьет себя в грудь*).

Входит консул.

Байрон, Метью. Доброе утро, сэр Смирнэ, простите за беспокойство.

Смирнэ (*мрачно*). Господа, я рад вам всегда, но сейчас мне нужна веская причина, дабы оправдать перед собственной физиологией пробуждение спустя пять минут после бессонной ночи.

Метью. Дорогой сэр, надеюсь, вы не подозреваете нас в злонамеренных розыгрышах. Дело в том, что лорд Байрон только что вызволил из большой беды вот эту спящую девочку, он спас ее от гарема одного ядовитого паука, но не смог повезти к себе... по понятным причинам. У меня же через два дня завершается отпуск, и я возвращаюсь в Бристоль. К тому же необходимо срочно решить, как отправить ее домой. Психика девочки надломлена, она может не выдержать долгой разлуки с родиной.

Байрон. Как просветлели ее черты. Метью, посмотрите, разгладились складки на сморщенном от напряжения лбу... В ее лице поселяется счастье спокойствия... Бог мой, да она красавица... Сэр Смирнэ, Метью, не упустите мгновения... Бутон распускается на наших глазах...

В дом врывается Маргарита Коньи

Вот она, голошейка! Ты ее торговал, ты ее покупал! А-а-а! Что ты из меня сделал! Ты из меня сделал говна!

Смирнэ. Каким образом... Каким образом эта женщина проникла в мой дом?! Почему открыта дверь! Где Питер?! Байрон (*уворачиваясь от кулаков Маргариты*). Я отослал Питера...

Смирнэ. Я перестаю что-либо понимать! Чей это дом?!

Байрон. Кто тебя сюда привел?

Маргарита. А-а-а! (*внезапно деланно успокаиваясь*) Ты великий поэт. Я тебя люблю и уважаю. Но ты говно! (*швыряет в него блюдо*).

Смирнэ. Довольно. Я зову охрану (*хватает колокольчик*).

Байрон. Не надо, не надо, сейчас я ее утихомирю. Сидеть, ведьма!

Байрон. Сидеть, ведьма! Кто тебя сюда привел?

Маргарита. Вся... Вся базарная площадь только и судачит о твоих торговлях. И что, некому мне рассказать про твою голошейку? Все, все мне рассказали - и писец Мешади, которому я диктовала письма для тебя, когда ты валялся в лихорадке (*швыряет тарелку*), и цирюльник Гуламгуссейн, которого я звала ставить тебе с похмелья пиявки, чтоб они у тебя всю кровь высосали, и лодочник Фахрутдин, и лодочник Захрутдин (*все время продолжается погоня*) - которые спасали Твое Говеное Величество, когда ты вляпался в бурю по дороге с рыбалки. А я, я, дура, стояла в этом ливне на лестницах, с ревом...

Байрон (*уворачиваясь от подушек*). Сэр Смирнэ, это было незабываемое зрелище! У нас оторвало весло, лодка стала наполняться водой, и когда мы чудом добрались до берега, она стояла на ступеньках причала, сверкали молнии, и сверкали слезы на ее ресницах, и мокрые от ливня волосы падали ей на плечи и грудь, у ног ее бурлили волны... Метью, это была не Маргарита, это была Медея, сошедшая с колесницы.

Маргарита. Какая еще Медея! Ах ты вражина! (*промахивается, пытаясь достать до Байрона, и падает на софу*).

Байрон (*хватая ее за руки*) Эта Медея - в книжке на картинке. Я тебе показывал. А эту девочку я купил, чтобы отправить ее на родину. Ее похитили, понимаешь?

Маргарита. А, а (*проникаясь сочувствием к вжавшейся в кресло Тирзе и пытаясь сгладить ситуацию*).

Как вы поживаете, сударыня?

Тирза. Я не сделала ничего плохого. Я понимаю, добрый господин отдал за меня слишком много денег, но мой отец вернет, он вернет гораздо больше... Супруга доброго господина вправе гневаться. Но я не виновата...

Байрон. Тирза, она мне не супруга. Вот что...

Смирнэ. Вот что, Байрон. Давайте отправим девочку в гостевые покои. Хорошо бы переодеть ее, но леди Смирнэ на летней вилле у моря, и женской прислуге в доме нет. Впрочем, у нас гостит мать леди Смирнэ.

Входит Питер

Питер, вы очень кстати. Полюбопытствуйте, не изволит ли почивать миссис Хаббл.

Миссис Хаббл (*сверху*). Не изволит. Я уже давно наблюдаю за этой полной огненного динамизма сценой. И лишь последние слова лорда Байрона внесли определенную ясность как для меня, так и, надеюсь, (*бросает взгляд на Маргариту*) для нашей родовой гостьи. Смирнэ, приведите в порядок прическу. Пойдем со мной, детка. Мы подыщем тебе платье. Господа, по-моему, вы не завтракали. Питер, распорядитесь на кухне насчет завтрака. И пусть разогреют всем по порции мозгов. О, скоро полдень... Доктор Пристли говорил намерении, что мозги на завтрак - энергия на весь день, (*уходят*).

Метью. Я уже ничем не смогу вам помочь. Мне надо готовиться к отъезду. Корабль отплывает вечером. Вы сделали доброе дело, Байрон. Господь вознаградит вас. Прощайте, господа. Байрон, Смирнэ. Счастливого пути, Метью. Удачного плавания. Спасибо за поддержку.

Миссис Хаббл (*из-за кулис*). Консул Смирнэ, отправляйтесь же в столовую. Мы с Тирзой скоро будем.

Смирнэ. Байрон, сказать вам, почему я не спал всю ночь?

Байрон. ?

Смирнэ. Я пытался открыть тайну бессмертия этой женщины. И вообще тайну бессмертия тещи. Как феномена.

Байрон. Очевидно, вы были близки к разгадке, когда ход ваших мыслей нарушил Питер.

Консул. Возможно, это и повлекло за собой столь бурное проявление моего недовольства. Однако, Байрон, старших надо слушаться. Пойдемте завтракать.

Маргарита. Я уже завтракала. Я пойду домой. Байрон, если это правда (*сверкает глазами*).

Байрон. Это правда.

Маргарита. Тогда... Тогда прости меня. Ну что с меня взять. Я ведь неграмотная хлебопекарша. А девочку жаль...

Байрон. Ступай домой, Маргарита.

Сцена IV. Столовая. Байрон и Смирнэ сидят за столом. Входят миссис Хаббл с Тирзой, одетой в костюм мальчика.

Смирнэ. Что это еще за маскарад?

Байрон. Зачем это, миссис Хаббл?

Миссис Хаббл. Я пригласила цирюльника, он подстрижет ее под мальчика. А впрочем... Питер!

Входит дворецкий.

Отмените приглашение цирюльника.

Дворецкий кланяется и уходит.

Я сама подстригу ее, нам не нужны лишние свидетели.

Байрон. Но я решительно протестую, миссис Хаббл.

Миссис Хаббл. Вы хотите отправить ее на родину. Я слышала об этой стране... краем уха. Отсюда на северо-запад торговые караваны отправляются раз в три года. И последний вышел пять месяцев назад. А это значит, что связи с вашей загадочной Грузией не будет еще 2,5 года.

Консул. Откуда вы это знаете?

Байрон (*обнимая Тирзу*). А если знаете, зачем говорите при ней?

Миссис Хаббл. А, вот и долгожданные мозги... Послушайте, лорд Байрон. Вы имеете возможность сопровождать девочку на родину?

Байрон. Нет... Нет, это исключено. Да и зачем? Я заплачу людям, которые доставят ее в столицу, в Тифлис.

Миссис Хаббл. Ты сыта, дорогая? Иди отдыхай. Все будет хорошо. Питер подаст тебе чай в спальню.

(*Тирза, а вслед за ней Питер с подносом уходят*).

Я вижу единственный выход из создавшегося положения. В конце недели купец Флетчер, который поставляет нам косметику...

Смирнэ. Шахматный фанатик?

Миссис Хаббл. Да, он бывал у нас.

Смирнэ. Он извел меня своими предложениями сыграть еще одну, и еще одну... Надеюсь, вы не собираетесь его приглашать сюда?

Миссис Хаббл. Именно так, Смирнэ, именно так. Он закончил дело и возвращается в Ирландию, но через Грузию, где должен оформить ряд сделок.

Смирнэ. Откуда вам это известно, миссис Хаббл?

Миссис Хаббл. Я вращаюсь в информированных кругах, дорогой Смирнэ! Не имея реальных поводов для бесед в этой турецкой дыре, можно утопиться со скуки, и любой священник прикажет похоронить вас по-христиански.

Смирнэ. Но что мешает вам вернуться на родину?

Миссис Хаббл. И оставить дочь наедине с вами?

Смирнэ. Право, миссис Хаббл, вашим способностям в области добывания тайных сведений мог бы позавидовать сам автор Робинзона Крузо, у которого, как известно, было около ста

имен и сеть секретной службы по всей Европе.

Миссис Хаббл. Благодарю за комплимент, но я не готова выстаивать у позорного столба, подобно не в меру ретивому разведчику и прозаику мистеру Даниэлу Дефо. Так вот, не думаете ли вы, лорд Байрон, что в путешествие, которое займет более месяца, разумнее отправить мальчика, а не девочку?

Флетчер возьмется доставить ее на родину, но не возьмется нянчить и сторожить в дороге. Он может напиться в харчевне, заснуть, заболеть, наконец. А Тирза одна, беззащитна... среди голодной до ласк охраны и прочего путешествующего люда. Лучше ей побыть в пути мальчиком, не правда ли, лорд Байрон?

Ну а теперь, прежде чем пригласить Флетчера, я займусь ее прической.

Байрон. Нет... не сейчас, миссис Хаббл. Позвольте, я заберу ее к себе на несколько дней и приглашу художника. Мне хотелось бы иметь ее портрет. К тому же... ей необходимо время, чтобы оправиться от пережитого.

Миссис Хаббл. Никуда вы ее не заберете. Она поживет здесь. Художника можете пригласить сюда, но медлить с отправкой девочки нельзя.

Байрон. Между прочим, у меня есть агент на Кавказе. Дендроут. Сейчас он в Армении уточняет маршруты моего возможного путешествия туда. Я хочу увидеть Арарат, стоянку Ноева ковчега.

Миссис Хаббл. Вышлите вашему агенту срочное письмо. Пусть едет в Грузию и независимо от Флетчера сообщит о судьбе Тирзы.

Байрон. Но почему вы уверены, что Флетчер согласится?

Миссис Хаббл. Вы ведь не поскупитесь на гонорар? Байрон. Разумеется, нет.

Миссис Хаббл. О, тогда все в порядке. Завтра пригласите художника, в течение дня он закончит портрет, а к вечеру Флетчер будет здесь.

Байрон. Пожалуй, пора отдохнуть.

Миссис Хаббл. Лорд Байрон, вы можете не выдерживать этикет. Вижу по глазам что вы провели бессонную ночь.

Байрон. Тогда разрешите откланяться. И до завтра. Смирнэ. До завтра.

Миссис Хаббл. Приходите прямо с утра.

Смирнэ. Но не так рано, как сегодня.

Миссис Хаббл. И не забудьте о письме агенту.

Байрон. Да, да, я напишу его прежде чем заснуть. Я очень благодарен вам, миссис Хаббл, за взятую над Тирзой опеку.

Миссис Хаббл. Мне по сердцу эта девочка. Я хочу ей помочь. До завтра, лорд Байрон.

Байрон. До завтра, миссис Хаббл.

Смирнэ. Благодарю за завтрак, и особенно за подогретые мозги.

Сцена IV. Голос за кадром

Дорогой Маццола!

Зная вашу занятость, не звал в гости и сам не навещал. Но теперь вы должны бросить все дела и завтра, с утра и до вечера принадлежать только и только моему заказу. Придумайте своему папе что хотите - скажитесь больным, или перепоручите помощникам какие-нибудь работы на исполнение, но не ходите во дворец Али Паши. Орнаменты в мавританском стиле подождут, подъезжайте к десяти утра к центральному причалу, где я буду вас ждать. Дело не терпит отлагательств. Остаюсь, мой дорогой Маццола, искренне ваш Байрон.

Звон колокольчика

Питер открывает двери. Входят Байрон и Маццола с мольбертом.

Байрон. Питер, не слишком ли рано мы явились?

Питер. О, на этот раз нет, сэр.

Байрон. Как чувствует себя Тирза?

Питер. Значительно бодрее, сэр. И ждет- не дождется вас.

Тирза (*выбегает*) Доброе утро, добрый господин.

Байрон. Как тебе спалось, Тирза?

Тирза. Сладко, но не сразу. Поначалу я несколько раз в ужасе просыпалась, но после полуночи меня словно убили...

Миссис Хаббл. Она отдохнула и успокоилась. (Маццоле) Где вам угодно расположиться?

Маццола. Если вы не возражаете, синьора, прямо здесь. На эту софу *belissimo* падает свет.

Миссис Хаббл (Тирзе). Садись на софу, детка, (всем) Я вчера предупредила ее о дневном сеансе живописи. Оказывается, у нее есть опыт.

Тирза. Да, отец приглашал французского художника писать мой портрет.

Миссис Хаббл. Теперь к твоей коллекции добавится живописец итальянский.

Маццола. *No pantiera*. Нет, никакой живописи не бывает в один-единственный, день. Масло требует *tempo*. Времени. Я буду работать итальянский карандаш, сеплия и растушка.

Миссис Хаббл. Я приглашена на утренний чай к миссис Беркли. А Смирнэ уже в присутствии. Лорд Байрон, Питер к вашим услугам. Я вернусь к обеду. (Байрону) Сразу после обеда наш деловой партнер пожалует сюда, (*уходит*)

Байрон. Маццола, а мне куда деваться? Я ведь буду вам мешать. Маццола. О, по, по, по, по, по. Я даже люблю *parlare* во время работы. Синьорина *parlare* по-итальянски?

Тирза. Нет, только по-французски.

Маццола. Можно и по-французски. Я жил в Париже почти год, пока не получил заказа на оформление дворца от нашего *amico* Али-Паши. Между прочим, Байрон, он очень вас уважает. Да-а-а, это ведь вы выкупили в каком-то порту троих раненых мусульман, один из которых уже *fare di morire*

Байрон. Отдавай концы, точно. Он выжил?

Маццола. Выжил. Ведь вы обеспечили им лечение и оплатили проезд. Паша этого не забыл, тем более что тот, кому вы

спасли жизнь, оказался его троюродным братом. А здесь, на Востоке родственные узы куда как (*Тирзе*) подбородок чуть-чуть к свету... куда как сильны. Али Паша говорил мне, что непременно примет вас, но еще до вашего приезда он отбыл на лето в свою средиземноморскую резиденцию. Кстати, вас не удивило (*Тирзе*) изогни шею чуть-чуть влево... Какая у нее шея, Байрон. Настоящая Леда... Да, вас не удивило, что власти всячески содействовали вам в поиске места, где может быть скрыта Троя...

Байрон. Да, они просто лезли из кожи вон. Но я полагал, что это в предвкушении хорошего заработка.

Маццола. Бросьте, они у вас не возьмут ни фартинга. Иначе *morta*. Голова им дороже. Это приказ паши. Если вы действительно определитесь с местом, думаю, паша оплатит и труд землекопов. Или привлечет к делу рабов... Через два месяца он будет здесь, я должен отчитаться в уже законченной работе. Санта-Мария, сколько *facciata*-золота и шелка извел этот высокопросвещенный мусульманин на убранство сотен и сотен покоев.

Байрон. И все это оформляете вы один?

Маццола. Не этими же *russo*. У меня целый полк помощников. Я вроде бы как дирижер, отвечаю за слаженность действий оркестра. Синьорина, а теперь положите локоть на спинку софы... Свободнее, свободнее... Благодарю вас, хорошо.

Байрон (*поднимает с кресла дудочку, смеется*) Смотрите-ка, Метью забыл кларнет Амати. Придется возить его с собой, до встречи в Англии...

Маццола. Можно расслабиться. Отдохнем. Тирза. Добрый господин, позвольте я возьму эту дудочку. Это грузинская пастушеская дудка. Называется саламури.

Маццола. О, саламури совсем по-итальянски!

Тирза (*подносит саламури к губам, играет*) Это песня заката... А вот песня утренней зари...

Тирза. Я дарю тебе эту дудочку. С Метью мы как-нибудь сочтемся. Обещай мне, если когда-нибудь я попаду в твой город, ты встретишь меня этой цесней.

Тирза. Обещаю, добрый господин.

Маццола. Продолжим, continiano. Надо успеть до вечера. Синьорина, прошу вас, примите прежнюю позу.

Байрон (*рассматривая копию скульптуры Посейдона с трезубцем*). Маццола, я преклоняюсь перед античностью, особенно перед греками, но по-моему они были неправы в одном. Они считали человека игрушкой рока, они не придавали значения его личным качествам. И только Возрождение возвеличило человека, благословило индивидуальность, его творчества! Вы согласны со мной?

Маццола. Разве античность не боготворила своих художников?

Байрон. Да, да, вы правы, говоря об индивидуальности я имел в виду скорее не античность, а Византию - ее искусство жило под девизом Иоанна Дамаскина «я ничего не скажу о себе». И что же? Личность художника намеренно стиралась, замалчивалась, и.Время поглотило имена создателей шедевров... Как это несправедливо, Маццола.

Маццола. Мне трудно судить, Байрон. Я человек не слишком образованный. Я умею рисовать и писать маслом, я немного разбираюсь в людях и способен передать характер человека в его портрете. Я не призван на эту землю решать великие

проблемы. Но, если верно, что я знаю людей, то у вас это должно получиться.

Синьорина устала, я понимаю, но осталось совсем чуть-чуть. У синьорины завидное терпение, она ни разу даже не пикнула.

Байрон. Позировать художнику - не самое страшное, что ей довелось пережить.

Маццола. Grazie, madonna. Ну вот, пожалуй, и все, (*разворачивает мольберт*).

Байрон. Маццола, вы превзошли себя. Как удалось вам уловить грань страданий и надежды в ее лице?

Маццола. Я уже говорил вам, Байрон, что немного знаю людей. А теперь позвольте откланяться. Меня ждет работа во дворце.

Байрон (*передает гонорар*)

Маццола. Байрон, здесь много больше, чем мы обговаривали.
Байрон. Но много меньше, чем вы заслужили.
Маццола. С частливо оставаться, синьорина.
Байрон. Благодарю вас, мсье художник. Всего вам хорошего.

Байрон. (*берет Тирзу за руку*). Тирза, скоро придет человек, который, возможно, повезет тебя в Грузию.

Тирза (*вскрикивая*). Не может быть! Байрон. Успокойся, это еще не точно, но мы думаем, что он не откажется от денег. Миссис Хаббл острижет тебе волосы, ты ведь пока не знаешь, зачем она передела тебя в костюм мальчика. Ты будешь мальчиком, Тирза, пока не переступишь порога родного дома. Я объясню тебе, зачем это нужно. Видишь ли, есть мужчины... Тирза. Я знаю, добрый господин. Во время морского плавания меня домогался надсмотрщик. Но хозяин жестоко его избил. А женщины-рабыни рассказали мне все, чего я еще не знала. Они говорили: «Ты стоишь много дороже тех, кто уже побывал в гареме. Тебя будут беречь...» Меня и вправду не давали в обиду.

Байрон. Твой отец будет вдвойне счастлив, когда ты вернешься к нему такую же, какой исчезла.

Входит миссис Хаббл.

Миссис Хаббл. Тирза, скорее в ванную. (Байрону). Мистер Флетчер будет у нас ровно в шесть. Смирнэ тоже подойдет к этому времени. Все решим за обедом. Минуту. Детка, какое грузинское мужское имя тебе больше всего по душе?

Тирза. Мириан. Это имя моего отца.

Миссис Хаббл. Отлично. Это к тому же уменьшает вероятность твоей нежелательной растерянности. Отныне ты - Мириан. (*уходят*)

Байрон (*один*). Похоже, она принимает меня за святого (*подходит к зеркалу*). Что ж, на ее месте я тоже возмнил бы своего спасителя святым или богом - а как же - я ни дать ни взять Артемида, унесшая из-под жертвенного ножа-жреца

Калханта невинную Ифигению. Эта девочка уже представляла себя подмятой потным тарантулом и прощалась с родиной, а тут вдруг и тарантула отбрыкнули, и путь домой высветили... Святой я, святой... Но лишь в глазах одного-единственного человека на Земле - девочки по имени Тирза.

А кто я для всех остальных? То мрачный, то подверженный приступам безудержной веселости, то уничижающий себя, сомневающийся в своей одаренности, называющий себя хромоножкой, то заявляющий на общую потеху: «Я великий поэт» (*а я и вправду великий*), то готовый разорвать в клочки любого, кто намекнет на мой физический недостаток. Откуда бедной девочке знать, что на этом лбу могут собраться тучи, из которых вылетит молния?! Откуда ей знать, что корни моей болезненной гордости теряются в подвалах памяти детства, когда мать в течение минуты успевала изругать меня и приласкать, и тут же упрекнуть за зло, причиненное моим отцом, или, того хуже, меня же поддеть издевкой за мою хромоту. Да и зачем ей это знать, пусть думает, что лорд Байрон появился на свет для того, чтобы спасти ее и вернуть в отчий дом.

Входят миссис Хаббл и Тирза, подстриженная и переодетая мальчиком.

Миссис Хаббл. Мириан готов к знакомству с уважаемым торговцем шелком и шерстью.

Байрон. Вам даже известно, что Флетчер торгует шелком и шерстью? Преклоняюсь перед вашей осведомленностью, миссис Хаббл.

Входит Смирнэ.

Смирнэ. Какие запахи из кухни. Я, право, голоден, как стая волков.

Звон колокольчика. Дворецкий открывает дверь. Входит Флетчер.

Флетчер. Я не ошибся? Меня ждут именно здесь? О, миссис Хаббл, теперь все сомнения прочь! Консул Смирнэ! Ах да, я уже бывал у вас! Проклятая память... Мы даже играли в шахматы. Надеюсь сегодня попить на черно-белых клетках.

Миссис Хаббл. Пиру интеллекта должен предшествовать ну... пир будет слишком сильно сказано о нашем обеде... Но все-таки прошу к столу.

Флетчер. О, миссис Хаббл! Обильная трапеза только препятствует шахматной мысли *(все постепенно рассаживаются за стол, Флетчер продолжает разглагольствовать)*

В Париже я часто гостил в шахматном кафе «Режанс». Все сколь-нибудь стоящие игроки играют там голодными. Скоромная пища заставляет идеи пробиваться сквозь слой жира. Я сыграл там серию интереснейших партий, правда, очень странных. Никто не смог мне объяснить, что произошло. Я подсаживаюсь к свободному партнеру. Мне он показался сущим остолопом. Я предложил ему фору - ферзя при ставке 2 франка против моего одного. Представьте себе, я выиграл. Но тут этот наглец, начиная вторую партию, снимает своего ферзя с доски и предлагает вдвое большую ставку.

Я сказал: Вы же только что проиграли, имея фору в целого ферзя! Наверно, вам некуда девать денег! А он пожимает плечами и делает ход. И что вы думаете? *(миссис Хаббл все время пытается вклиниваться в разговор и направляет его в нужное русло, бросая реплики «Отведайте заячьего паштету, вот замечательная ветчинами т.д. но ничего не помогает»).*

Я проиграл. Мгновенно я расставляю фигуры вновь, снимаю своего ферзя и выигрываю. Но этот худощавый молодчик опять удваивает ставку, снимает своего ферзя и матует меня двумя слонами в центре. Я спрашиваю, что происходит,

он вертит в руках ферзя и говорит: «Эта штука мне мешает думать». В конце концов я проиграл достаточно много, но загадку этих ферзей так и не разрешил... Байрон. Как звали вашего партнера?

Флетчер. Дель Шрапнель. Дю Шанель...

Байрон. Быть может, Дешапель?

Флетчер. Именно, именно Дешапель. Это имя вам, я вижу, знакомо.

Миссис Хаббл подкладывает Флетчеру на тарелку и дает знак Питеру, чтобы он наполнил бокал

Байрон. Это на сегодняшний день сильнейший в мире игрок. Потому-то никто не осмелился сесть против него

Флетчер. Вот видите, а я осмелился и даже выигрывал у этого Дешапеля без ферзя. Нас, ирландцев, не запугать французскими штучками!

Байрон (Смирнэ). Держу пари, стены «Режанс» в тот вечер тряслись от хохота.

Миссис Хаббл. Итак, любезный Флетчер, в ожидании десерта поговорим о деле. Собственно, оно вас не слишком обременит, тем более что лорд Байрон предложит вам недурной гонорар...

Флетчер. Я весь внимание.

Миссис Хаббл. Смирнэ, вы пьете слишком много. Флетчер, этого мальчика зовут Мириан. Он сын наших хороших знакомых из...

Байрон. Из Грузии. По счастливой случайности мы вызволили его из пленения.

Флетчер. Увы, в Грузии много лихих людей - похищения, выплаты выкупа - все это там не редкость...

Байрон. Так вот, вы вернете мальчика домой. Если это, конечно, вас не слишком затруднит. Всякий труд должен быть оплачен. Ваши условия.

Флетчер. Двести пиастров.

Байрон. Сейчас. И еще двести вам передадут в Тифлисе. Плюс еще сто на дорожные расходы Мириана. Чтобы он ни в чем не нуждался.

Флетчер. Ха! Ха-ха! На таких условиях я согласен довести не то что невинногоотрока, а самого циклопа Полифема. Остроумно, черт возьми, замечено..

Ну что ж, подпишем договор. Цифры гонорара вставляем 400, т.е 200+200 по доставке това... то есть моего младшего товарища. Плюс 100 на расходы, (подписывают, берут по экземпляру).

Когда я выезжаю?.. Сегодня среда. В пятницу утром. У вас ровно сутки на сборы. Мальчик, играешь в шахматы? А то меня в поездках сопровождают одни презренные доминошники.

Тирза. Немного играю.

Флетчер. Отлично, черт возьми!

Миссис Хаббл. Надеюсь, с ребенком вы не будете играть на ставку.

Флетчер. Само собою, само собою... Замечательное мороженое, миссис Хаббл. Итак, в половине десятого подходите на площадь Трех Тюрбанов. Мы отправляемся в десять.

Миссис Хаббл. Нам хотелось бы заранее посмотреть дорожные условия для мальчика. Надеюсь, вы понимаете, что в столь нежном возрасте нельзя подвергать ребенка испытаниям томительной компании игроков в кости, картежников и пьяниц. И столь щедрый гонорар...

Флетчер (выпрямляясь). Миссис Хаббл, вы слишком дурного мнения о моих компаньонах.

Байрон. Не судите строго нашу гостеприимнейшую хозяйку мистер Флетчер. Ее можно понять - она заботится о здоровье и спокойствии сына своего друга.

Нам достаточно будет убедиться, что у мальчика отдельное место, отгороженное от внешнего мира.

Флетчер. Дорожные покои моей отбывшей морем в Ирландию супруги вас устроят?

Байрон. Вполне.

Миссис Хаббл. И... доступ в них...

Флетчер. Доступ в них ограничится мною. Не считая немог

евнуха Бахтияра, который будет нас обслуживать. Два года назад я выкупил этого верзилу почти сразу после того, как бывший хозяин оскотил его и вырезал ему язык за попытку проникнуть на женскую половину дома Ну что же, сыграем мы, наконец, в шахматы или нет?

Байрон. Я незнаком с этой игрой.

Флетчер. Смирнэ, надеюсь, вы настроены по-боевому.

Смирнэ (*со вздохом*). Питер, подготовьте, пожалуйста, шахматный столик на террасе. После обеда свежий воздух чрезвычайно пользителен.

Миссис Хаббл. Он и мне не повредит (*уходят*).

Байрон (*Тирзе*). Может быть, и нам погулять в саду?

Тирза. Добрый господин, мне так уютно в доме. С некоторых пор я боюсь оставаться под открытым небом. Оно напоминает мне корабль и... этого дикого надсмотрщика.

Байрон. Кто научил тебя играть в шахматы?

Тирза. Отец. Он лучший игрок в Тбилиси. А вообще у нас женщины играют в шахматы. Издавна повелось давать девушке в приданое шахматную доску с фигурами и красивое издание «Витязя в барсовой шкуре» поэта Шота Руставели. Это великая книга - о дружбе и любви.

Байрон. О дружбе и любви? Тогда это действительно великая книга. И- единственная в мире. Даже Библия - не всегда об этом.

Тирза. Добрый господин, я верю, что вы приедете ко мне, а я к тому времени попрошу моих учителей написать эту книгу на вашем языке.

Байрон. Это называется перевод, Тирза. Хорошо. Теперь о деле. Ты держись в седле?

Тирза. У меня две любимые лошади. Мы славно прокатимся по нашим окрестным горам, когда вы приедете ко мне, добрый господин.

Байрон. Хорошо. Я не хочу пугать тебя, но, может быть, тебе придется спастись. Я купил коня, он пойдет с караваном как твоя собственность.

Тирза. Как мне благодарить вас, добрый господин?

Байрон. Спрячь за петельку вот этот кинжал. А благодарностью будет мне весть, что ты в отчем доме. И, кстати, посылай весточки с каждой почтовой станции. И если что не так, пририсуй в левом углу цветок. Запомнила? Цветок в левом углу. А теперь главное. Вот несколько драгоценных камней. Ты должна зашить их в одежду, но так, чтобы никто этого не видел. Никто. Даже миссис Хаббл. *(ток влечения пробегает по Тирзе и Байрону. Тирза в порыве, она почти не владеет собой. Байрон первым приходит в себя).*

Ты еще ребенок, Тирза.

Тирза. В мои годы в наших краях женщины уже имеют детей. Но меня вырастили и впрямь как ребенка. Простите, добрый господин, дерзко надеяться с моей стороны на вашу взаимность, вы можете смеяться, говорить, что я слишком мало прожила на свете, но для себя я знаю - никогда и никого я не полюблю так, как вас.

Байрон. Я не стану смеяться, Тирза. Я уже немало повидал, но не уверен, что когда-нибудь встречу девушку такой чистоты помыслов и такой беззаветной преданности. Теперь я знаю - какие они - глаза, которые никогда не предадут, и мне легко будет сравнивать их с другими. Впрочем, захочу ли я сравнивать? Но не принимай мои слова как надежду, одно лишь могу сказать тебе твердо: я хочу, я очень хочу встретиться с тобой еще раз, и не слабее мое желание повидать твою родину, а этого вполне достаточно для воплощения желаемого. Тирза, обещаю, как только получу от тебя весть из Тбилиси, сам начну готовиться к путешествию в Грузию.

Тирза. Добрый господин, вы ошастливили меня.

Байрон. Довольно, Тирза, пора спать. Завтра будешь отсыпаться целый день. Тебя ждет нелегкое путешествие.

Тирза. Не труднее, чем на корабле... Байрон. И все же завтра дрема, отдых, сон... Спокойной ночи.

Тирза. Спокойной ночи, добрый господин.

Голос Флетчера из приемной.

Спокойной ночи, дружище Смирнэ. Спасибо за угощение, миссис Хаббл. Какой был ход конь эф-шесть-шах! Поклон нашему щедрому другу лорду Байрону.

Действие II. Сцена 1

Площадь Трех Тюрбанов. В суете и сутолоке, среди фокусников, пожирателей огня, канатоходцев и т.д. повозки Флетчера и его компаньонов готовятся к отправлению. Байрон, миссис Хаббл, Смирнэ и Маргарита Коньи провожают Тирзу.

Флетчер. Проклятье! Надо же было назначить отъезд на базарный день. Совсем не учел. Паноптикум.

Байрон. Ты все помнишь?»

Тирза. Да. И никогда не забуду.

Маргарита крестит Тирзу. Невдалеке появляется никем из провожающих не замеченный Саидахмад. Его взгляд пересекается со взглядом Тирзы. Она бледнеет.

• Саидахмад, усмехнувшись, растворяется в толпе.

Маргарита. Да благословит тебя святая Маргарита! Скоро твоим страданиям придет конец. Прости, что так тебя напугала в то утро. *(обнимаются)*.

Флетчер *(отбегая в толпу)* Самое время! Самое время! *(носильщики несут тюки)* - Туда, во вторую повозку. Чертова восточная лень! Хусаин! Сколько ты грузишь ковров?

Хусаин. Восемьдесят... Или сто.

Флетчер. Да сосчитай ты точно!

Миссис Хаббл. Счастливой дороги, Мириан. Даст Бог, увидимся в лучшие времена.

Флетчер. Ну что, сосчитал?

Хусаин. Да, там девяносто или стодесять.

Флетчер. Каждый, каждый ковер сосчитай, болван! *(срывает листки с календаря)* Вот так! Вот так! По одному! Раз-два-три-четыре-пять! Вышел зайчик погулять!

(Бахтияру) Помоги им! *(Хусаину)* Ну что, сосчитал?

Хусаин. Я насчитал сто пятнадцать, господин!

Флетчер. А ты все ковры посчитал?

Хусаин. Ну, там осталось еще около двадцати...

«Неожиданно» перед Флетчером вырастает Саидахмад.

Саидахмад. Какая встреча! Чем недоволен почтенный друг Флетчер (*явно торопясь*). Ах, рад вас видеть. Восток - это мир опозданий.

Саидахмад. Утешьтесь, у вас ведь говорят - все хорошо, что хорошо кончается... (*кивает в сторону Тирзы*). Вы купили эту девочку у лорда Байрона?

Флетчер. Это мальчик. Простите, почтенный Саидахмад, очень тороплюсь.

Саидахмад. (*стараясь держаться спиной к повозкам*). О не эта девочка, я торговался за нее на рынке рабов. Азарт лорда Байрона дошел до немыслимых пределов. Он отдал за эту девицу тысячу пиастров...

Флетчер. Вы шутите!

Саидахмад. Видимо, нашему любителю древних городищ не терпелось самому сорвать проснувшийся цветок.

Флетчер. На кой черт им понадобился этот маскарад?

Саидахмад. А вот это уже для меня загадка. Я опоздал купить ее беспрепятственно, потому что Восток - это мир опозданий. А Байрон решил переодеть ее в мальчика, потому что Запад - это мир маскарадов (*смеется*). Приятной дороги, Флетчер (*уходит*).

Флетчер. Я думаю, все готово? Можно отправляться.

Байрон. Флетчер, нескромный вопрос. С кем это вы беседовали? Этот человек - показался мне знакомым.

Флетчер. Он приехал из соседнего города передать мне письмо для брата в Россию. Так что ваше знакомство маловероятно.

Байрон. Да, да, скорее всего.

Флетчер. Хватит возиться. Отъезжаем.

Байрон (*Тирзе*). Тайну своего имени откроешь ему только на пороге дома...

Повозки отъезжают. Маргарита и миссис Хаббл сентиментально машут Тирзе платочками.

Смирная (*Байрону*). Мне кажется, вам с Маргаритой лучше

уйти.

Байрон. Что такое?

Смирнэ. Сюда приближается супруга моего итальянского коллеги.

Байрон. Синьора Сегати! Спасаться бегством поздно.

Синьора Сегати. Доброе утро! *(здоровается подчеркнуто со всеми, кроме Маргариты)...*

Лорд Байрон, я была очень огорчена, получив вашу записку. Вас чувствительно не хватало на вчерашнем пикнике. Но я понимаю - головокружение - это так неприятно. Не связано ли ваше недомогание с аллергией на шерсть диких кошек?

Маргарита. Эй, синьора, полегче! Ты ему не жена, и я ему не жена. Ты его донна, и я его донна. Твой муж рогач, и моя тоже. Какое ж у тебя право меня подкалывать? В чем вина моя - в том, что ему больше нравится мой товар, чем твой? Хочешь его удержать, так привяжи его к своей юбке, только не жди, чтобы я от тебя стерпела обиду, потому что ты меня богаче.

Синьора Сегати. Ах ты дрянь! Прошмандовка!

Миссис Хаббл. Синьора, опомнитесь, что вы говорите!

Маргарита спокойно вынимает из волос шпильку и вкалывает в лицо Сегети. Начинается драка, в которую вмешивается полиция.

Сцена 2. Голос за кадром:

Турецкая

Алексан дрия

7 сентя бря, 1809

Джорджу Дендроуту, агенту лорда Байрона на Южном Кавказе *(вручить лично)*.

Дорогой Джордж!

Начну с главного. Немедленно отправляйтесь в Грузию и ждите торгового поезда мистера Флетчера, ирландского купца, который намечает остановку в Тбилиси. Он везет мою подопечную по имени Тирза. Она дочь тбилисского богача князя Мириана, и о ее похищении наверняка до сих пор судачит весь город. Мы отправили ее переодетой мальчиком,, Флетчер знает Тирзу под именем Мириана. Не обнаруживая себя, вы проследите за тем, как Флетчер вернет ее в родной дом, после чего выплатите ему обещанные мной 200 пиастров. Обо всем, что связано с пребыванием в Тбилиси, немедленно доложите мне в срочном письме.

Судьба этой девочки меня чрезвычайно, повторяю, Джордж, чрезвычайно волнует. Настолько, что я решился расстаться, наконец, с двумя своими утешительницами, начавшими раздражать меня своей безудержной похотливостью и сценами ревности.

(События письма показываются на экране посредством театра теней). После драки на площади с вмешательством полиции синьора Сегети благоразумно решила уехать на родину, а Маргарите Кония спокойно объяснил, что настало время вернуться домой, она достаточно накопила на моей службе для себя и матери, но она отказалась уйти. Я проявил твердость, и она ушла, грозя кинжалом и отмщением. Я сказал ей, что мне не впервые иметь дело с кинжалами, и что она может начать, когда ей угодно; что нож и вилка - вот они на столе, к ее услугам, и ей меня не запугать. На другой день, когда я сидел за обедом, она ворвалась, для начала разбив внизу стеклянную дверь и, подойдя к столу, вырвала у меня нож, слегка поранив при этом палец. Тут я кликнул своих слуг и велел выпроводить ее. Она казалась спокойной и спустилась вниз. Я снова принялся за обед.

Вдруг мы услышали страшный шум. Я выглянул и увидел, что ее вносят по лестнице - оказалось, что она бросилась в канал. Я не верю, чтобы она хотела утопиться, но если подумать, как страшна глубокая и даже мелкая вода тем, кто не умеет плавать (*особенно венецианцам,*

хотя они и живут на воде) и как было темно и холодно, надо признать за ней чертовскую отвагу. Ее вытащили без особого труда или повреждений, не считая того, что она наглоталась соленой воды и вся вымокла.

После ее выздоровления я спокойно отправил ее домой, не встретив никакого сопротивления и даже получив немало похвал по части моих достоинств.

Вот вам история Маргариты Коньи в той части, которая касается меня.

Дорогой Джордж, надеюсь на вашу сметливость и умение действовать по ситуации. Еще раз повторяю, что жду вестей о Тирзе в крайнем нетерпении, но будьте все же осторожны и постарайтесь обнаружить себя лишь по завершении (надеюсь, что благополучном) теперь уже нашего общего дела.

Сцена 3. Внутри богато обустроенного экипажа. *Смертельно усталая Тирза и Флетчер играют в шахматы.*

Флетчер. Нет, нет, какое время спать! Ты замечаешь, все эти три недели я проигрываю только после грубых ошибок. Тебе ни разу не удавалось меня переиграть стратегически. А какую партию я выиграл вчера!

Тирза. В два часа ночи?

Флетчер. Хочешь сказать, что ты уже ничего не соображал от усталости? Вот я и старше тебя, и забот у меня побольше, а устаешь ты быстрее. Мужские мозги не такие уж нежные. Может, они у тебя не мужские?

Тирза. Я еще мальчик.

Флетчер. *(усмехаясь)* Ну, давай, мальчик, расставляй фигуры. У тебя на этот раз черные.

Тирза. Мсье Флетчер, позвольте мне заснуть. Обещаю, завтра продолжим.

Флетчер. Завтра продолжим и без твоих обещаний. Еще одну - и будем спать.

Тирза. Но прошу вас, не думайте долго.

Флетчер *(многозначительно)* Я уже все обдумал. *(играют)*

Флетчер. Твоя королева дает мне шах (*встает, наливает стакан вина*). Ты ведь пьешь вино, ты говорил?

Тирза. Да, но не в такое время. У нас дети пьют немного вина за обедом. Или по праздникам.

Флетчер. А сегодня праздник. 14 февраля - день святого Валентина. День влюбленных.

Тирза. У нас нет такого святого. Ведь мы христиане разных церквей.

Флетчер. Но я чувствую, что сегодня мой праздник. Потому что я влюблен, (*делает ход*)

Тирза (*делая ход*). Я рад за вас. Но простите, вам мат.

Флетчер (*выпивая вино, обходя ее и обнимая сзади*). Нет, это тебе мат. Что за круглые шарики тут у мальчика Мириана? И почему это мальчик Мириан все норовит спрятаться от мужчин во время умывания?

Тирза (*вырываясь*). Отпустите меня, мсье Флетчер. (*отбегает в угол*)

Флетчер (*настигает ее в углу и рвет одежду*). Падают драгоценные камни.

А, это тайрный дар нашего щедрого друга. Он пойдет мне в уплату за обман (*наклоняется, собирая камни и тяжело дыша*). Что ты ломаешься, дикарка. Он ведь уже обработал тебя. Тирза. Лорд Байрон не трогал меня даже взглядом!

Наносит удар кинжалом, но неудачно. Взыв, слегка раненный в предплечье, Флетчер накрывает ее объятиями. В борьбе на пол падает светильник и свет гаснет. Слышны звуки сцены насилия.

Флетчер (*в темноте, тяжело дыша*). Ну, вот и все.

Тирза. Бог тебе судья.

Свет огня от светильника постепенно расползается по полу вместе с дымом.

Флетчер кричит «Пожар!» Бахтияр вбегает в горящий экипаж и выбрасывает Флетчера.

Флетчер. Вынеси сундук. И ее прихвати! Черт возьми, она и

вправду девица! Сундук с бумагами. Быстрее!

Бахтияр выносит на одном плече Тирзу, а в другой руке держа сундук. Экипаж весь скрывается в дыму. В дыму бегают проснувшиеся люди, звенят ведра с водой.

Флетчер. Ничего не поможет. Жаль. Хороший был экипаж. Но да ладно (*бряцая драгоценностями в кармане*). После сегодняшней сделки мне на два новых хватит (*потрепав Тирзу по плечу*). Плюс презент от фирмы (*смотрит, все ли бумаги в сундуке целы*).

Тирза не реагирует. Она неподвижна и безмолвна, и такой же остается еще долго.

Товий. Какая напасть вас постигла!

Флетчер. Пустяки, Товий, всего лишь неприятность. Тем паче завтра мы уже будем в Тбилиси.

Товий. Мой экипаж к вашим услугам. Вас ведь трое. Вы, слуга и этот мальчик.

Флетчер. Вы меня очень обяжете, Товий. Я воспользуюсь вашим гостеприимством. А мальчик доедет в повозке с товаром. Вместе с Бахтияром. (*Бахтияру*). Заклеешь ей рот, переоденешь в женскую одежду и свяжешь руки под платье. На животе. Так незаметнее. Лицо закроешь густой чадрой. (*Тирзе*). А ты, если пикнешь, сразу отправишься к своему Богу, (*смеется*). Который мне судья.

Сцена IV. Флетчер за шахматным столиком в комнате Каравансарая. Поодаль, у огня, Тирза, неподвижная и безмолвная.

Флетчер. Последний раз добром прошу, садись играть, (*подходит к ней, трясет за плечи*) Поймешь ты, наконец, что я - единственная твоя надежда. Я же водил тебя на могилу отца, ты же видела, что он умер, и не я в этом виноват! Мать твоя тяжело больна и уехала за город, а дом выставлен на продажу. Если мать увидит тебя сейчас - ей конец. Ты же умная...

женщина, так давай заключим сделку. Я купец, я верю в то, что возможность заключения сделки остается всегда. Если ты будешь со мною ласкова, я окружу тебя роскошью, привезу на родину через два года, и ты унаследуешь все имущество - как единственная наследница, и выйдешь замуж за того, кто тебе по сердцу... Сама выберешь - ты ведь богачкой и красавицей вернешься. Отвечай, коза упрямая! *(подхватывает ее, бросает на тахту, пытается раздеть, но желание пропадает)*. На кой мне черт деревянная кукла! Ну да ладно. Стерпится - слюбится. Бахтияр! Убери ее с глаз долой. И пусть спит в твоей комнате, пока не научится блюсти себя.

Бахтияр с поклоном уводит Тирзу.

Флетчер *(один)*. Выпивает стакан вина. Какое чудо это *(никак не может выг оворить)* Кинсоу. Кинсоумэриули. Довольно. Товар продан. Новый экипаж куплен. Завтра в путь. Входит Бахтияр, протягивает визитку.

Флетчер *(читает)* Деловой агент Джордж Дрендоут. Прямо сейчас? Интересно, что ему надо? Проси, Бахтияр.

Входит Дрендоут.

Дрендоут. Простите, что беспокою в такой поздний час. Но мне всякий раз говорили, что вы хлопчете в городе... Флетчер. Пустяки, видеть посланца родной Британии в этой полудикой стране приятно для меня в любой час дня и ночи. Я действительно бегал по делам как угорелый - хотелось поскорей покинуть этот утомительный город. Я решительно не понимаю, как они здесь живут. Я назначаю встречу с местным посредником, заведомо приказываю отвезти товар в условленное место, а он на полдороге встречает меня и говорит, что планы изменились, и покупатель ждет нас не там, где оговорено, а в каком-то саду или в духане за накрытым столом, и начинаются песни.

Мое здоровье пьют часа два, а потом еще требуют у меня за эту муку благодарственного слова. Я встаю с каким-то слоновьим бивнем в руках и только заикаюсь о том, что хорошо бы приступить к оформлению сделки, как они начинают оглушительно хохотать, принимая мои слова за остроумную шутку. Потом они снова начинают петь и говорить, петь и говорить, и это длится до утра. Утром они хмуро едят какой-то отвратительный суп с разваренными коровьими копытами, и после третьей рюмки виноградной водки вдруг вспоминают о деле, и начинают суетиться. Удивительнее всего, что товар, с которым я уже было попрощался, оказывается именно там, где мы пили. Там оказываются и нужные бумаги, все оформляется в 5 минут, и меня отпускают с дорогими подарками.

Дрендоут. Все это мне знакомо, я здесь уже давно.

Флетчер. *(не слушая его)* Во всех странах мне платят за то, что я привожу шелк. А здесь мне предлагали солидную сумму за то, чтобы я его больше не привозил. Как вы думаете, почему? Чтобы сохранить монополию на поставки. Самостоятельно регулировать цены и в корне уничтожить конкуренцию. Вы что-нибудь понимаете, Дрендоут? Как может торговля быть бесконкурентной?

Дрендоут. Говорят, вы побывали даже на кладбище...

Флетчер. *(сразу меняя тон)*. Милейший соотечественник, вы, однако, неплохо осведомлены о моих маршрутах. Могу ли я узнать причину?

Дрендоут. Она проста, и скрывать мне нечего. Я прибыл с приятным поручением от лорда Байрона передать вам двести пиастров и поблагодарить за доставку ребенка в отчий дом. Я - агент лорда Байрона.

Флетчер. Боюсь, что ваше поручение будет нелегко выполнить.

Дрендоут. Почему же?

Флетчер. Во-первых *(и это не главное)* - потому что отчего дома, куда я должен передать ребенка, больше нет. Он пуст. Князь умер, и именно на его могилу мы ездили. Что касается матери ребенка... Через сведущих людей я узнал, что княгиня Софья, женщина с детства болезненная и по этой причине

подарившая князю лишь одно дитя, едва не отнявшее у нее жизнь при родах, после всех этих потрясений к множеству физических недугов присовокупила еще и душевный. Она беспрестанно требовала выискивать ей крыс и разрубала их огромным ножом повторяя, что крысы эти - вовсе не крысы, а похитители ее ребенка. В конце концов ее вынуждены были увезти в загородное имение, где она и доживет отпущенное ей время.

Дрендроут. Но я узнавал - девочке собираются назначить опекуна - епископа Герасиме... На случай ее возвращения.

Флетчер. Девочке? Какой еще девочке? Я, по договору, обязался доставить мальчика по имени Мириан. Лорд Байрон был так оскорбительно недоверчив... Но мне случайно предоставилась возможность узнать пол этого ребенка. И я не желаю участвовать в подлоге. Меня обманом вынудили впервые в жизни совершить бесчестный поступок. Я отказываюсь от оговоренных 200 пиастров и верну Байрону уже взятые у него деньги, дабы не пятнать свою репутацию. А вместе с деньгами верну и эту бедняжку. Это в ее же интересах. В конце концов, на родине у нее остались только могила отца и полоумная мать. А Байрон, насколько мне известно, единственный в мире человек, готовый оплачивать решение ее проблем. Так что ваша миссия завершена, дорогой Дрендроут.

Дрендроут. Послушайте, Флетчер! Не принимайте меня за наивного агнца Божьего. У девочки есть заступник в Тбилиси. И достаточно опытный. Он перед вами.

Флетчер. Вы вообще неуполномоченное лицо. Да я просто не знаю, кто вы такой и зачем я даю перед вами отчет!

Дендроут. Разве 200 пиастров - не доказательство, что я представляю лорда Байрона? Тогда читайте его письмо.

Флетчер. В этом нет необходимости. Дрендроут. С первой же почтой вы получите письменное подтверждение.

Флетчер. У меня нет времени ждать.

Дрендроут. Ваш простой будет оплачен.

Флетчер. Я вам не извозчик.

Дрендоут. Вам и заплатят не как извозчику. И вот еще что, Флетчер. Князь Мириан уже успел составить завещание о передаче всего имущества Тирзе, а если она, паче чаяния, не объявится в течение 50 лет, раздать половину состояния 100 небогатым тифлисским девочкам, которым в день рождения Тирзы исполнится 13 лет, а другую половину и всю недвижимость передать церкви. Флетчер, я не сентиментален. Но я прослезился, когда мне рассказали об этом завещании. У вас есть шанс вернуть все на круги своя...

Флетчер. Рассказали? А вы его не видели? И верите дворовым сплетням...

Дрендоут. А вы видели, как ее мать разрубает крыс?

Флетчер. Повторяю, мне сообщили сведущие люди.

Дрендоут. Сообщаю. Мне тоже.

Флетчер (*делая вид, что задумался*). Дрендоут. Уже 2 часа ночи. Я собирался уезжать утром. Но теперь уж ладно, приходите в полдень, и мы все спокойно обсудим. Постарайтесь до того узнать, где хранится завещание. Это точно, что у нее нет брата или хоть какого-нибудь дяди?

Дрендоут. И ни сестры, ни тети. Она осталась одна.

Флетчер. Хорошо. Жду вас в полдень, Дрендоут. Отоспитесь получше.

Дрендоут. Может быть, я все же оставлю ваш гонорар? Как залог того, что мы почти договорились?

Флетчер. Нет, нет. Это излишне. Я не хочу брать никаких обязательств.

Дрендоут. Я и не прошу об этом. Если мы не договоримся, вы вернете деньги.

Флетчер. Хорошо, оставьте на столике.

Кладет деньги на столик, на котором лежит кинжал Тирзы, и рассматривает его.

Дрендоут. Я видел эту вещь у лорда Байрона.

Флетчер. Изящная работа... Бедняжка хотела заколоться на могиле отца. Пришлось отобрать у нее подарок.

Дрендоут. Думаю, не стоит просить показать мне ее - слишком...

Флетчер. Слишком поздно. Завтра, Дрендоут, завтра. Дрендоут уходит.

Флетчер. Бахтияр!

Входит Бахтияр.

«Проследи за ним и дождись, когда погаснет свет в его окнах. Потом выжди час и возвращайся. Все уже будет готово к отъезду. Нам надо спешить.

Бахтияр кланяется и уходит. После музыкальной вставки слышится удаляющийся шум экипажа.

Сцена V. Голос за кадром, (*экран, театр теней*)

Обнаружив утром столь чудовищное вероломство, я бросился разыскивать его деловых партнеров, чтобы узнать, куда бежал этот шакал. Вместе со мной, скрежеща зубами от ярости, чуть ли не в домашнем халате, помчался купец из путешествовавших вместе с Флетчером, по имени Товий. Утром они собирались делить выручку от какой-то сделки, но Флетчер удрал, забрав все деньги с собой. Товий в сердцах рассказал мне, что приютил Флетчера ненастной ночью, когда сгорел его экипаж. Узнав, что я интересуюсь судьбой Тирзы, он, пылая жаждой мести, поведал мне нечто ужасное. Флетчер надругался над девочкой и сделал ее своей наложницей, но добился, как видно, лишь того, что она замкнулась в себе и ни на что не реагирует. Во всяком случае, Товий не слышал от нее ни слова и почти никогда не видел ее лица, скрытого чадрой.

После многочасовых поисков и уговоров мы узнали лишь, что направлялся он к морю и собирался в турецкий Константинополь, но когда он туда прибудет, где высадится по пути - никто не знает. Это все, что я могу сообщить. Прошу простить за излишнюю доверчивость. Молю Господа о

спасении девочки из лап этого хитрого хищника.
Всегда к вашим услугам, если вы еще в них нуждаетесь.

Джордж Дрендоут.

Постскрипtum. Флетчер предпочитает корабли генуэзского судовладельца Франчини.

Покои Али Паши. Вдоль стен - ярко-красные диваны, посередине фонтан. Паше приблизительно 60 лет, толстый и невысокий, с белой бородой. Приветлив и полон достоинства, с мягкими манерами, на самом деле жесток.

Секретарь паши (*встречая Байрона у входа*). Как ваше здоровье, дорогой лорд?

Байрон. Благодарю вас, путешествие прошло отменно.

Секретарь. Мы польщены оказанной нам честью. Его Превосходительство уже прочитал ваше письмо и с минуты на минуту примет вас.

Выходит Али Паша с молодым человеком.

Али Паша. Вот долгожданная встреча. Узнаете Махмута, это мой кузен. А Махмут, конечно же, узнает своего спасителя.

Махмут и Байрон обнимаются.

Лорд Байрон, почему вы покинули родину в столь юном возрасте?

Байрон. Посмотреть мир, Ваше высочество, набраться впечатлений...

Али Паша. В нашей стране люди не путешествуют без цели.

Байрон. Ваше высочество, как вы знаете, цель появилась и у меня.

Али Паша. Махмут лично навел справки о людях, которых вы описываете. Похожая троица вчера поздно вечером расположилась в гостинице возле бань. Я распорядился

пригласить этого торговца вечером, в сумерки. А пока доставьте мне удовольствие беседой. Вы пополняете впечатления, любуясь памятниками старины? *(жестом приглашает Байрона к угощению)*.

Байрон. С некоторых пор я нахожу живых женщин прекраснее всех античных богинь.

Али Паша. Успешно ли продвигаются ваши поиски Трои?

Байрон. Я забросил их, теперь я ищу Елену.

Али Паша, *(добродушно смеясь)*. Какой благородный юмор. Такая шутка достойна только знатной породы людей. Впрочем, ваше происхождение видно сразу - по маленьким ушам, кудрявым волосам, изящным белым рукам... Выразите мое почтение вашей матери. И считайте меня своим отцом, пока вы находитесь в Турции.

Байрон. Благодарю за честь, Ваше высочество, но мать моя уже замужем.

Али Паша *(хохоча)*. Как он дерзок! А известно ли вам, что меня называют мусульманским Бонапартом и слагают легенды о моей жестокости. Наполеон дважды предлагал сделать меня королем Эпира, но я сторонник Англии, а французов не терплю, *(протягивает табакерку, оба угощаются нюхательным табаком)*.

Наполеон прислал мне эту табакерку со своим портретом, вещицу я очень одобряю, а без портрета мог бы обойтись, потому что мне не нравится ни портрет, ни оригинал.

Скажите, это правда, что вы выкупили пленных греков в нашем порту и отправили их на родину?

Байрон. Да, Ваше высочество.

Али Паша. Вы не делаете различий между греками и турками?

Байрон. Я выкупал не греков и не турок. Я выкупал раненых.

Али Паша. Так на чьей вы стороне?

Байрон. На стороне гуманности.

Али Паша. Это по-христиански. И все-таки, как христианин, вы за греков в борьбе против нас, захватчиков?

Байрон. Да, Ваше высочество.

Али Паша. Вы смелый человек. Вам, конечно, известно,

что еще не за такие слова я поджаривал мятежников на медленном огне?

Байрон. Да, Ваше высочество!

Али Паша. Я редко жалею, что гяуры не тянутся к свету ислама. Но сейчас именно

такой случай. Как много вы бы обрели... Ведь это вы разожгли вражду своими

крестовыми походами. А до крестоносцев исламские правители приглашали христиан творить свои молитвы в наших мечетях.

Байрон. Разве мавры не раньше оккупировали Испанию?

Али Паша. Что плохого мы делали там? Оставляли шедевры архитектуры?

Байрон. Вы исламизировали христианский полуостров.

Али Паша. И потому на нас обрушили инквизицию?

Байрон. Инквизиция была ответной мерой. И поначалу предоставляла выбор - и вам, и иудеям: принимай христианство или покинь страну. Нельзя было дальше спокойно взирать, как христианское население поглощалось нехристианским. Вы нередко поступали так же. Это потом запылали костры - сначала в свихнувшихся мозгах, а следом - на городских площадях. И сжигали ведьм и колдунов, между прочим, в большинстве своем христиан.

Али Паша. Какая чушь! Мне жаль вас, Байрон. Христианство заведет вас в тупик.

Байрон. К христианству у меня немало вопросов. Ваше высочество, я уверен, что порядочный язычник попадет в рай, а дурной христианин - в ад. Если вне христианства или, то же самое, вне ислама, нет спасения, то почему не все являются правоверными христианами или мусульманами? Разве справедливо посылать проповедника слова Божия в Иерусалим или в Мекку, а все остальное человечество - негров, китайцев, индейцев - оставлять во тьме неведения? И кто поверит, что Бог ввергнет людей в ад за незнание того, чему их не учили? Я готов указать на десятки мусульман, стоящих выше христиан как примеры молитвы и исполнения долга

перед близкими. И наоборот. Но оставим эту нескончаемую тему. Я хочу прожить по возможности хорошо и умереть без мучений. Остальное в руках Божьих. Он есть, но если бы он явился, наверняка явился бы всем народам и так, чтобы его поняли все.

Али Паша. Итак, ни Христос, ни Магомет...

Байрон. Мне не известны догматы, которые сделали бы меня или вас лучше, добрее или мудрее. Я почти уверен, что Христос нес людям истинный свет. Но от его креста расплозились 72 отвратительные секты, раздирающие друг друга во имя Божье и из взаимной ненависти. Ни к одной из них не хочу принадлежать.

Али Паша. Это похвально. Печально лишь, что вы не желаете омыть свою душу вечным светом Корана.

Подходит, почтительно кланяясь, Махмут.

Али Паша. Он здесь? Приготовьте ему третий гостинец.

Байрон. Простите, Ваше высочество, что это значит?

Али Паша. Станьте за пальму, Байрон, и ни во что не вмешивайтесь. Для людей склада вашего Флетчера, у нас всегда наготове щедрые подарки.

Махмут (*у входа предупреждает Флетчера*), Гость Его высочества должен сдать у входа все оружие. Заслушание смертная казнь.

Флетчер. Конечно, конечно (*отдает Махмуту кинжал Тирзы*). Махмут незаметно закрепляет его сзади Флетчера. Флетчер подходит к трону Али Паши, изгибаясь в поклоне.

Али Паша. Садитесь, почтенный купец. Вы, надеюсь, пришли без оружия?

Флетчер. Я сдал его у входа, Ваше высочество.

Али Паша. До меня дошли слухи о вашем великом умении и усердии в торговых делах и получении барышей.

Флетчер. Ваше высочество... слишком добры...

Али Паша. Да-а, и я хотел бы поручить вам возглавить мой торговый караван в Индию.

Флетчер. Какая честь...

Али Паша. Бахтияра вы возьмете с собой. А куда вы денете вашу наложницу? Кстати, где они? Пусть войдут.

Бахтияр вводит Тирзу.

Флетчер. Ваше высочество, так осведомлены... Но она мне не наложница. Она потеряла рассудок после смерти отца в Грузии. Мать ее тоже сошла с ума, и я взял сироту с собой из сострадания...

Байрон, *(выходя из-за пальмы)*. Ты лжешь, купец!

Флетчер. Я лгу? Попался, прелюбодей! Ваше высочество, вот человек, который пытался выкупить ее у меня, дабы насытить свою похоть.

Тирза в это время с криком падает в объятия Байрона

Али Паша. Похоже, девушка и сама не против, чтоб ее перекупили. Но мнение женщины не играет для нас роли. А есть ли у тебя свидетели, купец?

Флетчер. По всему пути. От Тифлиса до Константинополя.

Спросим хоть у капитана корабля, на котором я прибыл.

Али Паша. Да, Байрон, похоже вы возводите на этого человека напраслину. Я не люблю таких шуток.

Байрон заметно растерян, Тирза в ужасе. В это время Али Паша «замечает» кинжал за спиной Флетчера.

Что это? Стража!

Стражники хватают Флетчера

Али Паша. Вас предупреждали, чем грозит вход сюда с оружием?

Флетчер. Я его сдал! Кто-то мне прицепил его. Это зависть. Зависть, Ваше высочество. Узнайте, кто собирался вести караван в Индию? Флетчера не проведешь. Кто-то решил устранить меня с пути.

Байрон. Это мой кинжал, Ваше высочество. На нем мои инициалы (*показывает*). Джордж Гордон Ноэль. Я подарил его Тирзе. Но такая безделушка не защита против зубов гиены.

Али Паша. Казнить его на рассвете.

Тирза. Нет! Он мог убить меня, и я никогда не увидела бы вас, добрый господин. Да не прольется из-за меня ничья кровь. Господь ему судья.

Али Паша (*грозно*). Девочка, не забывайся! Перед тобой владыка этой земли!

Байрон. Умоляю вас, не откажите ей. Она и без того на грани помешательства.

Али Паша (*подумав*). На галеры его. За двадцать лет авось стряхнет жирок.

Флетчера уводят.

Али Паша (*Байрону*). Я обещал вам быть отцом. (*Тирзе*). А тебе я буду дедом. В соседней комнате миндаль, сладкий шербет, фрукты и конфеты.

Махмут! Следи, чтобы все это подавалось по десять раз в день.

Сцена IV. Голос за кадром

Турецкий Константинополь, 11 марта 1810

Дорогая матушка!

Я уже многократно писал вам о злключениях бедной моей подопечной Тирзы. Похоже, дело близится к развязке, вот только не знаю - счастливой или печальной. Все эти две недели она пролежала в полугорячке, избегая в редкие минуты душевного равновесия смотреть мне в глаза и отворачиваясь к стене. Она стыдится себя. Она не хочет жить. Мне кажется, милая матушка, что может случиться страшное. В ней нет ненависти, а значит, нет источника сил для выживания. Под знаменем ненависти выжить легче, чем под хоругвью любви. Но это будет временный успех. А в ее глазах я вижу разверстую Вечность.

Она не понимает, что страдания даются как испытание. Она слишком мала для этого, она винит судьбу, а судьбе надо противостоять. Лишь тот, кто понимает назначение страданий, может выжить.

По счастью, здесь проездом оказался мой давний приятель, православный игумен с острова Крит - мы с ним путешествовали в прошлом году от Сицилии до Кадикса и очень привязались друг к другу, несмотря на мои буйные, а его смиренные религиозные воззрения.

Отец Исидор - единственный, с кем Тирза разговаривает. Мы предложили девочке принятую путем совета идею - перевезти ее на Крит, благо тут недалеко. Пусть окрепнет среди цветущих рощ и душеспасительных бесед.

Я приеду к ней месяца через два или раньше, если отец Исидор подаст мне добрый знак. Итак, небывалый союз четырех - богоборца Байрона, смиренника Исидора, нашего кровожадного хозяина Али Паши и подстреленной голубки Тирзы завтра будет распущен.

Хвала гостеприимству Али Паши. Между прочим, матушка, сей тиран в облике праведного Ноя косвенно стал вашим супругом, ибо называл меня сыном. А таким, как он, не возражают - спросите у Флетчера, отправленного на галеры Остаюсь - любящий вас Джордж Байрон

Остров Крит. Сад перед домом отца Исидора. Священник встречает Байрона.

Байрон. Она безнадежна?

Отец Исидор. Да. Вы успели вовремя. Все может случиться уже сегодня ночью Она совсем не боится смерти, Байрон. Она поразила меня. В ее возрасте люди владеют лишь средой обитания, а она владеет Вселенной. Маленькой печальной Вселенной, озаренной двумя лучами света - это могила отца и любовь к вам.

(входят в дом, подходят к постели Тирзы. Байрон берет ее руку в свою).

Тирза. Любимый! Как гневит тебя Божий мир. Ты все еще хочешь спорить с Богом, доказать ему свою правоту?

Байрон. Да, Тирза.

Тирза. Но ты научишься прощать... Быть смиреннее.

Байрон. Если доживу до старости.

Тирза. А мне на это понадобилось так немного времени.
Отец Исидор... Мы с Джорджем... Мы сможем увидаться на
Небесах? Ведь он не нашей с вами веры...

Отец Исидор. Любовь Господня безгранична.

Тирза. Джордж... Я вижу на челе твоём печать Божью.

Сопроводи меня стихами в мир иной...

Байрон.

В морях, на корабле бегущем ,

Я нес любовь сквозь все года.

Нас жизнь и Прошлым, и Грядущим Хотеласблизить... Никогда!

Когда часы текли к кончине,

Когда без мук она пришла,

Того, кто верен, и доныне

Ты сердцем на одре ждала.

Когда же от земной печали

Тебя влекло в иной приют,

Как по моим они бегут?

Чьи слезы по щекам бежали,

Но если чистых душ селенья

Того, кто чужд пороку, ждут,

О, дай мне часть благословенья

И вырви из юдольных пут.

И научи терпеть, прощая —

Таким был ранним твой урок,

Такой была любовь земная,

Что встреча в небе - наш залог.

*Священник осеняет застывшую Тирзу крестом. Свет медленно
гаснет, полностью исчезая перед последним кадром,
который произносится в темноте, сопровождаемый световым
эффектом возносящейся в Небеса души Тирзы.*

Конец

САРИШВИЛИ ВЛАДИМИР КАРЛОВИЧ родился в Батуми в 1963 г. В 1985 г. окончил Тбилисский государственный университет. Кандидат филологических наук, сонетолог.

Член Союза писателей Грузии и Федерации журналистов Грузии. Лауреат Всесоюзного конкурса литературных произведений на шахматную тему (*Воронеж, Россия, 1990 г.*). Обладатель международного сертификата журналистов (*Кальмар, Швеция, 2003.*), Лауреат Пушкинского конкурса педагогов-руссистов СНГ (*Москва, 2003*), лауреат Международного конкурса фонда Ельцина "Лучшему переводчику с национального языка на русский" в номинации "Мэтр" (*2008*), лауреат литературной премии имени Юрия Долгорукого для авторов, пишущих на русском языке Московского фонда поддержки соотечественников и Правительства Москвы (*2010*). Участник пятнадцати международных конференции по проблемам русской и зарубежной литературы (*Грузия, Россия, Латвия, Польша, Украина*). Опубликовал более 30 научных статей.

Автор около 100 художественных публикаций (*Грузия, Россия, Израиль, Канада*) и более 1000 публицистических статей в периодике различных стран.

Автор сборника «Стихи. Поэмы. Переводы.»

(*Москва, 1989*), малой антологии «Грузинская поэзия в русских переводах XIX-XX вв.» (*Тбилиси, 2003 г.*), сборника стихотворений «Afterlife» (*Тбилиси, 2007*).

Работал корреспондентом и собственным корреспондентом газет и журналов Грузии, России, Казахстана, США и Канады.

СОДЕРЖАНИЕ:

Безумцы, лихоимцы	4
Там, на заре времен	4
Дожливый май	5
Шуточные хайку	5
Первые листья	5
Ее прозвали Елочка	6
Я разводил когда-то пчел	6
Я отслужил. Я – верный пес	7
В моей коллекции четверо хромых	7
Ветер	8
Прости, король	8
Рождение теоремы	9
Осень-пограничник	9
Чайная роза	9
Робинзонада	10
Похороны	11
Ковбой в раю	15
Получу я, получу	18
Утро перед сражением	18
Однажды, когда холодеющий воздух	19
Я в карманы старых брюк	20
Закончится день суеты, перебранок	20
Не услышу сегодня	21
Преграды, беды	21
Воздух вешний и сер	21
Сморкается в салфетку	22
Где, облезлые, как тигры	22
Письмо без адреса	23
Кляча	24
Инопланетяне	25
Аристотель и Зенон	26
Рыночная зарисовка	26
Из «Сонетов похмелья»	27
У дамы ближе к сорока	29
Исход	29
Нищие	30
Печать звериной тупости застыла	31
Орлы и воробьи	31
Шутки на тему времени	32
Мы выползаем из дверей	33
Слеза, чем горше ты и солоней	33

Ты вся из воздуха
Со скалы, крутой и рыхлой, камни
Песня бродяги.....
Слоны.....
Это я, Господи.....
Уеду. Город мой вовек.....
Я сам не знаю — сколько лет
Убывает с повинной душа.....
Сырела природа, и лица.....
Янки деньги держат в банке.....
Нет, ни один на свете
Светилась земля, но утроба
Сон кентавров.....
Старолондонские сонеты.....
Стихи о львице Диане.....
Лорд Мальборо на вилле
У свечи всю ночь голова в огне.....
Дождь под вечер выплакался наспех.....
Шекспир.....
Луны полугнилой лимон
Совы
Сумерки.....
Ты видишь трещинку
Дом
Осень
Как неуютно ходить мимо прошлых.....
В ту ночь морозную, когда мутнели стекла.....
Ты меня разлюбишь не сегодня.....
Не уверяй напрасно
Всем хорошо - и неграм, и татарам
Рыбная ловля на Тбиси
Осенний лист, усталый стайер
Накануне
Пейзаж для двоих.....
Когда сползает ночь
Со скрипом открывается окно.....
Гармония тонов на краешке.....
Появился некстати.....
Неведомый доселе алфавит.....
Человечек мой ласковый.....
Когда я вам понравлюсь.....

Молитва зародыша	65
Полководец и бабочки	66
Инфанта	67
У Франца Шуберта урок	67
Гамлет	69
Что зависть Париса	70
Когда, поколесив по миру	70
Я пил античное вино	71
Любовь	71
Проходишь походкой медвежьей	73
Рубаи	73
Цветет июнь. И юная И-юнь	74
Звездное небо	74
Поэзии	75
Не хочу	76
Хайку	77
Свидетель волшебства	77
Колхидец в Риме	78
Понимаете ли, обыватели	80
Белая ночь	80
В черный день	80
Путь	81
Слеза, чем горше	82
Прогулка по городу	83
Чего добился	84
За баночкой	84
Атака кончена	85
В приданое	85
Над этой женщиной	86
Вот мраком, замшевым	86
За то, что руки я не опустил	86
Письмо к Иисусу	87
Случайно заведенный разговор	87
Флейтистка	88
Увидеть, нет, прозреть, поняв	88
Распластаны, как мокрые вороны	89
Тащись, моя бричка	89
Триолеты	90
Просить ночлега у чужих	90
Все невзгоды с лихвой окупятся	91
Ты так и завяла	91
В пепельнице луны сигара	92
Филину Бубо, в дремучий лес	93

Баллада о белых лошадях	94
Ни звезд. Ни зги. Ни звука	95
Автопортрет	98
Когда мне последняя шлюха	98
Как блеклая цветная фотография	99
Сентиментальный стих о смерти	99
Дуэль	100
Король Бу-Бу	102
Ночь Ван Гога	102
Здравствуй, долгожданная свобода	103
Я хотел бы уметь ездить	103
Совиными когтями	103
Ветер вывернул челюсти	104
Колыбельная	105
Сломал хвостом	105
Мотылек	105
Постоялец	107
Мороженщица Като	108
Не стучите в двери	109
Веселая элегия по шевелюре	110
Молитва	110
Не для того душа	111
Ночь умерла	112
На пляже дай, на пляже на	112
Меж объявлением	113
Вечерний звон	114
Занимательный синтаксис	114
Сотворение Мира	114
Я мастерила ошейник	123
Репортаж из Тбилиси 1992	123
Иона	124
Звездный час	129
Синие кони Г. Табидзе	138
Озимандия Египетский. П.Б. Шелли	139
Ворон Э. По	139
Ворон 2	143
Пьяный корабль А. Рембо	147
Тирза (трагедия в двух действиях)	151
Об авторе	203

ИЗДАТЕЛЬ -

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»**

Автор книги

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ

Над книгой работали:

Дизайн

Ирина Паназарова

Технический редактор

Давид Абуладзе

Компьютерный набор

Ирина Паназарова

Компьютерная верстка

Ирина Паназарова

Давид Элбакидзе-Мачавариани

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge rusculture@mail.ru